

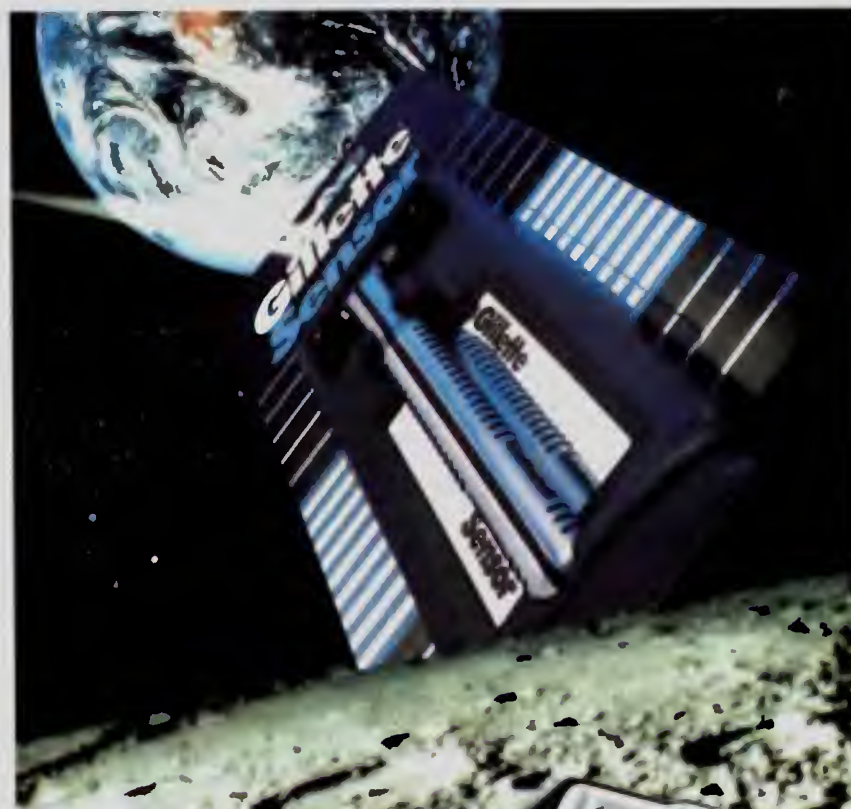
A/O **PRAGMA** 23-1-74

TRADING

ПРЕДЛАГАЕТ ПРОДУКЦИЮ ФИРМЫ

Gillette

Gillette

■ Бритвенные станки многоразового пользования:
«GILLETTE-CONTOUR», «GILLETTE-SLALOM»,
«GILLETTE-SENSOR»;

■ Кассеты с запасными лезвиями к многоразовым станкам;
■ Бритвенные станки одноразового пользования;
■ Нержавеющие и платиновые лезвия к безопасным
бритвенным станкам;
■ Различные виды кремов, пен и гелей для бритья.

ОПТОВЫЕ И МЕЛКООПТОВЫЕ ПАРТИИ СО СКЛАДА В МОСКВЕ

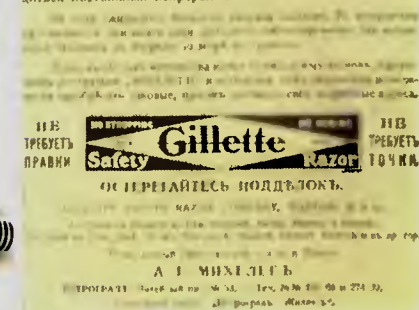
Индекс: 73325

ВСЕМИРНО ИЗВЕСТЕН.

СНИМЬ доводится до всеобщего сведения,
что исключительное представительство
на всю Россию по продаже всемирно-изв-
стного американского безопасного бритвен-
ного аппарата «ГИЛЕТТ» отныне передано
фирме А. Г. Михельс, в Петроград, Литей-
ный пр., 53, по каковому адресу просить
всех уважаемых оптовых покупателей
впредь обращаться со своими требованиями.

Переданная партия аппаратов «ГИЛЕТТ» и брит-
венных кассет с запасными лезвиями отпущена на рынок из Нью-Йорка
через Швецию и поступила в продажу только через два
дня. Ввиду поступления в продажу будет особенно
выгодно приобрести на складе в Петрограде будет нахо-
диться постоянный непрерывный запас.

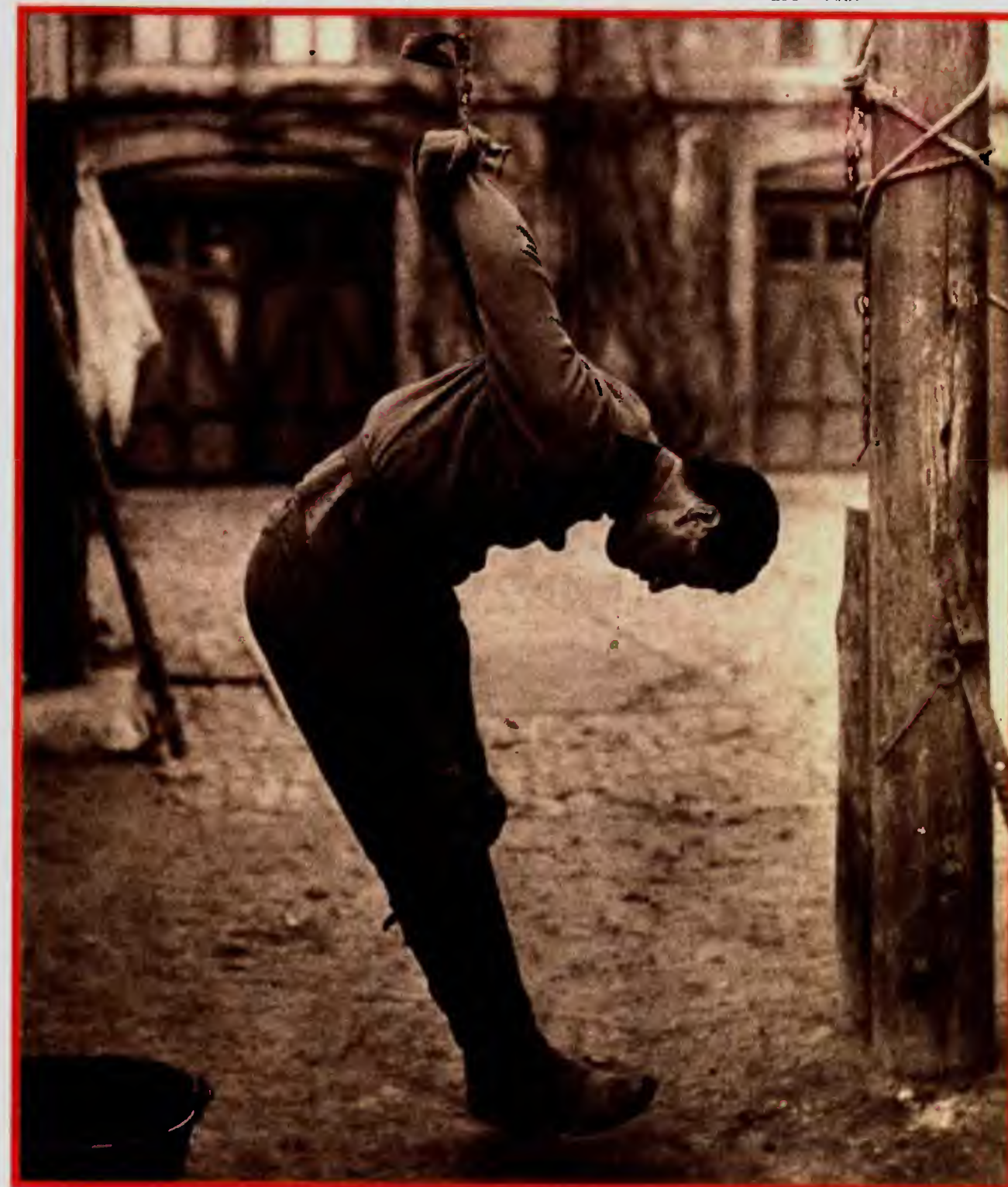
Адрес:
129110, г. Москва,
проспект Мира, дом 39.
Телефоны: (095) 280-14-38;
280-57-66

Факс: (095) 280-13-51
Телекс: 414701 PRAGM SU
Филиал (г. Харьков):
(0572) 21-87-32

РОДИНА

8—9—1993

ISSN 0235—7089

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: 1914—1918 (неизвестные страницы)

СЕЗОН СВИНЦОВЫХ ДОЖДЕЙ

Фото Виктора [имя]

РОДИНА

РОССИЙСКИЙ ИСТОРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 8 — 9 — 1993

Выходит с января 1989 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
В. П. ДОЛМАТОВ

РЕДАКТОРАТ:
В. А. АВДЕВИЧ
(первый заместитель
главного редактора —
руководитель коммер-
ческого центра)
Л. А. АННИНСКИЙ
(обозреватель)
В. С. АРУТЮНОВ
(главный художник)
С. А. ВОЛОВЕЦ
(заместитель главного
редактора)
Ф. Н. МЕДВЕДЕВ
(редактор отдела
русского зарубежья)
В. А. ПАНКОВ
(заместитель главного
редактора)
А. В. ПОПОВ
(ответственный секретарь —
редактор отдела междуна-
циональных отношений)

ОБЩЕСТВЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
С. С. АВЕРИНЦЕВ
Н. И. БАСОВСКАЯ
В. И. БРАГИН
В. В. БЫКОВ
П. В. ВОЛОБУЕВ
Н. Я. ПЕТРАКОВ
С. А. ФИЛАТОВ
А. С. ЦИПКО

МАКЕТ И ОФОРМЛЕНИЕ
В. С. Арутюнова
при участии
В. В. Евдокимкина,
Т. П. Яковлевой.

Номер набран и сверстан
в компьютерном центре
журнала «Родина».
Компьютерная верстка
Т. А. Киселевой.

Рукописи не возвращаются и
не рецензируются.
Перепечатка материалов
и документов допускается
только по соглашению
с редакцией.

СОДЕРЖАНИЕ

*Где воевал Барклай де Толли
в 1914 году?* 6

ГЛАВА I

Российский Нострадамус 10
*Drang nach Osten. Из секретной
докладной записки Германского
генштаба* 14

Ю. ПИСАРЕВ

*«Наши дети будут ходить по
Вене...»* 16

В. НЕВЕРОВ
Мир спасется верой 23

А. ВИНОГРАДОВ
Закат дома Габсбургов 24

А. ИВАНОВ
*«Вильгельм — дегенерат нероно-
вского типа»* 30

ГЛАВА II

Ю. ТРАМБИЦКИЙ
Действующие лица 36

П. АПТЕКАРЬ
Агенты и резиденты 40

Тайные силы 46

Ф. СТЕПУН
*«Спасение Германии в России.
Спасение России в Германии»* 50

А. ДОЛНЫКОВ
Своя и чужая земля 62

И. ОБРАЗЦОВ
Сила и дух 64

В. АНДРЕЕВ
Прерванный полет 68

«Кавалерист-девица» из Чека 75

*«Мой батальон не остримит
Россию...»* 78

Труды и дни Главковерха 82

Проигранная победа 84

Л. ПЕТРУШЕВА
Неизвестный Брусилов 86

Т. ШЕВЯКОВ
Знамена и штандарты 89

*Представляем журнал «Кадет-
ская перекличка»* 92

П. ПАГАНУЦЦИ
*Император Николай II — спаси-
тель сотен тысяч армян от
турецкого геноцида* 93

Русский флаг на берегах Рейна ... 97

И. МАЗИЛКИНА
Ю. ОРЛИЦКИЙ
На линии огня и смерти 108

Л. РЕШИН
*Был воином до последнего дня
жизни* 114

Е. ЕРМОЛЕНКО
Реквием Андреевскому флагу 117

В. ЛИПАТОВ
*«И севом богатым в карпатскую
землю солдатские кости
легли...»* 120

ГЛАВА III

А. ЗАШИХИН
Лев + медведь 124

Н. ХАРЛАМОВ
Избиение в первопрестольной ... 127

А. БОРДЮКОВ
В плену у турок 133

Три пайки хлеба 136

Сострадание 138

М. ВОЛОЦКИЙ
Кумиры публики 146

А. ИВАНОВ
Студенты в окопах 150

Солдатская история 153

Т. ЩЕРБИНА
В зале несуществующего музея ... 156

ГЛАВА IV
Исчезнувший монумент 160

«Многие жаждали войны» 161

А. ГИТЛЕР
Mein Kampf 164

Я. ЛЕОНТЬЕВ
*«Мы на горе всем буржуям мировой
пожар раздуем...»* 170

Г. ПОМЕРАНЦ
Вкус к жестокости 172

И. Г. ЯКОВЕНКО
Россия, которую мы не терли ... 176

Р. ЗОЛОТАРЕВ
Сожженная карта 179

Лейтмотив
Л. АННИНСКИЙ
«Неизвестная война» 182

В. НИКИТИН
Ракурс 183

ГДЕ ВОЕВАЛ БАРКЛАЙ ДЕ ТОЛЛИ В 1914 ГОДУ?

ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЖУРНАЛА «РОДИНА»

Проведенное независимым Центром исследований политической культуры России совместно с журналом «Родина» анкетирование, посвященное проблеме «Россия и войны», вызвало немалый интерес у читательской аудитории журнала. В редакцию прислано около 500 анкет — а это много для нашего времени, когда интерес к вещам «непрактическим», чуждым повседневной утилитарности, быстро падает под напором житейских неурядиц и тревог. В чем-то, надо полагать, этому помогла и сама проблематика обследования, приобретающая сегодня, в обстановке обострения всех и всяческих конфликтов, особое звучание. Об этом говорит и состав людей, приславших ответы на анкету, — в подавляющей массе (более чем на 80%) это оказались мужчины, главным образом зрелого молодого и среднего возрастов, т. е. самых призывных, так сказать, категорий.

Надо признать, взгляды наших современников на военную историю России далеко не просты, нередко противоречивы и в любом случае — неоднородны, поскольку их познания о тех или других событиях, как правило, частичны, обрывисты, случайны.

Ограниченность собственных познаний в данной области чувствуют, судя по итогам опроса, и сами сограждане. Во всяком случае, утверждать, будто та война не является для них «войной неизвестной, очередным белым пятном истории», решаются всего 6,6% анкетированных. Прочие же так или иначе — полностью или отчасти — признают собственную неосведомленность.

Впрочем, все это отчетливо видно и из материалов обследования. Казалось бы, самый легкий вопрос — назвать военачальников первой мировой войны. В ответах же прозвучали лишь три-четыре фамилии. В сущности, «на слуху» оказалось лишь имя А. А. Брусилова (памятного своим прорывом на Юго-Западном фронте в мае—июне 1916 г.) — о нем вспомнил 71% читателей. А вот уже А. В. Самсонова в состоянии оказались упомянуть всего 19,8% респондентов. Далее — резко по убывающей. Не затронутые либо мало затронутые отечественной (особенно к массам обращенной) историографией, кинематографом и художественной литературой имена так и остаются неизвестными. Скажем, Н. В. Рузский — одна из наиболее ярких фигур среди полководцев той войны — известен всего 0,8% анкетированных. Образовавшийся же вакуум имен многие пытаются (скорее бессознательно, нежели рационально) заполнить ссылками на тех генералов, что прославились позднее, уже в гражданскую войну. Так, почти каждый десятый упомянул Л. Г. Корнилова, А. В. Колчака; куда реже всплывают в людской памяти Н. Н. Юденич, П. Н. Краснов и прочие. Есть и явные ошибки — среди деятелей первой мировой войны бытуют и М. Б. Барклай де Толли, и М. Д. Скобелев...

Немалая разногласия характерна и для общей оценки нашими современниками не только Великой войны, но и ее последствий для России. Особенно в том, что касается заключения секретного Брестского мира. Вот, например, как оценивается нашими респондентами этот ключевой момент отечественной истории:

— То был предательский шаг со стороны захвативших власть большевиков	— 35,5%
— Ленин и его соратники были агентами Германии и потому делали все, чтобы спасти ее от разгрома	— 24,8%
— Россия была вынуждена пойти на такой шаг, поскольку этого требовали интересы начавшейся революции	— 24,0%
— Большевики просто слепо следовали постулатам марксизма, выступая против «империалистической войны»	— 14,0%
— Такова была воля самого народа, не желавшего воевать «за Дарданеллы»	— 9,9%
— Союзники столько раз предавали интересы России, что она была вправе порвать с ними и пойти на односторонний мир с Германией	— 9,9%
— Выход из войны был верным и законным шагом, т. к. то была несправедливая, империалистическая война буржуазии ведущих капиталистических стран за передел мира	— 4,1%
— Не имели мнения, не дали ответа	— 7,4%

Как видим, и сегодня массовый менталитет сохраняет практически весь набор мнений, существовавших во время дискуссий по заключению мира с Германией. И снова нет единодушия. Правда, утратили авторитет

чисто большевистские, если так можно сказать, объяснения случившегося — безоглядная апология Бреста имеет сейчас не так уж много сторонников. Ей продолжает платить дань примерно один из четырех участников опроса. Однако и другая крайность — стремление сводить все действия большевиков исключительно к подрывным акциям в пользу Германии — никак не способна доминировать: к ней склоняется примерно такая же часть респондентов, т. е. около 25%. Для остальных же все выглядит не так однозначно и просто. Почти в равной степени они склонны выдвигать на первое место как чисто моральный довод (постыдность сговора с врагом и разрыва с союзниками), так и объективную неизбежность подобного шага: мол, стране жизненно важно было как можно скорее уйти из-под пресса военных забот и сконцентрироваться на вещах внутренних, принимавших катастрофический характер. В общем, дискуссия продолжается...

...Продолжается и никак не может закончиться и по целому ряду иных вопросов. В том числе и таких, что возникают при попытках (конечно же, «незаконных», но заманчивых) пересмотреть последствия мировой войны с позиции «что было бы, если бы?». И в частности: каким было бы будущее России, не выйди она из войны, не заключи мира с Германией. И здесь все тот же разброс мнений:

— Россия избежала бы большевистской диктатуры, гражданской войны, репрессий 30-х — начала 50-х годов и всех последующих экспериментов над ее народом	— 39,7%
— Она оказалась бы в рядах победителей, восстановилась бы после войны и стала бы несравненно более мощной и влиятельной силой, чем была	— 30,6%
— Обескровленная и materially истощенная, она скатилась бы в ряды слабых государств, а потом в муках восстанавливала бы свое хозяйство и авторитет в мире	— 13,2%
— Россия полностью истощила бы свои силы и попала в полную зависимость от своих союзников, стала бы их колонией	— 9,9%
— Сегодня мы были бы первой мировой державой	— 9,1%
— Октябрьская революция не победила бы, и в стране сохранился бы строй, основанный на капиталистическом угнетении народа	— 5,0%
— Страна пережила бы еще большую, чем это на деле произошло, катастрофу и безвозвратно погибла	— 4,9%
— Иное мнение, нет мнения	— 9,1%

Как видим, и в данном случае лишь относительное большинство ответивших (чуть более трети) твердо убеждено, будто Россия, продолжив войну, избежала бы мрачной участи. И вновь им противоречит близкая по численности — до четверти респондентов — доля опрошенных, видящих в Бресте спасительный в конечном счете для страны шаг. Остальных привлекают менее «политизированные» варианты истории.

Спор, увы, с десятилетиями не затихает. Наоборот, отталкиваясь от явных либо скрытых параллелей уже наших дней, грозит заново вспыхнуть и разгореться.

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЦОВ,

доктор исторических наук,

генеральный директор Центра исследований политической культуры России

ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ

В НЕМЕЦКОМ ГОРОДКЕ

Е. А. Маршовой

1

Весна

*Весело чижик поет
В маленькой ивово́й клетке.
Снова весна настает,
Бойко судачат соседки:*

*«Нет, не уйдешь от судьбы:
Все дорожает картофель!..»
Вон — трубочист из трубы
Кажет курносый свой профиль...*

*К ишляне приделав султан,
В память былого, от скуки,
Учит старик Иоганн
Деток военной науке.*

*Плещется флаг голубой,
Кто-то свистит на кларнете...
Боже мой, Боже ты мой, —
Сколько веселья на свете!*

Январь 1914

ГЛАВА I

РОССИЙСКИЙ НОСТРАДАМУС

За полгода до начала первой мировой войны Николай II получил памятную записку с анализом возможного развития и последствий общеевропейского военного конфликта. Ее автором был член Государственного совета Петр Николаевич Дурново, в прошлом (1905—1906) министр внутренних дел в кабинете С. Ю. Витте. Записка не была замечена, а между тем ее автор предугадал и ход, и во многом результаты участия России в войне с Германией и ее союзниками.

ПЕТР ДУРНОВО

Центральным фактором переживаемого нами периода мировой истории является соперничество Англии и Германии. Это соперничество неминуемо должно привести к вооруженной борьбе между ними, исход которой, по всей вероятности, будет смертелен для побежденной стороны. Слишком уж несовместимы интересы этих двух государств и одновременное великодержавное их существование рано или поздно окажется невозможным. Англо-русское сближение ничего реально полезного для нас до сего времени не принесло. В будущем оно сулит нам неизбежно вооруженное столкновение с Германией.

В каких же условиях произойдет это столкновение и каковы окажутся вероятные его последствия? Основная группировка при будущей войне очевидна: это — Россия, Франция и Англия, с одной стороны, Германия, Австрия и Турция — с другой. Более чем вероятно, что примут участие в войне и другие державы, в зависимости от тех или других условий, при которых разразится война... Италия, при сколько-нибудь правильно понятых своих интересах, на стороне Германии не выступит... Более того, не исключена, казалось бы, возможность выступления Италии на стороне противогерманской коалиции, если бы жребий войны склонился в ее пользу в видах обеспечения себе наиболее выгодных условий участия в последующем дележе. В этом отношении позиция Италии сходится с вероятной позицией Румынии, которая, надо полагать, останется нейтральной, пока весы счастья не склонятся на ту или другую сторону. Тогда она, руководствуясь здоровым политическим эгоизмом, примкнет к победителям, чтобы быть вознагражденной либо за счет России, либо за счет Австрии. Из других балканских государств Сербия и Черногория, несомненно, выступят на стороне, противной Австрии, а Болгария и Албания, если к тому времени она образует хоть эмбрион государства, на стороне, противной Сербии. Греция, по всей вероятности, останется нейтральной или выступит на стороне, противной Турции, но лишь тогда, когда исход войны будет более или менее предрешен. Участие других государств явится случайным, причем следует опасаться

выступления Швеции, само собой разумеется, в рядах наших противников. При таких условиях борьба с Германией представляет для нас огромные трудности и потребует от нас неисчислимых жертв. Война не застанет противника врасплох, и степень его готовности, вероятно, превзойдет самые преувеличенные наши ожидания. Не следует думать, чтобы эта готовность проистекала из стремления самой Германии к войне. Война ей не нужна, коль скоро она и без нее могла бы достичь своей цели — прекращения единого владычества Англии над морями. Но раз эта жизненная для нее цель встречает противодействие со стороны коалиции, то Германия не отступит перед войной и, конечно, постарается даже ее вызвать, выбрав наиболее выгодный для себя момент. Главная тяжесть войны, несомненно, выпадет на нашу долю, так как Англия к принятию широкого участия в континентальной войне едва ли способна, а Франция, бедная людским материалом, при тех колоссальных потерях, которыми будет сопровождаться война в современных условиях военной техники, вероятно, будет придерживаться строго оборонительной тактики. Роль тарана, пробивающего самую толщу немецкой обороны, достанется нам, а между тем сколько факторов будет против нас и сколько на них нам придется потратить и сил, и внимания!

Из числа этих неблагоприятных факторов следует исключить Дальний Восток. Америка и Япония, первая по существу, вторая — в силу совместной политической ориентации, — обе враждебны Германии, и ждать от них выступления на ее стороне нет основания. К тому же война, независимо даже от ее исхода, ослабит Россию и отвлечет ее внимание на запад, что, конечно, отвечает и японским, и американским интересам... Более того, не исключена возможность выступления Америки или Японии на противной Германии стороне, но, конечно, только в качестве захватчиков тех или иных плохо лежащих германских колоний.

Зато несомненен новый взрыв вражды против нас в Персии, вероятны волнения среди мусульман на Кавказе и в Туркестане, не исключена возможность вы-

ступления против нас, в связи с последним восстанием, Афганистана, наконец, следует предвидеть весьма неприятные осложнения в Польше и Финляндии.

Готовы ли мы к столь упорной борьбе, которой, несомненно, окажется будущая война европейских народов? На этот вопрос приходится, не обинуясь, ответить отрицательно. Менее, чем кто-либо, я склонен отрицать то многое, что сделано для нашей обороны со времени японской войны. Несомненно, однако, что это многое является далеко не достаточным при тех невиданных размерах, в которых неизбежно будет протекать будущая война.

Жизненные интересы России и Германии нигде не сталкиваются и дают полное основание для мирного сожительства этих двух государств. Будущее Германии — на морях, т. е. именно там, где у России, по существу, наиболее континентальной из всех великих держав, нет никаких интересов. Заморских колоний у нас нет и, вероятно, никогда не будет, а сообщение между различными частями империи легче сухим путем, нежели морем. Избытка населения, требующего расширения территории, у нас не ощущается.

Скажу более, разгром Германии — в области нашего с ней товарообмена — для нас невыгоден. Разгром ее несомненно завершился бы миром, продиктованным с точки зрения экономических интересов Англии. Эта последняя использует выпавший на ее долю успех до самых крайних пределов. Англии выгодно убить германскую морскую торговлю и промышленность Германии, обратив ее в бедную, по возможности, земледельческую страну. Нам выгодно, чтобы Германия развивала свою морскую торговлю и обслуживаемую ею промышленность в целях снабжения отдаленнейших мировых рынков и в то же время открывала бы свой внутренний рынок произведениям нашего сельского хозяйства, для снабжения многочисленного своего рабочего населения.

Что касается немецкого засилья в области нашей экономической жизни, то едва ли это явление заслуживает те нарекания, которые обычно против него раздаются. Россия слишком бедна капиталами и промышленной предприимчивостью, чтобы могла обойтись без широкого притока иностранных капиталов. Поэтому известная зависимость от того или другого иностранного капитала неизбежна для нас до тех пор, пока промышленная предприимчивость и материальные средства русского населения не разовьются настолько, что дадут возможность совершенно отказаться от услуг иностранных предпринимателей и их денег. Но пока мы в них нуждаемся, немецкий капитал выгоднее для нас, чем всякий другой. Прежде всего этот капитал из всех наиболее дешевый, как довольствующийся наименьшим процентом предпринимательской прибыли. Этим, в значительной мере, и объясняется сравнительная дешевизна немецких произведений и постепенное вытеснение английских товаров с мирового рынка. Меньшая требовательность, в смысле рентабельности немецкого капитала, имеет

своим последствием то, что он идет на такие предприятия, на которые, по сравнительной их мелкой доходности, другие иностранные капиталы не идут. Вследствие той же относительной дешевизны немецкого капитала, прилив его в Россию влечет за собой отлив из России меньших сумм предпринимательских барышей, по сравнению с английскими или французскими, и, таким образом, большее количество русских рублей остается в России. Мало того, значительная доля прибылей, получаемых на вложенные в русскую промышленность германские капиталы, и вовсе от нас не уходит, а проживается тут же, в России, в отличие от английских и французских, германские капиталисты большей частью и сами со своими капиталами переезжают в Россию. Этим их свойством в значительной степени и объясняется поражающая нас многочисленность немцев-промышленников, заводчиков и фабрикантов, по сравнению с англичанами или французами. Те сидят себе за границей, до последней копейки выбирая из России вырабатываемые их предприятиями барыши. Напротив того, немцы-предприниматели подолгу проживают в России и быстро русеют. Кто не видал, например, французов и англичан, чуть не всю жизнь проживающих в России и, однако, ни слова по-русски не говорящих? Напротив того, много ли видно в России немцев, которые хотя бы с акцентом, ломаным языком, но все же не объяснялись по-русски? Мало того, кто не видал чисто русских людей, православных, до глубины души преданных русским государственным началам, — и однако, всего в первом или втором поколении происходящих от немецких выходцев?

Война потребует таких огромных расходов, которые во много раз превысят более чем сомнительные выгоды, полученные нами вследствие избавления от немецкого засилья. Мало того, последствием этой войны окажется такое экономическое положение, перед которым гнет германского капитала покажется легким. Ведь не подлежит сомнению, что война потребует расходов, намного превышающих ограниченные финансовые ресурсы России. Придется обратиться к кредиту союзных и нейтральных государств, а он будет оказан, разумеется, не даром.

Не стоит даже говорить о том, что случится, если война окончится для нас неудачно. Финансово-экономические последствия поражения не поддаются ни учету, ни даже предвидению и, без сомнения, отразятся полным развалом всего нашего народного хозяйства. Но даже победа сулит нам крайне неблагоприятные финансовые перспективы. Вконец разоренная Германия не будет в состоянии возместить нам понесенные издержки, покрыть наши военные расходы. Продиктованный в интересах Англии мирный договор не даст ей (Германии. — *Ред.*) возможности экономически оправиться настолько, чтобы даже впоследствии покрыть наши военные расходы. То немногое, что, быть может, и удастся с нее урвать, придется делить с союзниками, и на нашу долю придутся ни-

чтожные, сравнительно с военными издержками, крохи. А между тем военные займы придется платить не без прижима со стороны бывших союзников. Ведь после крушения германского могущества мы уже более будем им не нужны. Мало того, возросшая, вследствие победы, политическая наша мощь побудит их ослабить нас хоть экономически. И вот неизбежно мы попадем в такую финансовую и экономическую кабалу к нашим кредиторам, по сравнению с которой теперешняя зависимость от германского капитала покажется идеалом.

Как бы печально, однако, ни складывались экономические перспективы, открывающиеся нам как результат союза с Англией, следовательно, и войны с Германией, они все же отступают на второй план перед политическими последствиями этого, по существу своему противоестественного союза. Не следует упускать из виду, что Россия и Германия являются представительницами и консервативного начала в цивилизованном мире, противоположного началу демократическому, воплощаемому Англией и, в несравненно меньшей степени, Францией. Как это ни странно, Англия, до мозга костей монархическая и консервативная дома, всегда во внешних своих сношениях выступала в качестве покровительницы самых демагогических стремлений, неизменно потворствуя всем народным движениям, направленным к свержению монархий и законного строя. С этой точки зрения, борьба между Россией и Германией, независимо от ее исхода, глубоко нежелательна для обеих сторон, как несомненно сводящаяся к ослаблению мирового консервативного начала, единственным надежным оплотом которого являются названные две великие державы. Более того, нельзя не предвидеть, что, при исключительных условиях надвигающейся мировой войны, таковая, опять-таки независимо от ее исхода, представит смертельную опасность и для России, и для Германии. По глубокому убеждению, основанному на тщательном изучении всех современных противогосударственных течений, в побежденной стране неминуемо разразится социальная революция, которая, силой вещей, перекинется и в страну-победительницу. Слишком уж многочисленны те каналы, которыми за много лет мирного их сожительства незримо соединены обе страны, чтобы коренные социальные потрясения, разывавшиеся в одной из них, не отразились бы и в другой. Что эти потрясения будут носить именно социальный, а не политический характер, — в том не может быть никаких сомнений, и это не только в отношении России, но и в отношении Германии. Особенно благоприятную почву для социальных потрясений представляет, конечно, Россия, где народные массы, несомненно, исповедуют принцип бессознательного социализма. Несмотря на оппозиционность русского общества, столь же бессознательную, как и социализм широких слоев населения, политическая революция в России невозможна, а

всякое революционное движение неизбежно вырождается в социалистическое.

За нашей оппозицией нет ничего, у нее нет поддержки в народе, не видящем никакой разницы между правительственным чиновником и интеллигентом. Русский простолудин, крестьянин и рабочий, одинаково не ищет политических прав, ему ненужных и непонятных. Крестьянин мечтает о даровом наделении его чужой землей, рабочий о передаче ему всего капитала и прибыли фабриканта, а дальше этого их вождения не идут. И стоит только широко кинуть эти лозунги в население, стоит только правительственной власти безвозбранно допустить агитацию в этом направлении, Россия неизбежно будет ввергнута в анархию, пережитую ею в приснопамятный период смуты 1905—1906 годов. Война с Германией создаст исключительно благоприятные условия для такой агитации. Как уже было отмечено, война эта чревата для нас огромными трудностями и не может оказаться триумфальным шествием в Берлин. Неизбежны и военные неудачи, — будем надеяться, частичные, — неизбежно окажутся и те или иные недочеты в нашем снабжении. При исключительной нервности нашего общества этим обстоятельствам будет придано преувеличенное значение, а при оппозиционности этого общества все будет поставлено в вину правительству. Хорошо, если это последнее не сдастся и стойко заявит, что во время войны никакая критика государственной власти недопустима, и решительно пресечет всякие оппозиционные выступления. При отсутствии у оппозиции серьезных корней в населении этим дело и кончится. Не пошел в свое время народ за составителями выборского воззвания, не пойдет за ними и теперь. Но может случиться и худшее: правительственная власть пойдет на уступки, попытается войти в соглашение с оппозицией и этим ослабит себя к моменту выступления социалистических элементов. Хотя это и звучит парадоксом, но соглашение с оппозицией в России безусловно ослабит правительство. Дело в том, что наша оппозиция не хочет считаться с тем, что никакой реальной силы она не представляет. Русская оппозиция сплошь интеллигентна, и в этом ее слабость, так как между интеллигенцией и народом у нас глубокая пропасть взаимного непонимания и недоверия. Необходим искусственный выборный закон, мало того, нужно еще и прямое воздействие правительственной власти, чтобы обеспечить избрание в Государственную думу даже наиболее горячих защитников прав народных. Откажи им правительство в поддержке, предоставь выборы их естественному течению, и законодательные учреждения не увидели бы в стенах своих ни одного интеллигента, помимо нескольких демагогов. Как бы ни распинались о народном доверии к ним члены наших законодательных учреждений, крестьянин скорее поверит безземельному, казенному чиновнику, чем помещику-октябристу,

заседающему в Думе, рабочий с большим доверием отнесется к живущему на жалованье фабричному инспектору, чем к фабриканту-законодателю, хотя бы тот исповедовал все принципы кадетской партии. Более чем странно при таких условиях требовать от правительственной власти, чтобы она серьезно считалась с оппозицией, ради нее отказалась от роли беспристрастного регулятора социальных отношений и выступила перед широкими народными массами в качестве послушного органа классовых стремлений интеллигентско-мущего меньшинства населения. Требуя от правительственной власти ответственности перед классовым представительством и повиновения ему же искусственно созданному парламенту (вспомним знаменитое изречение: «власть исполнительная, да подчинится власти законодательной»), наша оппозиция, в сущности, требует от правительства психологии дикаря, собственными руками мастерающего идола, а затем с трепетом ему поклоняющегося.

Если война окончится победоносно, усмирение социалистического движения в России в конце концов не представит затруднений. Будут аграрные волнения на почве агитации за необходимость вознаграждения солдат дополнительной нарезкой земли, будут рабочие беспорядки при переходе от вероятно повышенных заработков военного времени к нормальным расценкам, пока не докатится до нас волна германской социальной революции.

Но в случае неудачи, возможность которой при борьбе с таким противником, как Германия, нельзя не предвидеть, социальная революция, в самых крайних ее проявлениях, у нас неизбежна. Как уже было указано, начнется с того, что все неудачи будут приписаны правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная против него кампания, как результат которой в стране начнутся революционные выступления. Эти последние сразу же выдвинут социалистические лозунги и, единственные, которые могут поднять и сгруппировать широкие слои населения, сначала черный передел, за сим и общий раздел всех ценностей и имуществ. Победенная армия, лишившаяся к тому же во время войны наиболее надежного кадрового своего состава, охваченная в большей ее части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишенные действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентные партии будут не в силах сдерживать расхлывшиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению.

Как это ни странно может показаться на первый взгляд, при исключительной уравновешенности германской натуры, но Германии, в случае поражения, предстоит пережить не меньшие социальные потрясения. Слишком уж тяжело отразится на населении не-

удачная война, чтобы последствия ее не вызвали на поверхность глубоко скрытые сейчас разрушительные стремления. С разгромом Германии она лишится мировых рынков и морской торговли, ибо вся цель войны — со стороны действительного ее зачинщика, Англии, — это уничтожение германской конкуренции. С достижением этой цели германская промышленность будет подорвана в своем корне и лишится не только повышенного, но и всякого заработка, пострадавшие за время войны и, естественно, озлобленные рабочие массы явятся восприимчивой почвой противу аграрной, а затем антисоциальной пропаганды социалистических партий. В свою очередь эти последние, учитывая оскорбленное патриотическое чувство и накопившееся вследствие проигранной войны народное раздражение против обманувших надежды населения милитаризма и феодально-бюргерского строя, свернут с пути мирной эволюции и станут на чисто революционный путь.

Совокупность всего вышеизложенного не может не приводить к заключению, что сближение с Англией никаких благ не сулит и английская ориентация нашей дипломатии, по самому существу, глубоко ошибочна. С Англией нам не по пути, она должна быть предоставлена своей судьбе, и ссориться из-за нее с Германией нам не приходится. Тройственное соглашение — комбинация искусственная, не имеющая под собой почвы общих интересов, и будущее принадлежит не ей, а несравненно более жизненному тесному сближению — России, Германии, примиренной с последней — Франции и связанной с Россией строго охранительным союзом Японии. Такая, лишенная всякой агрессивности, по отношению к прочим государствам, политическая комбинация на долгие годы обеспечит мирное сожительство культурных наций, которому угрожают не воинственные замыслы Германии, как силится доказать английская дипломатия, а лишь вполне естественное стремление Англии во что бы то ни стало удержать ускользающее от нее господство над морями.

В этом направлении, а не в бесплодных исканиях почвы противоречащего, по самому своему существу, нашим государственным видам и целям соглашения с Англией и должны быть сосредоточены все усилия нашей дипломатии. При этом само собой разумеется, что и Германия должна пойти навстречу нашим стремлениям и восстановить испытанные дружественные, союзные с ней отношения и выработать, по ближайшему соглашению с нами, такие условия нашего с ней сожительства, которые не давали бы почвы для противогерманской агитации со стороны наших конституционно-либеральных партий, по самой своей природе вынужденных придерживаться не консервативно-германской, а либерально-английской ориентации.

DRANG NACH OSTEN

ИЗ СЕКРЕТНОЙ ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКИ ГЕРМАНСКОГО БОЛЬШОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА. 1913 ГОД.

I. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Подъем военного дела в России. После войны в Маньчжурии в военном деле России наблюдается значительный подъем. В связи с быстрым хозяйственным ростом государства появилась возможность предоставить управлению армии средства, значительно превосходящие расходы всех других держав на оборону страны. Таким образом удалось не только устранить пробелы материального оснащения, вызванные войной, но и осуществить вооружение и снабжение армии современными военно-техническими вспомогательными средствами и довести ее таким путем до уровня больших западноевропейских армий. Были потрачены необходимые средства на устранение отсталости, существовавшей еще в некоторых областях; так, в первую очередь на увеличение количества тяжелой артиллерии в действующей армии и на вооружение крепостной и осадной артиллерией.

Путем увеличения окладов жалования и пенсий было достигнуто омоложение и увеличение офицерского корпуса. Обильные прибавки и введение германских организационных принципов обеспечили возможность создания почти не существовавшего раньше унтер-офицерского корпуса из сверхсрочников.

На основании плана, составленного русским генеральным штабом вскоре после войны, была проведена коренная реорганизация армии. Она коснулась воинской повинности, повлекла значительные изменения в составе высших войсковых соединений, изменение дислокации с учетом политических и оперативных принципов, затронула подготовку к мобилизации, экономику, подготовку офицерского состава. С реорганизацией подвергались коренному изменению все уставы, был совершенно изменен устав боевой службы и введен новый метод обучения. При этом были учтены французские и в еще большей степени немецкие взгляды, приспособленные к своеобразию русских условий.

Поводом для изучения вновь созданной организации, поскольку она касается непосредственной подготовки к войне, явилось нынешнее политическое напряженное положение. Нельзя также не признать, что после поражений в японской войне, отчасти под давлением общественного мнения, отношение к службе стало гораздо внимательнее, чем раньше.

Своеобразие русского народа. Этот подъем военного дела в России ограничивается недостатками русского народа, которые невозможно устранить ни при помощи денег, ни путем организационной работы. Эти недостатки заключаются в нежелании заниматься всякой методической работой и любви к удобствам, в недостаточном чувстве долга, боязни ответственности, отсутствии инициативы и полной неспособности правильно определить и использовать время. Надо признать, что наряду с этими недостатками

русский народ обладает также хорошими военными качествами. В первую очередь эти качества объясняются тем, что русский народ на девять десятых является народом крестьянским.

Людской материал. Людской материал надо в общем считать хорошим. Русский солдат силен, неприязнителен и храбр, но неповоротлив, несамостоятелен и негибок умственно. Он легко теряет свои качества при начальнике, который лично ему незнаком, и в соединениях, к которым он не привык. Поэтому хорошие качества русской пехоты при прежнем методе боя в сомкнутых соединениях могли проявиться лучше, чем теперь. Русский солдат сравнительно мало восприимчив к внешним впечатлениям. Даже после неудач русские войска быстро оправятся и будут способны к упорной обороне.

Боевая пригодность казаков по сравнению с прошлыми временами значительно уменьшилась. Казаки позволяют государству создать дешево крупную массу конницы, воинские качества которой, однако, отстают от качеств регулярной кавалерии; в особенности казаки малоприспособлены для боя сомкнутыми соединениями. В частности, это относится к казакам второго и третьего ополчения.

В последние годы в армии имели значительный успех революционные стремления, особенно в технических войсках. Но в общем русский солдат еще верен царю и надежен.

Война против Германии и Австрии встретила бы популярность среди русского населения. Живущие в России поляки все же должны быть признаны не совсем надежными.

Офицеры и чиновники. Если хороший солдатский материал не удастся хорошо обучить, то в этом виноваты офицеры всех чинów. Недостатки русского народа проявляются среди них в особенно сильной степени. Офицеры обладают личной отвагой, но у них нет чувства долга и ответственности. Необходим постоянный контроль старших начальников всюду и во всем, чтобы не допустить всяческого рода служебных непорядков. Преимуществами русских офицеров являются хладнокровие и крепкие нервы, не сдающие даже в самых затруднительных положениях. Но русский офицер очень любит личные удобства, вял физически и умственно, несамостоятелен и беспомощен при внезапных событиях. Русский офицер готов пойти на предприятия, связанные с особыми трудами и опасностями, если он предполагает, что об этом станет всеобщее известно. Если этот импульс отсутствует, то часто даже в самом ответственном положении он найдет наиболее для себя удобный выход. Офицеры генерального штаба много занимаются научными работами, но предпочитают деятельность в канцеляриях практической работе в войсках.

Наименее надежными являются военные чиновники. Подкупность и небрежность интендантства ока-

жется также и в будущем худшим врагом русской армии.

Русские офицеры, особенно в Виленском и Варшавском военных округах, хорошо осведомлены о свойствах и организации нашей армии, а также о географических и фортификационных условиях в наших пограничных провинциях. Русские обладают также большим преимуществом благодаря тому, что среди них знание немецкого языка распространено значительно шире, чем среди нас русского. Многие русские офицеры, например из прибалтийских семей, говорят по-немецки безо всякого акцента и в другой форме могут свободно сойти за немцев. Наши передовые посты должны обратить на это сугубое внимание в случае войны против России.

Походная форма. В качестве одежды во всей армии введена серо-зеленая походная форма. На войне исчезает пестрая форма, введенная всего несколько лет тому назад в некоторых кавалерийских полках.

Во всех родах войск головным убором служит серо-зеленая походная фуражка с козырьком и отчасти высокая меховая шапка-папаха.

II. ТАКТИКА СОЕДИНЕННЫХ РОДОВ ВОЙСК

1. О б щ е е.

Во время последней кампании ясно проявились недостатки командования русской армии. Здоровое в теории применение уставов, в первую очередь германских, и осуществление принципов, указанных в военной литературе, дало возможность созреть современным взглядам. Новые русские уставы полевой службы в общем соответствуют нашим и ведут борьбу против укоренившихся в армии ошибок прежнего времени. Маневры последних лет показали, однако, что до сих пор не удалось осуществить на практике эти принципы.

Медлительность передвижения русских войск. Передвижения русских войск совершаются, как и прежде, с чрезвычайной медлительностью. От русских командиров также нельзя ожидать быстрого использования благоприятного оперативного положения, как и быстрого и точного выполнения войсками приказанного маневра. Для этого слишком велики препятствия, возникающие всюду при отдаче, передаче и выполнении приказа.

Более или менее крупное русское войсковое соединение не в состоянии перейти быстро от обороны к наступлению или продолжать в другом направлении уже начатое движение. Поэтому при столкновении с русским германское командование сможет осмелиться на маневры, которые оно не позволило бы себе против другого равного противника.

Командованию в бою свойственна методическая медлительность, ожидание сведений и приказов, а также стремление действовать по схеме. Вследствие этого встречный бой все еще остается чуждым русским, и подвижному и энергичному противнику будет легко заставить их перейти в оборону.

Предпочтение позиционной войны. В сознании этой слабости русские всегда придавали большое значение позиционной войне. Теперь, правда, стараются бороться против этого предпочтения, но последние маневры показывают, что и теперь тактические маневры ограничиваются обороной или наступлением на укрепленную позицию. В обоих случаях, опираясь на опыт последней войны, русские достигли неоспоримого искусства.

Таким образом, если придется столкнуться с хорошо развитым противником, то необходима будет тщательная разведка и подготовка.

Отправка меньших частей против превосходящего противника. Другим историческим недостатком русского метода ведения боя является назначение численно меньших частей против превосходящего противника. Крайне медленно совершающиеся маневры в области собирания сил, стратегического развертывания или приведения в боевую готовность обычно прикрываются передовыми силами, которые должны отступить после наступления противника. Их позиции расположены обычно на расстоянии одного или нескольких дневных переходов от района первоначального развертывания или позиций главных сил и не должны смешиваться с передовыми позициями.

Указания для командования германскими войсками на русском театре военных действий.

После перехода границы войсковому командованию придется считаться с совершенно новыми условиями, связанными с характером театра военных действий.

Плохое качество дорог объясняется отсутствием прочного строительного материала и большими расстояниями между населенными пунктами.

Твердый настил имеют только шоссе и дороги, но и они часто содержатся так плохо, что автомобильный и тяжелый грузовой транспорт может натолкнуться на большие трудности. Проселочные (грунтовые) дороги почти везде лишены всякого настила и только изредка снабжены настилом, усиленным насыпкой щебня. Их пригодность зависит от погоды и почвы, по которой они проходят. Наиболее благоприятной является песчаная почва, смешанная с глиной. Большинство дорог отличается шириной, которая часто, особенно в бедных, неплодородных местностях, вообще не ограничена. Деревьями дороги обычно не обсажены.

Мосты, даже через крупные реки, за немногими исключениями, построены из дерева и непрочны; часто наряду с мостами существуют броды.

Весною и осенью после длительных дождей даже ручьи могут превратиться в непреодолимые препятствия.

Болотистые участки летом часто бывают проходными; чаще всего через болота ведут тропинки, проходные только местным жителям и не нанесены на карты. Нерасчищенные обширные леса, имеющие часто болотистую почву, крайне затрудняют передвижение войсковых соединений вне дорог в походных порядках.

За исключением некоторых районов Польши по сравнению с Германией население в стране редкое. Число городов и местечек незначительно; в отдаленных болотистых и лесных местностях вообще нет никаких поселений.

Даже в городах имеется мало больших домов, в деревне они имеются только в имениях и на хуторах. Обычная крестьянская деревянная изба мала и низка и имеет чаще всего одну комнату, в которой живут все обитатели, часто вместе со скотом. Низкие хлевны имеют часто плетеные стены, промазанные глиной.

Свойства дорог и жилищ должны приниматься во внимание при распоряжениях, касающихся походных движений и расположения на отдых.

Публикация кандидата исторических наук
ВЕРЫ МИХАЛЕВОЙ

РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 505. Л. 242-252, с сокращениями.

«НАШИ ДЕТИ БУДУТ ХОДИТЬ ПО ВЕНЕ...»

САРАЕВСКОЕ УБИЙСТВО 28 ИЮНЯ 1914 ГОДА И «МЛАДА БОСНА»

Эрцгерцог Фердинанд с супругой выходят из Кока в Сараево

28 июня 1914 года в 11 часов утра в главном городе Боснии — Сараево на набережной реки Милякка прозвучал роковой выстрел сербского террориста Гаврилы Принципа, сразивший австрийского престолонаследника эрцгерцога Франца Фердинанда. Вслед за этим, ровно через месяц, Австро-Венгрия напала на Сербию, обвинив ее в организации этого покушения. Еще через несколько дней началась первая мировая война, в которую вступили Германия, Россия, Англия, Франция, почти вся Европа, затем Япония и Китай, в 1917 году — США.

Видный итальянский историк Луиджи Альбертини писал: «Сербский террорист стрелял не только в грудь австрийского принца, он метил в самое сердце Европы»¹. Это было, конечно, сильным преувеличением: мировая война возникла из-за более глубоких причин. Тем не менее выстрел Гаврилы Принципа сыграл зловещную роль. Не случайно о сараевском заговоре написано уже свыше 4 тысяч сочинений и интерес к этому трагическому событию не ослабевает до сих пор.

Как было организовано это покушение? Кто вложил пистолет в руки Гаврилы Принципа? Что представляла собой среда, в которой действовал террорист? Практически все исследователи сараевского убийства опирались и опираются главным образом на косвенные данные, а не на подлинные документы, количество которых невелико.

ЛЖЕДОКУМЕНТЫ О САРАЕВСКОМ УБИЙСТВЕ

Многие десятилетия историки были лишены возможности использовать подлинные архивные документы Министерства иностранных дел Сербии. В годы первой мировой войны они были вывезены из страны австро-венгерскими оккупационными властями и подверглись после этого специальной обработке. Известный австрийский контрразведчик Макс Ронге в своей книге «Мастер шпионажа» описал, как производилась «стилизация» упомянутых материалов: захваченные в Сербии документы произвольно сокращались, часть бумаг фальсифицировалась².

Во время войны этой работой занималась специальная комиссия, созданная при Главной квартире имперской армии в городе Терезиенштадте (Тешине) под руководством начальника осведомительного отдела генерального штаба Австро-Венгрии фельдмаршал-лейтенанта Августа Урбански фон Остримнеца и министра по особым поручениям Поппера.

Уже в 1915—1916 годах в австрийской и венгерской печати были опубликованы первые «сербские трофейные документы». Так, 3 декабря 1915 года венгерская газета «Пештер ллойд» поместила сенсационную статью «Тридцать лет тайной дипломатии России на Балканах», в которой доказывалось, что российское и сербское правительства в течение многих лет вели подрывную работу против Австро-Венгрии³.

25 января 1916 года австрийский офицер «Нойсфрайе прессе» сделал новое сообщение о том, что в руки названной комиссии попала переписка Николая II с сербским королем Петром I, которая подтвердила прежние обвинения против Сербии и России. В Петербурге, утверждала газета, не только знали о готовящемся заговоре против австрийского принца, но и подталкивали Сербию к участию в нем.

28 июня того же года, в день двухлетней годовщины сараевского убийства, в органе оккупационных властей Сербии газете «Београдске» было сказано, что комиссия располагает бумагами покойного российского посланника в Сербии Н. Г. Гартвига, якобы непосредственно замешанного в сараевском деле. Подобные «утки» появлялись во время войны почти ежемесячно.

В тридцатые годы «сербские трофейные документы» подверглись новой обработке. Значительная их часть, находившаяся в государственном и военном архивах Австрии, была приобретена бывшим поверенным в делах Сербии в Берлине М. Богичевичем, который в 1915 году перешел на службу Германии⁴.

До сих пор в этой истории осталось несколько загадок.

Прежде всего возникает вопрос, как Богичевичу удалось заполучить документы, которые, будучи собственностью сербского государства, на основе международных соглашений, заключенных после войны, должны были быть возвращены в Югославию.

Далее, весьма таинственный характер имеет сама судьба Богичевича: после прихода Гитлера к власти его труп был найден в одном из номеров мюнхенского отеля. При этом нацисты распространили сомнительную версию о его самоубийстве. Но для этого не было очевидных причин. Богичевич никем не преследовался, был здоровым в физическом отношении человеком, жил безбедно, накопив солидный капитал на своих публикациях. Правда, незадолго до смерти он стал опровергать свои же утверждения об участии Сербии в организации убийства Франца Фердинанда, склоняясь к признанию роковой роли в этом деле германской спецслужбы. Может быть, именно это и стало причиной его ликвидации нацистами.

В официальной ноте югославского правительства Германии от 2 февраля 1929 года говорилось: «Сборник Богичевича составлен из похищенных у нас ар-

хивных документов. Его материалы тенденциозно преувеличены и имеют как купюры, так и авторские дополнения. Эта публикация основана на абсолютно недостоверных данных»⁵.

Сославшись на частный характер этого издания, германское правительство отклонило протест Югославии, и сборник Богичевича еще долгое время продолжал считаться историческим источником. На опубликованных в нем документах основаны почти все работы историков так называемой ревизионистской школы А. Вегенера⁶. Материалы Богичевича и труды «ревизионистов» использовались в политических целях нацистами. В частности, Гитлер, обосновывая в 1941 году свое нападение на Югославию, ссылаясь на австро-венгерский ультиматум Сербии от 23 июля 1914 года⁷. Под лозунгом «славянской опасности» он же начал военную кампанию и против СССР.

После гитлеровской оккупации Югославии местные архивы были ограблены снова. Оккупанты и коллаборационистское правительство М. Недича вывезли в Германию и Австрию от 30 до 80% архивов югославского МИД и военного ведомства, а в Вене снова была образована специальная комиссия для обработки этих документов. Ее возглавило ведомство Розенберга, к работе привлекались известные историки Г. Юберсбергер, Л. Хаек, А. Битнер. Совместно с Райхсархивом Германии комиссия предполагала издать некую коллекцию «сербских и югославских трофейных документов» из восьми томов, однако успела опубликовать лишь один из них (третий), который охватывал период боснийского кризиса 1908—1909 годов⁸. Помещенные в этой публикации материалы должны были доказать, что Сербия и Россия вели подготовку к войне с Австро-Венгрией уже в период боснийского кризиса, а в 1908—1909 годах на территории Сербии якобы были созданы антиавстрийские подрывные организации, которые и осуществили затем сараевское убийство.

После войны «сербские трофейные документы» удалось наконец вернуть из Австрии, а комиссией Академии наук и искусств Сербии совместно с Министерством иностранных дел СФРЮ была проведена тщательная проверка их достоверности. В 1980—1982 годах вышло два тома (VI и VII) из запланированной семитомной коллекции под общим названием «Документы о внешней политике Королевства Сербии в 1903—1913 годах»⁹, которые наконец предоставили исследователям доброкачественный материал.

ТРИ ВЕРСИИ ПОКУШЕНИЯ

В обширнейшей литературе о покушении в Сараево четко выделяются три версии о подготовке заговора.

1. Сын убитого эрцгерцога Максимилиан Гогенберг в интервью газете «Пари суар диманш» от 16 июня 1936 года выдвинул гипотезу о том, что его отца ликвидировала германская секретная служба: наследник венского престола мешал осуществлению великодержавных планов Вильгельма II. Эта версия давно опро-

Рано утром 28 июня 1914 года, после окончания военных маневров в Боснии, эрцгерцог Фердинанд прибыл в Сараево. Выбор дня прибытия в Сербию могли принять за вызов: это был день Святого Вида, когда сербы отмечали годовщину битвы на Косовом поле. Там в 1389 году турки разбили сербскую армию, и страна на многие века попала под турецкое иго. Но там же турецкий султан Мурад I был убит сербским воином Милошем Обиличем, ставшим национальным героем. В 1914 году в Сараево были свои «Обиличи»: шесть террористов «Млады Боснии» во главе с Д. Иличем и Г. Принципом, вооруженные револьверами и бомбами, полученными от сербской националистической организации «Объединение или смерть». «С искусством русских нигилистов», как писал В. Гачиневич, и по их же сценарию убийства

Александра II младобоснийцы подготовили покушение: они расположились вдоль пути следования эрцгерцога во дворец. Бомба, брошенная Неделько Чабриновичем, не повредила Фердинанда, но Гаврила Принцип дождался возвращения эрцгерцога из дворца и около 11 часов утра сразил его и его жену Софию Гогенберг выстрелами в упор. Австрийский император Франц Иосиф, как видно по дневникам его дочери Мари Валери, «перенес это потрясение без особого страдания». «Для меня, — говорил он, — одной заботой стало меньше». В Вене не было траурного настроения, в Пратере играла музыка, при дворе, свидетельствовал О. Чернии, «было больше довольных, чем огорченных». Тела супругов принял мавзолей дворца Амштеттен...

вергнута в литературу, хотя и имеет под собой известное основание: Франц Фердинанд был убит при полном попустительстве охраны.

2. Австрийская и германская пропаганда распространяла версию об участии в убийстве эрцгерцога сербской тайной офицерской организации «Объединение или смерть», известной также под названием «Черная рука». При этом сербское правительство и русский генеральный штаб будто бы покровительствовали этому заговору. Эта версия также несостоятельна, но до сих пор широко распространена в литературе, в том числе советской (причем не только в сочинениях писателя В. С. Пикуля, но и в «Истории дипломатии»¹⁰).

Одним из основных источников в исследовании сараевского убийства стали документы судебного процесса над «Черной рукой», состоявшегося в Салониках в марте—июне 1917 года. Организуя суд, сербское правительство преследовало три цели: разгромить оппозицию в лице тайного, но могущественного офицерского союза, оздоровить обстановку в армии и задолго свалить ответственность за сараевское убийство на «Черную руку», чтобы открыть себе путь к мирным переговорам с Австро-Венгрией, которые намечались в 1917 году.

Судебный процесс велся с грубыми нарушениями законности, при закрытых дверях, подсудимые не имели защитников, военным трибуналом широко использовались лжесвидетели. После суда правительство опубликовало сборник «Тайная заговорщическая организация», включив в него только материалы обвинения, что придало изданию односторонний характер.

Главный документ судебного разбирательства — рапорт руководителя «Черной руки» полковника Димитрия Димитриевича по прозвищу Апис («священный бык») верховному командующему сербской армией принцу-регенту Александру — по распоряжению последнего был изъят из этого сборника и стал известен только в тридцатые годы. Испрашивая помилования, Димитриевич опротестовал все необоснованные обвинения военного трибунала в государственной измене и в непосредственной организации сараевского заговора. Подсудимый категорически отклонил и версию о том, что в сараевском убийстве был замешан военный агент (атташе) полковник В. А. Артамонов. Сам Артамонов доказал свое полное алиби. Во время покушения в Сараево его вообще не было в Сербии, так как он два месяца находился на лечении в Швейцарии¹¹.

Важную роль в опровержении материалов салоникского процесса сыграли свидетельства современников, в частности очевидца судебного дела революционера Мустафы Голубича и одного из функционеров «Черной руки» Чedomира Поповича¹². Последний вспоминал, что Димитриевич, узнав о заговоре, хотел предотвратить его. «Полковник Апис» опасался, что убийство Франца Фердинанда может быть использовано правящими кругами дунайской империи как предлог к нападению на Сербию; предотвратить события ему, однако, не удалось.

Окончательную точку во всей этой истории поставил новый судебный процесс над «Черной рукой», состоявшийся в Югославии в 1953 году. Он кассировал приговор салоникского военного трибунала (Димитриевич и многие его соратники были расстреляны) и полностью снял все обвинения с названной организации.

3. Третья концепция исходит из того, что сараевское покушение — дело рук национальной революционной организации «Млада Босна» («Молодая Босния»), ответная акция террористов на насильственное присоединение в 1908 году к монархии Габсбургов Боснии и Герцеговины. В настоящее время именно эту версию можно считать вполне доказанной, так как она базируется на достоверных источниках.

ТЕРРОРИСТЫ НЕ ДУМАЛИ, ЧТО БУДЕТ ВОЙНА...

Тайное общество боснийской молодежи «Млада Босна» было создано в 1910 году, вскоре после аннексии Боснии и Герцеговины — бывших турецких провинций, в которых проживало сербское население, не захотевшее мириться с чужеземным гнетом. Французская газета «Аксон» писала: «Покоряя огнем и мечом Боснию и Герцеговину, граф Эренталь (министр иностранных дел Австро-Венгрии. — Ю.П.), прежде чем сойти в могилу, вложил оружие в руки террористов и подготовил убийство военного шефа Австрийской империи. Покушение 1914 года — только трагический рефлекс удара 1908 года. Когда угнетенный народ, нужно ожидать народного взрыва»¹³. Член «Млады Босны» Гаврила Принцип показал на суде: «Главным мотивом, который руководил мною, было стремление отомстить за сербский народ»¹⁴.

В организацию «Млада Босна» помимо сербов входили хорваты и мусульмане. Она была создана по примеру «Молодой Италии» и носила заговорщический характер.

В Сараево излюбленным местом для встречи членов организации было городское кладбище: здесь они собирались по ночам у могилы молодого террориста Богдана Жераича, погибшего в 1910 году, во время покушения на австрийского наместника в Боснии М.Варешанина. Гаврила Принцип заявил впоследствии, что его решение посвятить свою жизнь борьбе созрело именно в этот период. «Еще будучи в Сараево, я решил совершить покушение. Я часто приходил на могилу Жераича, просиживал там целую ночь и думал о наших делах, о тяжелом положении нашего народа и тогда принял решение»¹⁵.

Принцип был впечатлительным молодым человеком, ощущавшим на себе влияние русских народовольцев-террористов, а также идеолога движения — герцеговинского поэта Владимира Гачиновича, который призывал к индивидуальному террору против высших государственных сановников Австро-Венгрии. Гачинович писал: «На собраниях нашего кружка Принцип, младший из нас, всегда сумрачный и скромный, держался как бы в стороне, но постоянно требовал книг и жадно пожирал их. В 14 лет Принцип уже вступил в кружок самообразования... Небольшого роста, суту-

ловатый, но сильный и выпосливый, смутный, почти черный, с лицом, на котором внутренняя страсть уже проложила резкие черты, Принцип проводил ночи за чтением»¹⁶. Под стать ему были и другие члены организации «Млада Босна». Это были смелые, волевые люди, готовые пожертвовать жизнью во имя родины. Однако они избрали ошибочный путь борьбы — индивидуальный террор, так как не верили в силы народного выступления. «Народ — это пули, — заявлял один из членов общества Милош Пьянич, — а пули ничего не могут сделать без какого-нибудь гения, вождя»¹⁷.

Поэт Владимир Гачинович звал младинцев к подвигу одиночек, уверяя, что действие одного лица или его героическая смерть могут принести больше пользы обществу, чем выступление масс. В произведениях «Смерть одного героя» и «Крик отчаяния» Гачинович воспевал героизм террориста Богдана Жераича, призывая последовать его примеру. Эти призывы упали на благодатную почву. В Сараево среди молодежи нашлись новые «Жераичи».

Из газет стало известно, что эрцгерцог Франц Фердинанд намерен отправиться 28 июня 1914 года на военные маневры австро-венгерских войск в Боснию, а затем посетит Сараево. Этим и решили воспользоваться члены организации, чтобы осуществить свой замысел.

Покушение было тщательно подготовлено и застало охрану австрийского эрцгерцога врасплох. Австрийские историки пытались создать из погибшего эрцгерцога фигуру великомученика, придав событию почти мистическую окраску. По их словам, австрийский принц еще по пути в Сараево терзался тяжелыми предчувствиями. Сначала в вагоне, в котором он ехал, что-то поломалось, и он увидел в этом плохой знак. Потом погасло электричество, и престолонаследник произнес сакраментальную фразу: «Я чувствую себя, как в гробу». Доехал он тем не менее благополучно, и все было бы хорошо, не будь «головорезов-сербов», посланных из Белграда. Эта легенда была подхвачена правящими кругами Австро-Венгрии, объявившими Сербии войну.

Между тем визит эрцгерцога не был такой уж невинной прогулкой, как это представило его окружение. Серьезной провокацией были сами военные маневры, проводившиеся на границе с Сербией. Кроме того, большую тревогу в Сараево вызывали планы эрцгерцога посадить на престол в Боснии одного из своих сыновей.

Осуществляя покушение, члены организации «Млада Босна» не думали, что оно приведет к войне. Однако австрийская пропаганда намеренно раздувала инцидент, используя это событие в агрессивных целях. После вручения Сербии 19 июля 1914 года австро-венгерского ультиматума война стала неизбежна.

ФРАНЦ ФЕРДИНАНД И ЛЕВ ТРОЦКИЙ

Сторонники перекладывания ответственности за возникновение войны с Германии и Австро-Венгрии на Россию и Сербию распространяли версию о связи

«Млады Босны» с русской революционной эмиграцией, которая будто бы была заинтересована в войне, так как последняя могла привести к революции. При этом, в частности, говорилось о контактах Л. Д. Троцкого с Владимиром Гачиновичем.

Как же обстояло дело в действительности? Оказали ли Троцкий и другие русские революционеры влияние на Гачиновича, а через него на организацию «Млада Босна» и тем самым на осуществление заговора и покушения на жизнь австрийского престолонаследника?

На этот счет не сохранилось никаких документов и других источников. Известно только то, что младобоснийцы увлекались произведениями российских анархистов Бакунина и Кропоткина, читали Нечаева. Для них примером были действия Желябова и Кибальчича, они готовы были следовать по пути российских нигилистов. В ту пору это было модой для всей Европы. «Мы, — признавался Троцкому Владимир Гачинович, — ваша идейная колония, а колония всегда идет за метрополией»¹⁸.

Однако из этого не следует, что Троцкий или другие русские революционеры подталкивали Гачиновича и младобоснийцев к террористическим действиям. Троцкий, судя по его воспоминаниям, по-отечески относился к юному и малоопытному идейному руководителю «Млады Босны», называя его своим «молодым другом».

Впервые он встретился с Гачиновичем, по-видимому, в 1912—1913 годах, во время войны Сербии и ее балканских союзников против Турции. Он тогда приехал в Белград как корреспондент газеты «Киевская мысль» и среди прочих сербских добровольцев встретил совсем юного Гачиновича. Об этой встрече мало что известно. Скорее всего, она имела случайный характер, так как не отразилась ни в произведениях Троцкого, ни в сочинениях Гачиновича.

В 1914 году они оба оказались в Париже. Но и на этот раз встреча была недолгой и тоже визуальной. Вот что писал по этому поводу Троцкий: «Передо мной в углу «Кафе де Ротонда», в густом дыму, подобно которому едва ли можно найти, сидел молодой серб. Среди весьма разношерстной публики посетитель невольно останавливал свой взор на нем. Это, пожалуй, был единственный из всех присутствующих человек, который привлекал к себе внимание. Высокий, худощавый, но сильный, мрачный, с беспокойным и энергичным взглядом... он внимательно рассматривал каждого, жадный в любопытстве к чужой жизни, но не способный утонуть в ней. Это был молодой человек, скорее юноша — ему было 23 года, но было видно, что он имеет свою цель. Он — босниец, интимный друг Принципа и Илича». Вступив в разговор с Троцким, Гачинович поведал ему о некоторых своих планах. «Знаете что, — ответил Троцкий, — напишите свои воспоминания, сообщите то, что можно в настоящее время сообщить. Я думаю, что это весьма заинтересует русскую публику»¹⁹.

Через два дня Гачинович принес Троцкому свои записи, которые и были опубликованы в печати. Они, естественно, не содержали каких-либо данных о под-

готовке сараевского убийства. Об этом деле Троцкий узнал значительно позже и осудил его. «Выстрел Принципа, — писал он по поводу сараевского убийства, — погасил не только жизнь австро-венгерского престолонаследника, но и положил конец сербским террористическим акциям, которые еще не вышли из младенческого возраста»²⁰. Вскоре Троцкий покинул Париж и больше никогда не встречался с Гачиновичем. Последний, в свою очередь, уехал из Франции, перебравшись в Швейцарию. Здесь, по некоторым данным, он встречался с русскими эмигрантами-эсерами, в том числе с М. А. Натансоном («Бобровым»), бывал у него дома, пользовался его богатой библиотекой. По сведениям младшего брата Гачиновича Вонслава, Владимир оставил Натансону свой личный архив, который тот перевез в Россию. Однако этот архив так до сих пор и не найден.

Весьма сомнительно, чтобы эсеры участвовали в подготовке сараевского убийства. Оно произошло в 1914 году, тогда как Гачинович встречался с эсерами лишь в 1915 и 1916 годах.

В 1917 году Гачинович умер при загадочных обстоятельствах. По одной версии, он был отравлен своими бывшими соратниками, которые хотели отомстить ему за репрессии, обрушенные на них австро-венгерскими властями. Существует предположение, что Гачинович умер естественным путем, от болезни. Остается невыясненной до конца и версия о том, что Гачинович в последний момент будто бы послал в Сараево письмо заговорщикам с предложением отказаться от покушения на Франца Фердинанда, которое, однако, не было принято фапатиком Принципом.

Судьба самого Принципа трагична: он был брошен в тюрьму в Терезиенштадте, где и умер в страшных мучениях 28 апреля 1918 года. Труп Принципа был тайно захоронен в тюремном дворе, и только в 1920 году его останки перезахоронены в братской могиле вместе с другими умершими участниками заговора на сараевском кладбище. На могиле установлена мемо-

риальная доска со стихами террориста, написанными им в тюрьме:

*«Наши дети будут ходить по Вене,
Бродить по [тюремному] двору и пугать господ».*

Эти вещи строки увидели свет только после окончания войны и ликвидации монархии Габсбургов. Во времена титовской Югославии Гаврила Принцип и его товарищи были превращены в национальных героев. В их честь в Сараеве был открыт музей «Млада Босна». Однако недавно он был разрушен толпой хорватов и мусульман-националистов. Вандалами была осквернена и могила Гаврилы Принципа...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Albertini L. The Origins of the war. L., 1953. V. 2. P. 84.
2. Ronge M. Meister der Spionage. Leipzig, 1925. S. 102—107.
3. РГИА. Ф. 1420. Оп. 2. Д. 21. Л. 278. Обзор печати иностранной.
4. Die Auswärtige Politik Serbien 1903—1914. Hrsg. M. Bogitschewitsch. Bd. I—III. B., 1928—1931.
5. Державин архив Социалистичке републике Србизе. Ф. MC. № 133.
6. Auswärtige Politik Monatshefte Deutscher Institut für Aussenpolitik Forschung (Berliner Monatshefte). Berlin, 1931—1938.
7. Auswärtiges Antr. 1939—1941. Dokument zum Konflikt mit Jugoslawien und Griechenland. № 7. Berlin, 1941.
8. Groserliche Umtriebe vor und nach Ausbruch des ersten Weltkrieges. Bd. III. Wien, 1944.
9. Сцптна политица Кралевне Србце 1903—1914. Т. VI—VII, ч. 1—2. Београд, 1980—1982.
10. Пикуль В. Честь имею! // Наш современник. 1988. № 8—11; История дипломатии. Т. 2. М., 1963.
11. Artamonov V. Erinnerungen an meine Militärasschezeit in Belgrad. // Berliner Monatshefte. N 7—8. Berlin, 1938. S. 595—597.
12. Nenadovich N. Taina beogradske kamarilje. — La Federacion Balkanique. Wien, I. XII. 1924.; Попович Ч. Организация «урединене или смрт» («чрне руке») // Нове Европа. Загреб, 11. VI. 1927.
13. Action, 4. VII. 1914.
14. Pharos A. Der Process gegen die Attanter von Sarajevo. Berlin, 1948. S. 30.
15. Сарајевски атентат. Сарајево, 1954. С. 74.
16. Гачинович В. Огледи и писма. Сарајево, 1954. С. 92.
17. Mlada Bosna. Pisma i priloz. Sarajevo, 1954. S. 149.
18. Trocky L. Sarajevsky atentat. Ispoved Vladimira Gacinovica // Edition slave. Wien, 1922. N 1. P. 4.
19. Цит. по: Делијер В. Сарајево 1914. Београд, 1969. С. 303—304.
20. Trocky L. Op. cit. P. 15.

ВАЛЕРИЙ НЕВЕРОВ,
председатель Совета директоров ТНК «Гермес-Союз»

МИР СПАСЕТСЯ ВЕРОЙ

Довоенный мир, довоенная Россия навсегда потеряны. Жизнь до 1914 года мы оцениваем сегодня как спокойную и гармоничную. Немного идеализируем, наверное. Внутреннее напряжение в течение нескольких предвоенных десятилетий непрерывно возрастало, все кипело, но это почти не было заметно рядовому гражданину. В 1912—1913 годах где-то далеко прогремели балканские войны. И кто тогда видел в этих далеких «провинциальных» войнах грозную тень мировых войн?

Задолго до войны Николай II обратился к великим державам с предложением установить всеобщий мир. Отклика он не встретил. России война была не нужна — быстрое культурное и экономическое развитие обеспечивало, по всем прогнозам, самое блестящее будущее. А разве нужна была война Франции, Сербии, Австро-Венгрии? Хотя воевать именно тогда ни одно правительство не собиралось, европейские страны все глубже втягивались в конфликт. Но раз уж Германия объявила войну, все русское общество гото-

*Казалось, что этого дома хозяева
Навечно в своей довоенной Европе,
Что не было, нет и не будет Сараева,
И где они, эти Мазурские топи?..*

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ.

во было сражаться за Родину. Пацифистов в 1914 году не было.

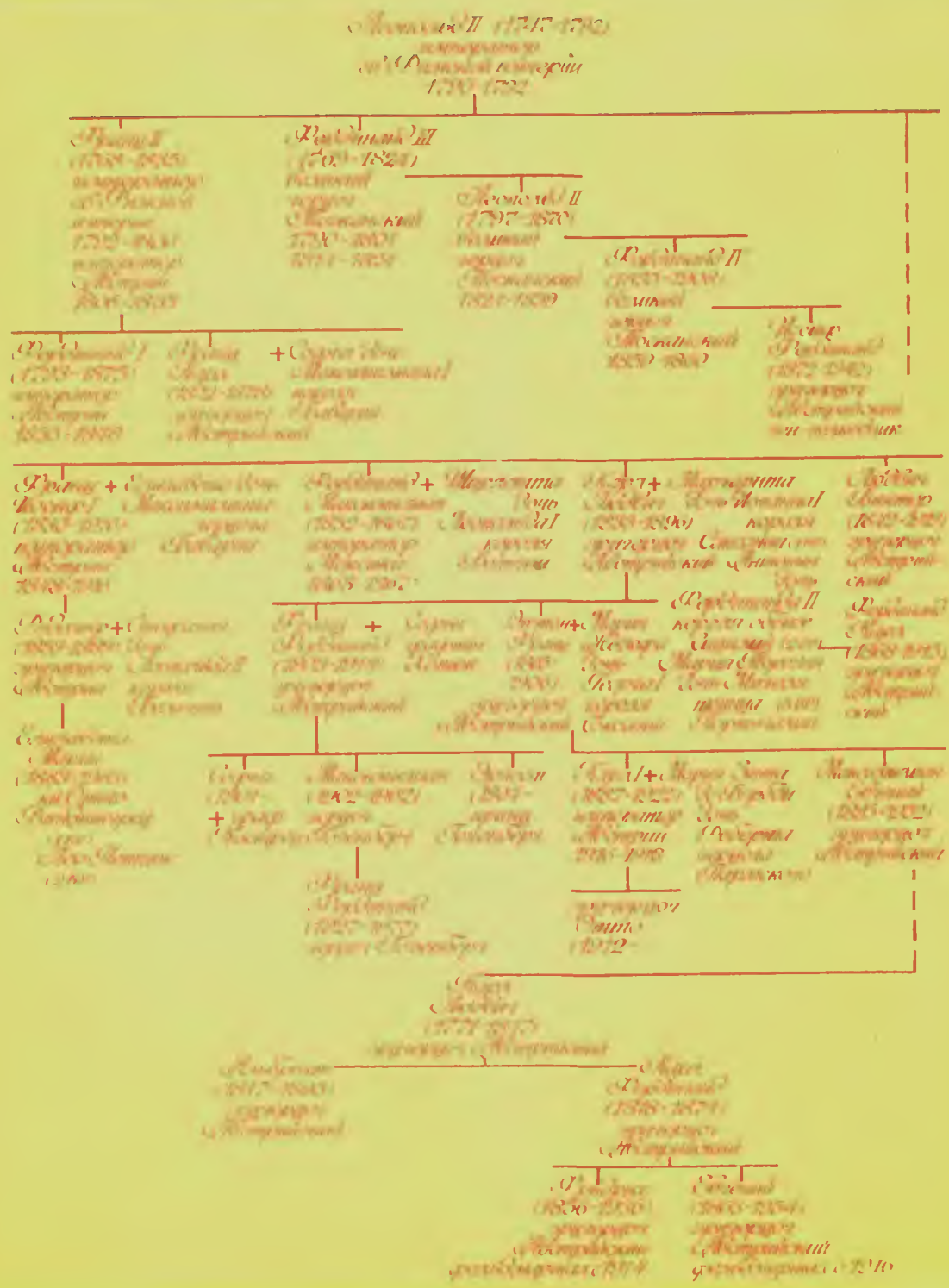
Мы все чаще вспоминаем первую мировую войну, ибо именно тогда изменилось, стало, по словам философа, «вывихнутым» время, да так и не вернулось к спокойному течению. Многие беды и тяготы, которые переживает сегодня Россия, — это плоды посеянного в 1914—1918 годах. Темные силы, в начале века вознамерившиеся остановить православную Россию, лишь трансформировались, но отнюдь не исчезли. Силы зла обрушились тогда не только на нас. Их дьявольская игра привела Германию к самым плачевным результатам. Никогда уже не вернет себе довоенного величия Великобритания. Перестала существовать Австро-Венгрия. В конечном итоге страшную цену заплатили все — и те, кто дергал за тайные ниточки мировой политики, и те, кому была отведена роль марионеток. Безнаказанно сталкивать мировые силы почему-то никому не удастся. Об этом хотелось бы напомнить сегодня геополитикам, вынашивающим планы разжигания конфликтов России с мусульманским миром.

Традиционные виды вооружений у России были не хуже, чем у ее противников. Но во время первой мировой войны было впервые использовано принципиально новое. Именно применение психоидеологического оружия позволило за полтора-два года сокрушить неприступную Российскую империю. Победить в открытом бою ее было невозможно, но удалось развалить изнутри, расколов и вывернув наизнанку общественное сознание. Однако, посеяв идеологический ветер 1917 года, в Германии пожали и бурю гитлеризма. Использованное однажды идеологическое оружие начинает действовать по своим законам, как злой дух, с которого сняли заклятие.

Начавшаяся в годы первой мировой войны невидимая война с тех пор не прекращалась ни на один день. Непрерывно совершенствовалось оружие, развивалось оперативное искусство, тактика и стратегия. Изогранным методом пропаганды и политической магии мы можем и должны противопоставить традиционные российские ценности, веру в судьбу России, ее народа, веру в Бога. Старая мудрость гласит, что можно проиграть все сражения, кроме последнего. Нам предстоит стать свидетелями воскресения России после трудных десятилетий. Уже начал строиться символ этого воскресения — Храм Христа Спасителя.

ЗАКАТ ДОМА ГАБСБУРГОВ

Убийство наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда не только послужило толчком к началу Великой войны, но и сыграло роковую роль в истории дома Габсбургов (с XVIII века после брака Марии Терезии Австрийской с Францем Стефаном Лотарингским официальное название этой династии — Габсбургско-Лотарингский дом).

С гибелью Франца Фердинанда эта древнейшая царствующая фамилия лишилась последнего крупного представителя. При жизни он был одной из самых загадочных политических фигур страны. Начнем с того, что наследником венского престола он стал, в общем-то, случайно. Франц Фердинанд, старший сын эрцгерцога Карла Людвига (брата императора Франца Иосифа), родился 18 декабря 1863 года. Его мать — принцесса Антония, дочь Фердинанда II, последнего короля Обеих Сицилий из династии Бурбонов, скончалась в 1871 году; после этого мальчика воспитывала мачеха — Мария Терезия Браганская. В эти годы никто не воспринимал Франца Фердинанда в качестве вероятного престолонаследника.

Однако вскоре все круто изменилось. 30 января 1889 года в охотничьем замке Мейерлинг покончил с собой единственный сын Франца Иосифа эрцгерцог Рудольф. Одной из причин трагедии стал категорический отказ императора санкционировать развод сына с его женой Стефанией Бельгийской с целью заключения мorganатического брака с баронессой Вечери. Так как законы, принятые еще известным реформатором Иосифом II в конце XVIII века, не предусматривали наследование престола по женской линии (у Рудольфа была дочь Елизавета Мария), наследником престола стал отец Франца Фердинанда Карл Людвиг. Со смертью последнего (19 мая 1896 года) для Франца Фердинанда открылся прямой путь к престолу. Однако вскоре новоявленный наследник стал причиной очередного династического кризиса. Поводом послужил мorganатический брак Франца Фердинанда с графиней Софьей Хотек, происходившей из чешского аристократического рода. Для императора поступок племянника стал последней каплей, переполнившей чашу горечи: в 1867 году в Мексике был расстрелян его брат Максимилиан, пытавшийся захватить тамошний престол; потом погиб его сын и, наконец, была убита его жена, Елизавета Баварская, которую в 1898 году проткнул напильником итальянский анархист. Под угрозой отказа Франца Фердинанда от престола Франц Иосиф вынужден был дать согласие на мorganатический брак. По роковому стечению обстоятельств он был заключен 28 июня 1900 года — ровно за 14 лет до гибели супругов. Жена эрцгерцога получила титул герцогини Гогенберг, который в дальнейшем носили и их дети. В случае занятия престола Францем Фердинандом наследование проходило по линии его брата эрцгерцога Оттона Франца (скончался в 1906 году). Именно благодаря этому обстоятельству после кончины Франца Иосифа в ноябре 1916 года трон перешел к юному сыну Оттона Франца эрцгерцогу Карлу (напомним, что до этого последний «плавный» переход престола в доме Габсбургов случился в 1835 году, когда Фердинанд I

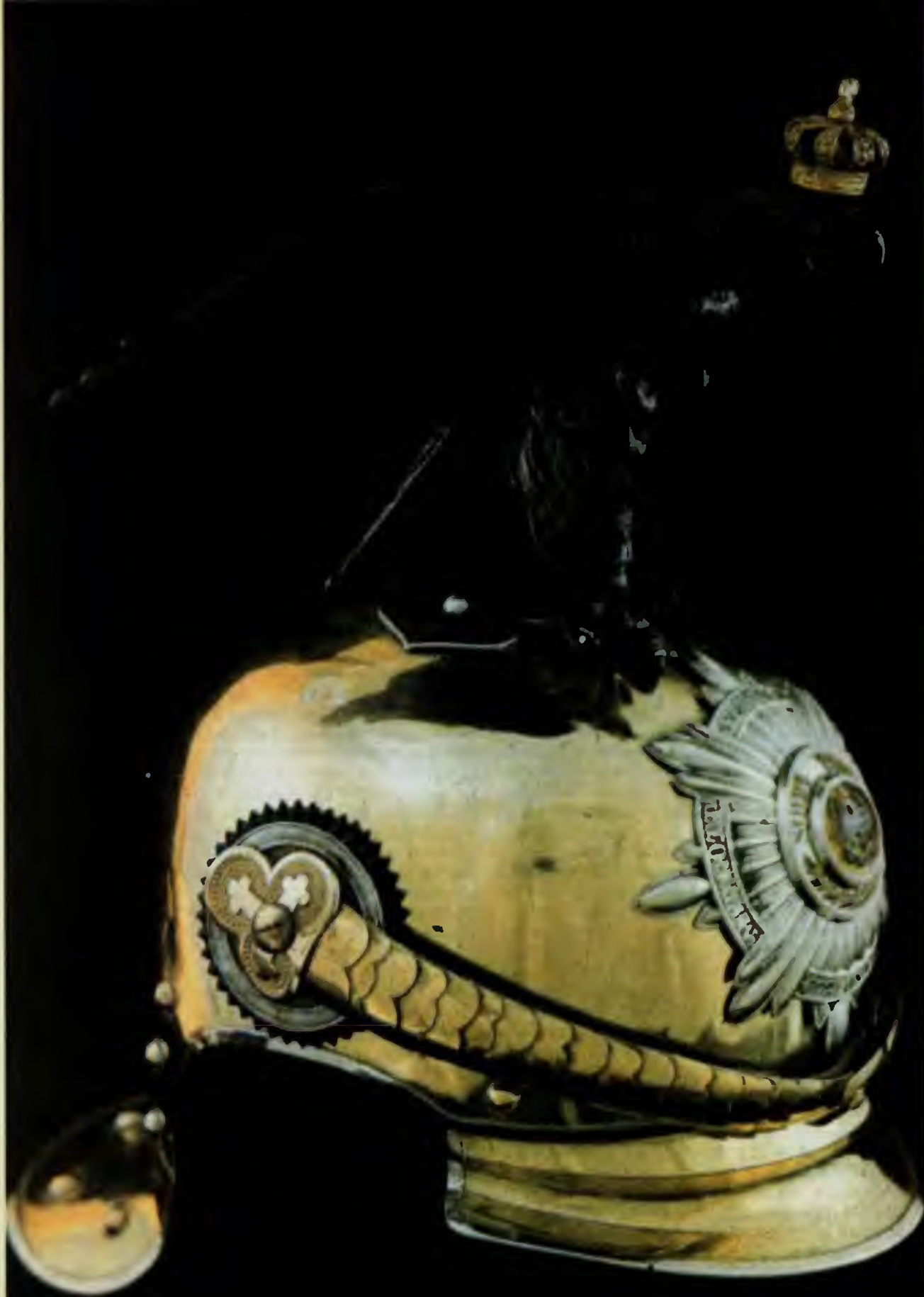
наследовал своему отцу Францу II. Сам Франц Иосиф пришел к власти в бурном 1848 году, миновавшего отца эрцгерцога Франца Карла, отказавшегося от своих прав на престол при отречении своего брата Фердинанда I).

После женитьбы личные отношения Франца Фердинанда с императором безнадежно испортились. Тем не менее последний сохранил несомненный авторитет как внутри правящей династии, так и среди европейских королевских особ. Особенно широко известны тесные узы, связавшие эрцгерцога с императором Вильгельмом II (в своих владениях кайзер оказывал герцогине Гогенберг такие знаки уважения, на которые она не могла рассчитывать при венском дворе).

Гибель эрцгерцога мгновенно образовала гибельную пустоту, которую уже невозможно было заполнить другим лицом из правящего дома. Особенно ярко это проявилось в военной области. Франц Фердинанд, с 1898 года занимавший пост генерального инспектора вооруженных сил, в случае войны, естественно, должен был стать главнокомандующим. Теперь этот пост должен был перейти к другому лицу. Из всех существовавших в то время ветвей Габсбургов, восходящих к многочисленным братьям Франца II, на первые роли в армии могли претендовать прежде всего герцоги Тешенские, на протяжении всего XIX века поставлявшие монархии военных высокого ранга. Основателем этой ветви Габсбургов был знаменитый герой наполеоновских войн Карл Людвиг. Его внук эрцгерцог Фридрих уже на следующий день после сараевского убийства стал генеральным инспектором вооруженных сил, а с 1 августа 1914 года — верховным главнокомандующим. Реально австро-венгерскую военную машину возглавлял начальник полевого штаба при Фридрихе генерал Конрад фон Гетцендорф. Сам же эрцгерцог не проявил особых способностей, что, впрочем, не помешало ему получить в декабре 1914 года вожденное звание фельдмаршала, которым обладали его дед и дядя. Его брат эрцгерцог Евгений в звании генерал-полковника вначале пребывал на Восточном фронте, а с 1915 по 1918 год был главнокомандующим на итальянском театре военных действий. За битву при Капоретто осенью 1917 года он также удостоился фельдмаршальского жезла (его личный вклад в эту победу был более чем скромным). Однако уже в январе 1918 года Евгений был смещен.

Из других линий Габсбургов военачальников воспитали только потомки великих герцогов Тосканских, лишившихся престола в 1859 году и с тех пор пребывавших в Вене на правах австрийских эрцгерцогов. Один из сыновей последнего великого герцога Тосканского эрцгерцог Иосиф Фердинанд с октября 1914-го по июнь 1916 года командовал австрийской 4-й армией на Восточном фронте. После Брусиловского прорыва его быстренько убрали по настойчивой рекомендации германской ставки. В итоге на командных постах в австро-венгерской армии не осталось практически никого из правящей династии.

Впрочем, 15 февраля 1917 года верховным главно-

командующим стал сам новый император Карл I, унаследовавший престол после кончины Франца Иосифа. Смерть престарелого императора сделала крах династии вполне очевидным. Новый монарх оказался совершенно не способен к управлению страной и армией. В критических обстоятельствах он проявлял воинствующий дилетантизм. С подачи своей честолюбивой супруги Марии-Зиты Карл I из последних сил пытался сохранить рассыпающееся единство Австро-Венгрии, отвергая различные политические комбинации, позволявшие сохранить династию хотя бы на венгерском престоле.

...Осенью 1918 года Габсбургско-Лотарингский дом сошел с исторической сцены без особых потрясений. Но и теперь говорить о его окончательной кончине рано. В частности, в начале 20-х годов казалось, что Карл I может овладеть венгерской короной. Не до конца утрачены и исторические традиции, связывавшие Габсбургов с Австрией. Сегодня будущее династии воплощает старший сын Карла I эрцгерцог Отто, известный депутат Европарламента. Любопытно, что нынешний глава дома Габсбургов (как в свое время Франц Фердинанд) начал с изучения языков народов, некогда входивших в состав Австро-Венгрии, — правда, в первую очередь с венгерского, который его родственник почитал менее других. Впрочем, Отто Габсбург весьма высоко оценивает значение Франца Фердинанда в истории своей династии.

Император Франц Иосиф.

КРАСКИ ВОЙНЫ УНИФОРМА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ЕЕ КАНУНА

РОССИЯ И СТРАНЫ АНТАНТЫ:

На левой стороне разворота — Россия. Обмундирование защитного цвета было введено в 1906 году.

Первый ряд (слева направо): Сидят — пулеметчик (у пулемета системы «Максим» образца 1910 г.), летчик, офицер-пехотинец (у телефона).

Второй ряд: Стоят — пехотинец в зимней походной форме, пехотинец в летней полевой форме и стальном шлеме образца 1916 г. с автоматом Федорова, горский казачий офицер, казак.

Третий ряд: Корнет лейб-гвардии Гусарского полка (1913), Великий Князь Николай Николаевич Романов — с 20 июля 1914 по 23 августа 1915 года — Верховный главнокомандующий русской армией.

На правой стороне разворота:

Первый ряд (слева направо): Сидят — офицер (Франция), трубач (Сербия), артиллерист (США).

Второй ряд: Стоят — пехотинец (1912, Румыния), офицер-пехотинец (Великобритания), артиллерист (Бельгия), сигнальщик морской пехоты, форма для действий на суше (Италия, 1911).

Третий ряд: пулеметчик — индус (с пулеметом системы «Льюис» образца 1915 г.) — колониальные части Великобритании, кирасир (Франция, 1914).

*В. Успенский, И. К. Кавказский
А. Кавказский*

«ВИЛЬГЕЛЬМ — ДЕГЕНЕРАТ НЕРОНОВСКОГО ТИПА»

Так называется маленькая, в сорок четыре страницы, карманного формата, брошюра, вышедшая в свет в 1916 году. Автор ее — выдающийся ученый-психиатр В. М. Бехтерев. Он попытался дать свой ответ на вопрос, мучивший российское общество: «Кто виноват в кровавой бойне, охватившей Европу?» Российская интеллигенция фактически единодушно возлагала вину за развязывание войны на Германию и лично на ее императора Вильгельма II. При этом широкую известность в России приобрело предположение о клиническом безумии германского монарха. Это-то предположение, видимо, и стало импульсом для написания В. М. Бехтеревым произведения, о котором идет речь. Автор его выступал одновременно и как политический публицист, размышлявший над фундаментальными проблемами войны, мира и его послевоенных судеб, и как врач-психиатр, ставивший диагноз своему воображаемому венценосному пациенту — германскому императору Вильгельму II, который, по его мнению, был «центральной фигурой» в переживаемом миром «великом столкновении народов». «Естественным поэтому представляется, — писал он, — спросить себя, кто же этот действительный или мнимый вершитель судеб Европы, который ныне сосредоточивает на себе веру 80-миллионного немецкого народа и который развешивается его противниками до степени душевнобольного героя, безрассудно начавшего одну из ожесточеннейших войн в мире...»

Бехтерев «вставал на защиту» Вильгельма «от наветов» в том, что тот был единственным виновником войны, да к тому же еще и сумасшедшим. «В таких столкновениях, — писал он, — отдельные личности, как бы высоко они ни стояли, ничуть не являются вершителями политических событий, совершающихся по определенным историческим законам, а служат лишь простыми выразителями и лишь кажущимися руководителями общественных течений, народных волей и народных стремлений». Ведь война такого масштаба — результат исторически сложившихся социально-экономических, географических и политических условий.

Не отрицая ответственности облеченной властью личности во время военных событий, В. М. Бехтерев полагал, что ответственность эта ложится «не на одного человека, а на всю ту массу лиц, которая развивала, поддерживала и культивировала германский милитаризм, против которого и ведется настоящая война и во главе которой по своему духу и по своему положению стоит германский император Виль-

гельм II». К этой «массе» он относил фактически «все германское население», в котором после оглушительных побед 70-х годов XIX века глубоко укоренилась чуждая гуманизму Гете и Канта «идеология прусского юнкерства и немецкого мещанства», густо замешенная на «узком национализме и милитаристических устремлениях» к мировому господству. Автор считал Вильгельма II «прямым отражением» этой идеологии, поскольку в его персоне, «как в фокусе двояко-выпуклой чечевицы (увеличительное стекло. — А. И.), собираются лучи германского милитаризма», что предопределяло «ту необычайную популярность», которой он пользовался в Германии. Поэтому в действиях монарха Бехтерев не находил признаков болезни, никакого нарушения в отношении его личности.

Вместе с тем как врач-психиатр он утверждал, что не совсем обычную личность Вильгельма II «вполне нормальной со строго научной точки зрения признать было бы трудно». Согласно классификации, принятой в мировой психиатрии той поры, он отнес своего воображаемого «пациента» к «дегенеративному типу нероновского подобию». В брошюре скрупулезно выявлены и обоснованы типологические признаки характера и поступков германского императора, которые послужили основанием такого диагноза: склонность Вильгельма «выставлять себя беззащитно исполнителем воли Бога, что граничит уже с бредом»; его «бесконечный цинизм и жестокость по отношению к судьбе целых народов и своих подчиненных; жестокосердие к ближним (желание скорой смерти отцу и матери); самоуверенность, властолюбие и деспотизм, допускающие около себя подчиненных, а не сотрудников»; «деланные» простота и бюргерские нравы в семейном укладе и одновременная склонность к «красивому жесту», к «позировке» «грозного повелителя»; пренебрежение к здоровью и жизни других и мнительность к собственному самочувствию; «стремление сделать шум вокруг своего имени», прослав художником, скульптором, зодчим (все «во вкусе прусского юнкерства»); «поразительная неблагодарность к своим испытанным сотрудникам». К этим духовно-этическим чертам характера Вильгельма II автор брошюры добавляет и сведения о его наследственных пороках (болезнь руки и уха), неблагоприятные результаты физиономического анализа (по Ломброзо). Наконец, не отвергал он и возможности просочившихся в прессу сведений о якобы имевшем место «несколько лет назад» у германского монарха

«остром психическом расстройстве», во время которого тот «будто бы бредил войной с Россией и Францией и давал в бреду распоряжения боевого характера».

Все описанное выше дало В. М. Бехтереву основание заключить: «Ясно, что если Вильгельм не может быть признан душевнобольным человеком, то он не может быть назван и вполне здоровым, ибо указанные выше особенности его натуры доказывают его неуравновешенность и склонность к ненормальным

Вильгельм II.

проявлениям и расстройствам, столь обычным для всех дегенератов».

Своему выводу автор дал и правовое обоснование: «В то время, как душевнобольные признаются по смыслу закона лицами невменяемыми и неответственными за свои поступки и действия и в силу этого нуждаются иногда в лишении свободы, дегенераты, пока они заболевают душевной болезнью, остаются на свободе и признаются по смыслу современного законодательства ответственными за совершенные ими поступки». Ответственность за развязанную войну, военные преступления В. М. Бехтерев возлагал и на императора Вильгельма, и на «воинствующее юнкерство, создавшее вооруженный мир и милитаризм в Европе». Поэтому он предостерегал правительства германской коалиции от опрометчиво-доверчивого отношения к появившимся

«слухам о мире из Германии». «С кем мы заключим мир? — вопрошал он. — С глубоким дегенератом?» Бехтерев считал, что германский император недостойн править европейским народом, «ибо от венценосных властителей ныне требуется гуманность, идеальная справедливость и бескорыстное служение своей стране...». Автор призывал подождать того момента, когда немецкий народ сделает свой выбор. Только после этого, полагал он, возможен прочный мир в интересах всех воюющих стран, который бы зиждился на принципах

всеобщего разоружения, союза всех великих держав «с установлением, наряду с национальными парламентами, одного международного парламента и обязательного для всех третейского международного трибунала в целях разрешения всех вообще спорных вопросов между державами».

В. М. Бехтерев прозорливо верил, что эти принципы пусть не сразу, но прочно войдут в жизнь международного сообщества, и это станет гарантией от бредовых популизмов новых «дегенератов нероновского типа». Потребовалось несколько десятилетий, омраченных второй мировой войной, гитлеризмом, сталинизмом, атомным апокалипсисом, чтобы наконец приступить к практической реализации идей, предугаданных в начале века великим ученым и гуманистом.

Какъ Вильгельмъ представлялъ себѣ будущность Европы.

ПОДВИГ ВОЙНЫ

Не первый вечер пели волны
В народном море, и стонал
Стихийный ветер, моги полный,
И к небу гимн летел, как вал;
Опять на небе пламенела
Заря, невиданно ясна,
Когда из вражьего предела
Домчалась весть войны. Война!

Война! Война! Так вот какие
Отверзлись двери пред тобой,
Любвеобильная Россия,
Страна с Христовою судьбой!
Так прими ж венец терновый
И в ад убийственный сойди
В руке с мечом своим суровым,
С крестом сияющим в груди!

Прости, несжатый, мирный колос!
Земля родимая, прости!
Самой судьбы громовый голос
Зовет Россию в бой идти.
Не празден будет подвиг бранный,
В крови рождается новый век,
И к пашне, славой осиянный,
Вернется русский человек.

Как по некому уговору,
Среди внезапной тишины
Текли к Казанскому собору
России верные сыны.
Колонны гордого портала,
Казалось, выше поднялись.
Как изумруд, над всем сияла
Небес торжественная высь.

Седой священник тихо вышел...
Из тысяч вспыхнувших сердец
Молитва вырвалась... Услышал
Ее в раю Своем Творец.
Блажен, кто пел в народном хоре,
Кто встретил с верою грозу,
Кто видел силу в русском взоре
И чудотворную слезу!

ГЛАВА II

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Гинденбург и Людендорф со своим штабом.

Гинденбург Бенкендорф Пауль фон, генерал-фельдмаршал, род. в 1847 г.; из старинного дворянского рода. Окончил кадетский корпус, откуда вышел офицером в 3-й гвардейский пех. полк, в рядах которого принял участие в войнах 1866 и 1870—1871 гг. После окончания военной академии был начальником отделения Большого генерального штаба и в течение пяти лет преподавал тактику в той же академии. В 1903 г. назначен командиром 4-го армейского корпуса; в 1911 г. в чине генерала от инфантерии вышел в отставку. С началом первой мировой войны возглавил командование 8-й армией, действовавшей на Восточном фронте. В ходе Восточно-Прусской операции вытеснил русские войска из Восточной Пруссии, разгро-

мив 2-ю русскую армию генерала Самсонова под Танненбергом. 1 ноября 1914 г. назначен главнокомандующим всеми германскими силами на востоке; 29 августа 1916 г. сменил генерала Фалькенгайна на посту начальника полевого генерального штаба.

Людендорф Эрих, генерал от инфантерии, род. в 1865 г. в семье офицера. Окончил кадетский корпус и военную академию, после чего в начале 1894 года был послан в Россию на 6 месяцев для усовершенствования в русском языке. С 1906 г. — преподаватель тактики и военной истории в военной академии, а в 1908 г. назначен в Большой генеральный штаб начальником отделения, ведавшего развертыванием армии. Первую мировую войну начал в чине генерал-

майора, находясь на должности обер-квартирмейстера 2-й армии; 21 августа 1914 г. возглавил штаб 8-й армии Гинденбурга, а с назначением последнего начальником полевого генерального штаба, т. е. фактически верховным главнокомандующим, Людендорф был назначен первым генерал-квартирмейстером.

Макензен Август, генерал-фельдмаршал, род. в 1849 г., командовал лейб-гусарским полком, лейб-гусарской бригадой, с 1903 г. — 36-й пехотной дивизией. Первую мировую войну встретил в чине генерала от кавалерии и, командуя 17-м армейским корпусом, принял участие в сражении при Танненберге. Опрокинув русский 6-й корпус и войдя в связь с наступавшим на правом крыле 1-м корпусом, замкнул

кольцо вокруг армии Самсонова. Во время Лодзинской операции в ноябре 1914 г. умелыми действиями заставил русское командование отказаться от активных наступательных действий и перейти к обороне. В начале мая 1915 г., командуя 11-й герм. армией, прорвал русские позиции на линии Тарнув — Горлице, после чего совместно с австрийскими войсками вытеснил русские войска из Галиции.

Эйхгорн Герман фон, генерал-фельдмаршал, род. в 1848 г. В 1904 г. командовал 18-м арм. корпусом; с 1912 г. был генерал-инспектором 7-й армии. Войну начал в чине генерал-полковника. В феврале 1915 г. во время зимнего Мазурского сражения, окончившегося окружением частей 10-й русской армии Сиверса, командовал 10-й германской армией. Командовал группой армий и был главнокомандующим войсками на Украине. Убит 30 июля 1918 г. в Киеве левым эсером Донским.

Бем-Ермолли Эдуард, барон, фельдмаршал, род. в 1856 г. С началом первой мировой войны был назначен командующим 2-й армией, сосредоточенной против Сербии, а затем передислоцированной в Галицию. В декабре 1914 г. во время Лодзинской операции прикрывал Прусскую Силезию. В летнем наступлении 1915 г. его войска вели бои у Гродека, а затем 22 июня 1915 г. заняли Львов. Во время наступления армий Бруси-

М. В. Алексеев.

лова в июне 1916 г. сумел удержать войска на своих позициях.

Кевеш Кевешгаза Герман фон, барон, фельдмаршал, род. в 1854 г. С началом войны — генерал от инфантерии, командир корпуса на Восточном фронте. Осенью 1915 г. назначен командующим 3-й армией, с которой принял участие в походе Макензена, окончившемся завоеванием Сербии и Черногории. После удачных операций в Италии с ноября 1916 г. по январь 1918-го командовал 7-й армией, действовавшей против России и Румынии.

Энвер-паша, род. в 1881 г. в семье бедняка, военный и политический деятель, главнокомандующий турецкой армией в мировую войну. В январе 1914 г. женился на племяннице султана и был назначен военным министром. Будучи ревностным сторонником союза с Германией, пропустил через проливы немецкие корабли «Гебен» и «Бреслау», после чего примкнул в войне к центральным державам. В декабре 1914 г. во главе 3-й армии, действовавшей в Армении, принял наступление против русских войск, пытаясь окружить их у Сарыкамыш, но под ударом армии Юденича потерпел поражение. В январе 1915 г. один его корпус был полностью уничтожен, а другой взят в плен.

Алексеев Михаил Васильевич, род. в 1857 г. в семье отставного подполковника, выслужившегося из солдат, генерал от инфантерии. Окончил Московское пехотное юнкерское училище, после чего в чине прапорщика в 64-м пехотном Казанском полку принял участие в русско-турецкой войне. После окончания академии Генерального штаба служил на различных должностях в Главном штабе, одновременно являясь профессором академии по кафедре военной истории. Участник русско-японской войны — генерал-квартирмейстер штаба 3-й Маньчжурской армии. С объявлением мировой войны был назначен начальником штаба Юго-Западного фронта. 17 марта 1915 г. вступил в командование войсками Северо-Западного фронта. Когда вследствие катастрофы, разразившейся в Галиции весной того же года, начался общий отход русских

войск, генерал Алексеев руководил чрезвычайно трудным отступлением армий Северо-Западного фронта через Польшу и Литву, под напором неприятеля и при сильном недостатке артиллерийских снарядов. Удачным маневрированием войск, контрударами ему удалось спасти фронт, стабилизировать его, остановив немцев. 23 августа 1915 г. Император Николай II, принявший на себя обязанности Верховного главнокомандующего, избрал своим начальником штаба генерала Алексеева, который, обладая разносторонними знаниями и необычайной работоспособностью, был на этом посту незаменим. Ему удалось стабилизировать положение на фронтах, но события, последовавшие после Февраля и отречения Николая II, поставили под удар и саму армию. В марте 1917 г. Алексеев был назначен Верховным главнокомандующим, оставаясь на этом посту до 21 мая, когда Керенский заменил его генералом Брусиловым. Осенью того же года Алексеев, по просьбе нового Главноверха Керенского, принял должность его начальника штаба, но пробыл в этой должности всего 12 дней, после чего вышел в отставку, заявив в рапорте, что разделяет идеи генерала Корнилова, к тому времени арестованного.

Брусилов Алексей Алексеевич, род. в 1853 г., из дворян, генерал от кавалерии. Окончил Пажеский корпус, откуда в 1872 г. выпущен в 15-й драгунский Тверской полк. Участник русско-турецкой войны; более 15 лет прослужил в офицерской кавалерийской школе, начав с инструктора верховой езды и закончив начальником. При мобилизации в 1914 г. назначен командующим 8-й армией, во главе которой принял выдающееся участие в Галицийской битве. В марте 1916 г. назначен главнокомандующим Юго-Западным фронтом. Летом 1916 г. силами 4-х армий начал наступление на фронте от Луцка до Черновцов, прорвал фронт, разгромив австро-венгерские войска (т. н. Брусиловский прорыв), но в результате несогласованности действий с другими фронтами немцам удалось перебросить войска из Франции и Маке-

А. А. Брусилов.

донии и приостановить успехи русских войск Юго-Западного фронта. 21 мая 1917 года Брусилов был назначен Верховным главнокомандующим и оставался на этом посту до 19 июля того же года.

Корнилов Лавр Георгиевич, род. в 1870 г., сын мелкого чиновника, генерал от инфантерии. Получил образование в Сибирском кадетском корпусе и в Михайловском артиллерийском училище, откуда был выпущен в 1892 г. подпоручиком в Туркестанскую артиллерийскую бригаду. После окончания в 1889 г. академии Генерального штаба служил в штабе Туркестанского военного округа. Участник русско-японской войны. С началом первой мировой войны командовал 48-й пех. дивизией, проявляя в боях личную храбрость. Во время прорыва армии Макензена на участке Горлице — Тарнув дивизия Корнилова была окружена немцами и австрийцами в районе Дукла и частично, вместе со своим начальником, попала в плен. Спустя год и три месяца Корнилов бежал из плена, после чего возглавил 25-й армейский корпус. В начале мая 1917 г. был назначен командующим 8-й армией на Юго-Западном фронте, с которой принял участие в июньском наступлении, совершая прорыв в направлении

Л. Г. Корнилов.

на Калуш. Действия 8-й армии были довольно удачными, но затем, вследствие нежелания войск сражаться, армия потерпела ряд поражений. После недолгого командования Юго-Западным фронтом (с 7 июля 1917 г.) 19 июля назначен Верховным главнокомандующим, на этом посту возглавил вооруженное выступление против политики Временного правительства.

Романов Николай Николаевич, Великий князь, род. в 1856 г., генерал от кавалерии. Образование получил в Николаевском инженерном училище и в академии Генерального штаба. Участник русско-турецкой войны — обер-офицер для поручений при своем отце Вел. князе Николае Николаевиче (старшем), главнокомандующем русской армией. С 1905 г. главнокомандующий войсками гвардии и Петербургским военным округом. С началом первой мировой войны был назначен Верховным главнокомандующим, так как считался очень популярным среди солдат и офицеров русской армии. В целом являясь талантливым военачальником, Вел. князь Николай Николаевич не сумел подобрать себе хорошего начальника штаба (генерал Н. Янушкевич к этой должности был непригоден) и нередко терялся при столкновении разных взгля-

Н. Н. Романов.

дов на ведение войны. 23 августа 1915 г. обязанности Верховного главнокомандующего принял на себя император Николай II, а Николай Николаевич был назначен наместником Кавказа и главнокомандующим Кавказской армией. В начале 1916 г. Кавказская армия под командой генерала Н. Юденича разбила турок и после пятидневного штурма взяла 3 февраля крепость Эрзерум.

Плеве Павел Адамович, род. в 1850 г., генерал от кавалерии. Образование получил в Николаевском кавалерийском училище и в академии Генерального штаба. Участник русско-турецкой войны (офицер Генерального штаба), по окончании которой до 1880 г. служил в Болгарии. С 1909 г. командующий войсками Московского военного округа. С началом первой мировой войны командовал 5-й армией, которая в районе Замостья понесла ряд частных поражений от 4-й австро-венгерской армии Ауфенберга. Но угроза наступления 3-й и 8-й русских армий не позволила Ауфенбергу разбить армию Плеве, которая, оправившись, приняла участие в общем вторжении армий Юго-Западного фронта в Галицию. В январе 1915 г. Плеве получил вновь сформированную 12-ю армию для Млавского направления, а в мае, когда в Риге-Швельском

П. А. Плеве.

районе была сформирована новая 5-я армия, базировавшаяся на Ригу и Двинск, он был назначен командующим этой армией. В начале декабря 1915 г. назначен главнокомандующим армиями Северного фронта и оставался на этом посту до февраля 1916 г.

Рузский Николай Владимирович, род. в 1854 г., генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Окончил 1-й кадетский корпус и Константиновское военное училище, откуда был выпущен в лейб-гвардии гренадерский полк, с которым принял участие в русско-турецкой войне. После окончания в 1881 г. академии Генерального штаба находился на обер- и штаб-офицерских должностях службы Генерального штаба. Во время русско-японской войны — начальник штаба 2-й Маньчжурской армии, по возвращении в Россию командовал 21-м армейским корпусом. В начале мировой войны командовал 3-й армией, наступавшей от Ровно на Львов. В сентябре 1914 г. был назначен главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта, но спустя шесть месяцев покинул театр войны по болезни. По выздоровлении в июле 1915 г. назначен командующим отдельной 6-й армией, а в августе того же года, когда Северо-Западный фронт был разделен на две части, возглавил

Н. В. Рузский.

армии Северного фронта, прикрывавшие пути на Петроград.

Щербачев Дмитрий Григорьевич, род. в 1857 г., генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Окончил Орловскую военную гимназию и Михайловское артиллерийское училище, после чего служил в лейб-гвардии конной артиллерии. По окончании академии Генерального штаба служил в разных штабах Петербургского военного округа. С 1907 по 1912 г. — начальник Военной академии Генерального штаба. В 1912 г. назначен командиром 9-го армейского корпуса, с которым выступил на фронт первой мировой войны и участвовал в Галицийской битве в составе 3-й армии. В середине апреля 1915 г. — командующий новой 11-й армией, а с октября того же года, когда в Одесском военном округе для помощи Сербии начала формироваться 7-я армия, был назначен ее командующим. Во второй половине декабря эта армия пыталась произвести прорыв на р. Стрыпе, но потерпела неудачу. Летом 1916 г., во время Брусиловского прорыва, армия Щербачева совместно со 2-й армией Сахарова находилась на самом важном операционном направлении на Львов. После Февраля — помощник главнокомандующего армиями Румынского фронта.

Н. Н. Юденич.

Юденич Николай Николаевич, род. в 1862 г., генерал от инфантерии. Окончил 3-е военное Александровское училище и академию Генерального штаба. Участник русско-японской войны — командовал 18-м стрелковым полком и 2-й бригадой 5-й стрелковой дивизии. Во время мировой войны, когда зимой 1914 г. вследствие панического настроения ген. Мышлаевского на Кавказском театре военных действий возник кризис, главнокомандующий гр. Воронцов-Дашков командировал для исправления дела своего начальника штаба генерала Юденича, под руководством которого к началу января 1915 г. удалось разбить турок, стремившихся окружить главные силы русских войск у Сарыкамыш. После этой победы Юденич был назначен командующим Кавказской армией. В начале 1916 г. он со своей армией совершил чрезвычайно трудный переход через занесенные снегом высокие горы, разбил турок и после пятидневного штурма взял (3 февраля) крепость Эрзерум. Весной им был занят Трапезунд, а летом передовые отряды его армии выдвинулись на линию Эрзинджан — Муш — Битлис.

Портретную галерею составил
ЮРИЙ ТРАМБЦКИЙ

АГЕНТЫ И РЕЗИДЕНТЫ

Незадолго до войны была создана разведывательная сеть в странах Европы и Азии.

С началом войны агенты, предсказывавшие ее задолго до того, как язык дипломатических потемнел грохотом орудий, покинули неприятельские столицы.

Операции русских армий сложились в первые месяцы войны поразному: от трагической гибели 2-й армии в Восточной Пруссии до триумфального Галицийского сражения 3-й и 8-й.

Насколько виноваты разведчики в поражениях и сколь велик их вклад в победы? Ответить на эти вопросы нелегко.

Русские армии недолго находились на территории Восточной Пруссии. Но и за короткий период офицеры-разведчики успели сделать немало. В рапорте от 22 августа старший адъютант РО 2-й армии полковник Генштаба Лебедев указывал, что с начала войны в тыл противника для выполнения различных задач было направлено 60 агентов. Иногда в непосредственной близости к линии фронта действовали отряды разведчиков численностью 15—20 человек¹.

Поначалу в войсках с недовери-

ем относились к агентурной разведке и часто задерживали одетых в попошенное штатское платье посланцев штабов армий и фронтов, скрывавших свои имена и представлявших псевдонимами или номерами. Поэтому начальники штаба Варшавского военного округа генерал Н. С. Батюшин вынужден был отдать следующую директиву: «19 августа 1914 г. Прошу предупредить всех офицеров, особенно передовых частей, что в случаях обращения к ним штатских людей, называющихся числами или псевдонимом Отчизна, немедленно телеграфировать сообщаемые сведения в штаб Главковерха»².

Условия ведения тайной войны различались — об этом свидетельствуют и отчеты генерал-квартирмейстеров ряда армий:

«31 октября 1914 г.

Штаб 3-й армии.

Отдел генерал-квартирмейстера
В период Санской операции в штабе числилось 20 агентов, из них 13 русин, 6 поляков и один чех. Вопрос об оплате агентов не встречал затруднений главным образом из-за того, что состав агентов выбирался из сочувствующего нам русинского и польского

элемента, некоторые агенты отказывались от вознаграждения, прося лишь возмещения расходов.

В настоящее время агенты-резиденты имеются в Кракове, Праге, Будапеште и Новом Сандеце. Главные затруднения встречаются в отсутствии прочно организованной еще в мирное время разведки в полосе к западу от реки Сан и особенно в Западных Карпатах и районе, непосредственно прилегающем к Кракову. Генерал-квартирмейстер Генштаба полковник

Бонч-Бруевич

Старший адъютант

РО Генштаба полковник

Духонин»³.

Генерал-квартирмейстер 1-й армии доносил: «К началу отчетного года район обслуживался агентурной сетью из 15 человек негласных агентов, из которых трое находились в Кенигсберге, остальные в Тильзите, Гумбинене, Эйдукумене, Инстербурге, Данциге, Штеттине, Алленштейне, Гольдапе и Кибартах. Планировалось насадить еще трех агентов в Шнейдемюле, Дейч-Эйлау и Торне. Для содержания сети и ее усиления ГУГШ был утвержден отпуск на расходы 30 000 р. в год.

В течение отчетного года агентурная сеть подверглась серьезным изменениям, главная причина которых — перемена дислокации. В настоящее время на службе состоит 53 агента, из них 41 — на местах, остальные высылаются с новыми задачами. В ноябре-декабре пришлось отказаться от услуг 41 агента (23 — по непригодности, 4 — больны, 3 — арестованы контрразведкой, как двойные агенты, 11 — арестовано в тылу противника). Из числа арестованных противником трое — Юзеф Держаковский, Максимилиан Мысковский и Чеслав Войтович — повешены. В данное время стоймость одной высылки составляет

175 р. Всего на содержание агентурных расходов 10—11 тыс. рублей в месяц. Всего на нужды разведки и контрразведки за период с начала кампании по декабрь израсходовано 143 709 р. 97 коп.»⁴.

Немало ценных сведений доставляли в Ставку военные агенты, находившиеся в нейтральных государствах. Так, например, военный агент в Швеции полковник Ассанович передал подтвердившуюся впоследствии информацию о готовящемся германским командованием наступлении на Варшаву⁵, что позволило штабу Главковерха заранее подготовить резервы для его отражения и перебросить на угрожаемое направление часть сил 4-й и 5-й армий Юго-Западного фронта. А военный агент в Болгарии полковник Ю. Д. Романовский в своем донесении 15 августа 1914 года сообщил о приезде в Константинополь группы офицеров и матросов германского военно-морского флота, а несколько позже — о том, что они осваивают лучшие миноносцы турецкого флота, а следовательно, готовятся к открытию боевых действий на Черном море⁶.

В конце кампании 1914 года создалась достаточно разветвленная агентурная сеть как в нейтральных государствах, так и на территории держав — противников России. Однако бурная деятельность штабов различных уровней имела и свою отрицательную сторону: нарушалась централизация управления работой агентов, офицеры РО армий не всегда желали раскрывать «своих людей» перед аналогичными органами фронтов и Ставки. Это нередко приводило к засорению осведомительной сети сомнительными людьми, для которых главным в сотрудничестве с русской разведкой были деньги. Разумеется, при арестах такие агенты легко выдавали имена резидентов, часто становились двойниками, да и качество предоставляемой ими информации оставляло желать лучшего. Кроме того, такие «помощники» то и дело враждовали друг с другом и вместо сбора необходимых сведений писали доносы на своих соперников. Некоторые из них умудрялись состоять на службе в нескольких штабах⁷.

О создавшейся ситуации пишет генерал-квартирмейстер Ставки Главнокомандующего М. С. Пус-

товойтенко: «С самого начала войны штабы фронтов и армий ведут негласную разведку за границей совершенно самостоятельно, посылая своих агентов в разные города нейтральных стран, не оповещая ни высшие штабы, ни друг друга взаимно. Вследствие этого в Бухаресте, Стокгольме и Копенгагене сосредоточилось большое количество агентов, работающих независимо и безо всякой связи. Агенты эти стараются дискредитировать друг друга в глазах соответствующего начальства, иногда состоя на службе сразу в нескольких штабах, что часто приводит к нежелательным последствиям. Ввиду изложенного обращаясь к Вашему Превосходительству с просьбой: не признаете ли Вы возможным и полезным сообщить мне совершенно достоверно о всех негласных агентах штаба фронта (армии), находящихся за границей как с начала войны, так и вновь командированных»⁸. Как правило, генерал-квартирмейстеры отвечали на эту телеграмму примерно одинаково: ссылаясь на соблюдение секретности, отказывали в передаче полных списков своих агентов. Правда, соглашались на проверку деятельности второстепенных агентов.

Колоссальная по объему работа велась при подготовке наступления Юго-Западного фронта: выявлялись не только наименее укрепленные участки обороны противника, но и возрастной состав тех или иных частей и соединений, наличие в них славянской прослойки.

Не последняя роль в работе агентурной разведки отводилась изучению технических новшеств, которые противник собирался применить на полях сражений. Особенно важной была информация об изобретениях в сфере химических вооружений.

Так, в декабре 1916 года военный агент в Швейцарии генерал-майор С. А. Головань передал в ГУГШ следующее сообщение: «В городе Х. (название города отсутствует из-за невозможности расшифровки нескольких слов в телеграмме. — П. А.) на юге Германии на химическом заводе начато производство ядовитых газов на основе соединений мышьяка, против которых современные противогазовые маски недействительны»⁹.

В марте 1917 года он отправил в Петроград донесение о новом заказе, размещенном на ряде фабрик, производивших отравляющие вещества, из чего был сделан вывод о подготовке германского наступления на Западном фронте, что и было немедленно сообщено союзникам¹⁰.

Весьма интересно и сообщение военного агента в Швейцарии о попытках германского командования использовать русских военнопленных в качестве вспомогательных сил в своем тылу. Для этого оно создавало специальные лагеря, в которых содержались представители какой-либо одной национальности. Однако в «сталагах»* для мусульман немецкая пропаганда не имела никакого эффекта, а из украинцев им удалось набрать только несколько небольших отрядов для сельскохозяйственных работ, которые рассылались вскоре после расконвоирования.

Военного агента в Швеции генерал-майора Кандаурова больше всего волновал вопрос размеров шведских поставок руды и других видов стратегического сырья. А с начала осени штаб Петроградского военного округа буквально засыпал генерала Кандаурова депешами о степени готовности шведской армии к войне. Больших трудов стоило военному агенту убедить Генеральный штаб и штаб Петроградского военного округа в том, что Швеция на вооруженную конфронтацию с Россией не пойдет¹¹.

Очень важной представляется информация этих агентов о призыве в Германию и Австро-Венгрии в конце 1917 года юношей 1900 года рождения — свидетельство крайнего истощения людских ресурсов центральных держав (напомним, что Россия поставила под ружье только 1897 год).

Нельзя сказать, что в Ставке и ГУГШ знали о каждом шаге неприятеля. Но подготовка к крупным наступательным акциям не ускользала от внимания русского военного руководства. Еще в июне С. А. Головань предупреждал о том, что командование армий центральных государств разрабатывает план операции против войск Ру-

* Имеется в виду лагерь для военнопленных нижних чинов, отделенных от офицеров.

мынского фронта. Вскоре ему удалось узнать и некоторые подробности замыслов противника: одновременным ударом австрийской армии генерала Бем-Ермолли в лесистых Карпатах и германской армии Августа фон Макензена в центральной Румынии неприятельские стратеги намеревались окружить русские и румынские войска в районе Галаца, овладеть Яссами и принудить неустойчивых союзников Антанты к заключению сепаратного перемирия.

Однако наступление в Румынии, начавшееся в середине августа, не принесло ожидаемых австро-германским блоком результатов. Готовые к отражению атак противника, армии Румынского фронта стойко обороняли вверенные позиции, и к 13 сентября попытка прорыва захлебнулась.

Из сообщений военных агентов Ставке было известно о подготовке германским командованием операции против Моонзундского архипелага и на рижском направлении. К сожалению, солдаты и офицеры Северного фронта не проявили выдержки и упорства. Лишь Балтийский флот сумел в трагические для России дни сохранить верность долгу, не уронив славы русского флага.

В октябре 1917-го перед русскими разведчиками, как и перед всем офицерством, встал вопрос: с кем идти дальше?

Начавшаяся в 1918 году гражданская война разделила разведчиков на три лагеря: воевавших за большевиков, против них и тех, кто не пожелал участвовать в братоубийственной схватке. Большинство руководителей разведывательной службы русской армии предпочло последнее.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 37967. Оп. 2. Д. 11. Л. 118, 125.
2. Там же. Л. 116.
3. Там же.
4. Там же. Л. 42—46.
5. Там же. Д. 45. Л. не указан.
6. Там же. Оп. 2. Д. 53. Л. 1, 4—5.
7. Там же. Оп. 9. Д. 17. Л. 13.
8. Там же. Л. 12—13.
9. Там же. Оп. 2. Д. 157. Л. 22.
10. Там же. Д. 156. Л. 141.
11. Там же. Д. 150. Л. 19, 44, 67.

Офицеры. Октябрь 1916 г.

Походная портняжная и сапожная мастерская. Западный фронт. 1915 г.

В окопах. Волынская губерния. Октябрь 1916 г.

Погрузка на платформы 40-го пехотного Ковынского полка на ст. Дубно Волынской губернии. Июнь 1917 г.

Колонна австрийских пленных у д. Красное. Июль 1917 г.

КРАСКИ ВОЙНЫ

УНИФОРМА

ПЕРВОЙ

МИРОВОЙ ВОЙНЫ

И ЕЕ КАНУНА

ГЕРМАНИЯ И ЕЕ СОЮЗНИКИ

На левой стороне разворота — Германия. На переднем плане (лежит) — горнист-пехотинец в бескозырке (1910). Стоят (слева направо) — пехотинец (форма начала войны), генерал (1910), конный егерь (офицер, 1910), офицер-пехотинец (1910); сидит — пехотинец в стальном шлеме образца 1916 г. у пулемета системы «Максим» образца 1908/15 гг. На заднем плане — улан (офицер, 1910) и матрос.

На правой стороне разворота (слева направо): на переднем плане (сидят) — пехотинец (Австро-Венгрия, 1910), пехотинец (Болгария, 1908). Второй ряд: генерал (Австро-Венгрия, 1910), солдат народного ополчения (Болгария, 1908), пехотинец (период первой мировой войны, Турция), сапер (Австро-Венгрия, 1910). На заднем плане — гусар (офицер) (Австро-Венгрия, 1909).

Обмундирование защитного цвета было введено: в Великобритании — 1904 год (в колониях — еще в 1895 году), в США — 1908 год, в Австро-Венгрии — 1909 год, в Германии — 1910 год, во Франции — 1914 год.

С. Угрюмовъ, М. К. Коноваловъ,
художники. С. П. Бородинъ

ТАЙНЫЕ СИЛЫ

ОТКРОВЕНИЯ РУКОВОДИТЕЛЯ КАЙЗЕРОВСКОЙ РАЗВЕДКИ, СДЕЛАННЫЕ НА ЛУБЯНКЕ

В октябре 1941 года некий Курт Рисс, человек явно близкий к американской разведке, выпустил в США книгу под названием «Тотальный шпионаж». Как указал автор, свой труд он посвятил возрождению немецкой разведки в период между двумя мировыми войнами. Наряду с другими главными действующими лицами, такими, как Канарис, Гиммлер, Геббельс, в книге фигурирует и Вальтер Николаи. Ему даже посвящена отдельная глава.

В первые годы Великой Отечественной войны ни у НКВД, ни у разведупра Красной Армии руки до перевода и издания сочинения Рисса не доходили, хотя, с точки зрения усиления ненависти к врагу, это и целесообразно было бы сделать. Перевод книги «Тотальный шпионаж» был осуществлен лишь в 1945 году — в апреле она появилась на прилавках магазинов. Надо полагать, ее внимательно прочли и в Наркомате госбезопасности. Поскольку автор указывал на Николаи как на закулисного руководителя многих разведывательных акций фашистских спецслужб и чуть ли не второе (после Канариса) лицо в абвере, бывший руководитель кайзеровской разведки периода первой мировой войны попал в особые списки разыскиваемых лиц. Исходя из этих списков, спецгруппы НКГБ и НКВД вели поисковую работу в оккупированной Германии.

Однако отставного полковника долго устанавливать не пришлось. Как только американские воинские части покинули город Нордхаузен, что в Тюрингии, и передали его под контроль Красной Армии, Николаи чуть ли не на следующий день был задержан, допрошен и вскоре отправлен самолетом в Москву.

Проведя тщательную проверку его показаний, следователи НКГБ убедились в ложности фактов, указанных Риссом. Николаи, со своей стороны, изъявил желание подготовить для НКГБ воспоминания о службе в разведке в период первой мировой войны. Отрывок из обнаруженных нами в архиве Министерства безопасности мемуаров Вальтера Николаи, а также выдержки из протоколов его допросов, касающиеся агентурной работы немцев против России, мы и предлагаем читателям.

При оценке их достоверности необходимо учитывать, что: 1) Николаи, несмотря на настойчивые приглашения американской комендатуры эвакуироваться в западную зону оккупации, остался в Нордхаузене, предполагая почти неизбежное задержание советской контрразведкой; 2) вопрос о направлении его сначала в Берлин, а затем в Москву поднял сам Николаи, отдавая себе отчет в том, что значило в то время попасть на Лубянку пусть отставному, но все же

полковнику германской армии и крупному разведчику; 3) никаких данных об указаниях для Николаи со стороны сотрудников НКГБ по поводу написания мемуаров нами не обнаружено; 4) мемуары написаны им лично, переведены на русский язык, и каждый лист перевода подписан автором, прекрасно владевшим русским языком; 5) воспоминания Николаи не предназначались для использования в печати и составлялись, по мысли автора, для сугубо служебных целей.

Вместе с тем к мемуарам следует подходить с известной долей скептицизма, как и ко всем подобным материалам бывших разведчиков и контрразведчиков. Есть тайны, в которые уважающий себя сотрудник спецслужб любого государства не может посвящать никого, кроме, разумеется, руководства и продолжателей своего дела. Поэтому неудивительно, что Николаи обвинил в прессе коллегу — бывшего начальника австрийской разведки Макса Ронге «в нескромности и в разглашении австрийских агентурных тайн, которые еще могут пригодиться в будущем».

Из протокола допроса от 27 сентября 1945 года

Вопрос: Изложите организацию разведывательной деятельности, проводимой Вами в период первой империалистической войны?

Ответ: К началу империалистической войны я был переведен в Верховное Командование германскими вооруженными силами, возглавляемое генерал-полковником фон Мольтке. От генерала Мольтке я получил указание организовать разведку и контрразведку и создать за счет военной пропаганды надежную связь между главным командованием армии и населением. Разведывательная служба при Верховном Командовании именовалась отделом III-B.

Вопрос: По каким каналам проводилась разведывательная деятельность против России?

Ответ: К началу войны пасаженная вдоль границ агентура прекратила свою работу вследствие прохождения в местах ее концентрации линий фронтов. Переброска агентуры практиковалась через нейтральные страны, в частности через Данию, Норвегию и Финляндию, причем в этих же странах проводилась и вербовка агентуры, которая по своим возможностям выезжала в бывшую Россию под видом путешественников и прочих. На фронтах агентура подбиралась из военнопленных, перебежчиков, и для этих целей использовались всевозможные документы.

Вопрос: Имелась ли у Вас агентура из среды правительственных кругов царской России?

Ответ: Такой агентуры разведывательная служба

Германии не имела. В основном агентура имела из низших слоев населения, не обладавшая положительными качествами в своей работе.

Из протокола допроса от 29 сентября 1945 года

Вопрос: В Вашей книге* отражено, что разведслужба Германии имела ценные связи в России, в частности, на странице 66 книги «Тайные силы» в русском переводе указано: «Германской разведслужбе удалось еще до войны завязать в России и Франции ценные связи и поддержать их до возникновения войны». Далее Вы там же подтверждаете, что война выявила свое разлагающее влияние прежде всего в России, а затем во Франции и даже в Англии, так что германская разведка нашла всюду немногочисленные, но хорошие связи. Это обстоятельство свидетельствует о наличии в России и других странах ценной агентуры, которую Вы безусловно должны были знать.

Ответ: Изложенное в книге в отношении России не соответствует действительности. Я в своей книге о ценной агентуре в России не писал. В России ценных связей или ценной агентуры германская разведка не имела.

Вопрос: Вы говорите неверно, потому что на страницах 48 и 49 книги «Тайные силы» Вы описываете положение в России и о мобилизации русской армии согласно полученных сообщений от агентуры, о чем было доложено германскому императору. Такое сообщение агентура из низших слоев населения дать не могла. А что Вы теперь скажете?

Ответ: По этому конкретному случаю я помню, что сообщение о мобилизации русской армии было получено от рядового агента, еврея, нелегально перешедшего границу из России в Германию. Этот агент доложил офицеру германской разведки в городе Кенигсберге.

Вопрос: В книге «Тайные силы» Вы на странице 30 и других указываете, что германская разведслужба имела благоприятные условия для вербовки агентуры в русской пограничной полосе из лиц еврейской национальности. Вы своими показаниями противоречите выпущенной Вами книге.

Ответ: Да, это верно, еврейское население, проживающее на границе, в России действительно разведка использовала для агентурной работы в пользу Германии, и в книге это отражается. Но должен пояснить, что это были низшие слои еврейского населения, не обладавшего большими возможностями для разведывательной службы, а представляли малозначительные сообщения о России.

Из объяснения Николаи от 23 сентября 1945 года

Я должен был указать агентов, которые до и во время мировой войны работали в России в пользу Германии. Я никаких агентов не знал и мне не известны какие-либо имена.

Считаю невероятным, что в России были только такие агенты, которых мне как начальнику германс-

* Имеется в виду известная в 20-е годы книга В. Николаи «Тайные силы», переведенная на русский язык.

кой разведывательной службы вовсе не нужно было знать.

Поэтому необходимо, чтобы я обрисовал организацию немецкой разведки против России. В каждой стране и против каждой страны разведка имеет разные пути. Она должна приспосабливаться к обстановке.

Управляя секретным фондом генерального штаба, я установил, что для службы секции III-B осталось немногим больше 300 000 марок. Из этих денег надо было обеспечить 5 офицеров связи [в] генеральных командах в Кенигсберге, Алленштайне, Данциге, Познани и Бреславле, с приблизительно восемью подразделениями на границе, 5 офицеров на Западном фронте в генеральных командах в городах Мюнстер, Кобленц, Метц, Саарбрюккен и Страсбург.

По линии абвера надо было обеспечить семь центральных полицейских ведомств в Берлине, Гамбурге, Познани, Мюнхене, Дрездене, Штутгарте, Страсбурге.

Можно рассчитать, как мало средств оставалось для каждого органа, работающего для разведывательной службы. В 1914—1915 гг. секретный фонд был увеличен до 450 000 марок. Но это небольшое повышение до начала мировой войны не было использовано.

Самой собой понятно, что при таких стесненных денежных средствах германская разведывательная служба не могла проводить такую деятельность, в какой ее обвиняла чья-то пропаганда, подстрекающая к войне. Поэтому я не в состоянии давать показания, соответствующие этим изображениям о больших немецких «агентурах» в России.

Германскому абверу удалось раскрыть многочисленные случаи мелкого шпионажа или измены родине в пользу России, но за все время мировой войны в Германии не было раскрыто ни одно крупное дело русской разведки. Я не верю также утверждениям, что было доказано сотрудничество в России полковника Мясоедова с германской разведкой. В Германии об этом ничего не известно. Его имя я знаю только как имя одного из успешнейших помощников русской разведки против германской разведки во времена его нахождения до мировой войны в пограничном местечке Вирбаллен.

Из протокола допроса от 17 января 1946 года

Вопрос: В своей книге «Тайные силы» вы утверждаете, что дислокация русской армии, ее вооружение, подготовка и снаряжение, равно как и район предполагаемого наступления, к началу войны 1914—1918 гг. были известны германскому генеральному штабу. Вы это подтверждаете?

Ответ: Подтверждаю. Германскому генеральному штабу до начала войны 1914—1918 гг. были известны: дислокация русской армии, добытая через агентуру германским генеральным штабом, расположение русских гарнизонов, в особенности на границе, характер вооружения, подготовка и снаряжение русских войск.

Мы внимательно изучали тактику и стратегию русских. Весьма полезными в этом отношении оказались наблюдения майора генерального штаба германской

армии барона фон Теттау, прикомандированного во время русско-японской войны к штабу генерала Куропаткина.

Донесения майора фон Теттау в известной мере послужили толчком к изменению прежней тактики и стратегии германской армии, имевшей место в первую мировую войну. Наиболее существенным, однако, наша разведка считала выяснение района возможного наступления русской армии и сосредоточения в этих целях ее крупных ударных частей. В результате наблюдения было установлено, что русское командование придаст особое значение укреплению Ковельско-Нарвско-Варшавского фронта своей армии, где в 1913—1914 гг. происходила большая работа по усилению существовавших и строительству новых железнодорожных путей, мостов, вокзалов, автострад и приспособлению всех видов транспорта к форсированным воинским перевозкам. Офицеры генерального штаба, разъезжавшие под видом туристов или коммерсантов, постоянно фиксировали изменения, происходившие в приграничных районах, и, на основании анализа их донесений, германским генеральным штабом были довольно верно предугаданы намерения своего вероятного противника. Так в общих чертах обстоит дело к началу войны 1914 года.

Вопрос: Покажите подробно о работе специального аппарата, существовавшего при германской военно-разведывательной службе для организации шпионажа против России.

Ответ: Изучением русской армии занимался аппарат 1-го отделения при штабе верховного командования, который последовательно возглавляли: генерал фон Лауенштейн, полковник фон Лютвиц и полковник граф Позодовский. Все они работали в русском отделении, а затем обычно направлялись в качестве германских военных атташе в Петроград, после чего вновь возвращались в Берлин, чтобы уже возглавить упомянутое русское отделение германского генерального штаба. Должен отметить, что в России существовала не совсем понятная мне как разведчику традиция, по которой некоторые германские офицеры состояли флигель-адъютантами в свите русского царя. Такими приближенными к русскому царю немцами, состоявшими в его свите, являлись, в частности, упомянутые фон Лауенштейн и граф Позодовский, последний — накануне самой войны, в 1913—1914 гг. Они многое видели и многое слышали, их наблюдения и впечатления представляли серьезный интерес для германского генерального штаба.

Особенно принят был в России германский военноморской атташе капитан фон Гинтце, имевший в Петербурге много друзей. Впоследствии, во время войны 1914—1918 гг., фон Гинтце являлся германским министром иностранных дел. Он же, насколько припоминаю, руководил переговорами по поводу заключения Брестского мира.

Основные донесения о России, ее намерениях и положении в русской армии поступали от наших военных атташе.

Вопрос: Вы ссылаетесь на германских военных атташе в Петрограде, утверждая, что они были основ-

ным источником сведений о русской армии. В таком случае непонятно, чем же занимался специальный отдел при германском генеральном штабе, ведший разведку противника?

Ответ: Не отрицаю, что возглавлявшийся мною разведывательный отдел получал от верховного командования специальные задания, в частности о ведении разведки в особо интересовавшем германский генеральный штаб приграничном районе между Вильно и Варшавой. Там мы имели немало своих агентов из местных обывателей.

Насаждением агентуры против русских непосредственно занимались следующие офицеры подчиненного мне русского отделения: в Кенигсберге — майор Гемпп, в Алленштайне — майор Фолькман, в Данциге — майор Весте, в Познани — майор Людерс, в Бреславле — Гудовиус. Они располагали специальной агентурой, которая вела военную разведку против России. В Берлине все поступавшие с мест материалы обрабатывал майор Нейхофф. Из перечисленных мною офицеров германского генерального штаба в живых к моменту моего ареста оставался лишь майор Гемпп, проживавший в Берлине, район Лихтенфельде, улица Гортензин, дом № 26 (неточно). Все остальные мои коллеги и подчиненные были старше меня возрастом, и вряд ли кто-либо из них существует в настоящее время.

Вопрос: А теперь назовите агентуру, насажденную германской разведкой в России.

Ответ: Наши агенты имели обычно номера, а фамилий их за давностью времени я не помню. С агентурой встречались офицеры, работавшие непосредственно близ линии фронта, я их уже назвал. Мне лично не довелось иметь ни одной встречи с кем-либо из агентов, действовавших против России, да это и не требовалось обстоятельствами дела, поскольку проверка достоверности поступающих донесений производилась на месте, а не в Берлине.

Вопрос: В России, как известно, до первой мировой войны проживало значительное количество немцев, занимавших более или менее видное положение в русской промышленности, в финансовых и технических кругах, а также в армии. Разве вам не были известны тайные агенты из этой среды, действовавшие в интересах Германии?

Ответ: Такой агентуры я не знал.

Вопрос: Могло ли так быть, чтобы начальник разведывательной службы генерального штаба германской армии не был осведомлен об агентуре, по крайней мере наиболее ценной, находившейся и действовавшей в лагере противника?

Ответ: Но так было на самом деле, я показываю правду и прошу мне верить.

Из собственноручных показаний Николаи от 13 июня 1947 года

Об отношениях, установившихся во время первой мировой войны между разведслужбой германского генерального штаба и Парвусом-Гельфандом в Швейцарии, я могу сообщить только то, что изложено в моей рукописи.

Если желательны дальнейшие сведения, то я могу указать только на следующее:

[1.] Я не предвидел никакой существенной пользы для военной разведслужбы от его использования, а самое большее, что можно было предвидеть, — это политическое или пропагандистское его использование. И то, и другое не относилось больше на Восточном фронте к задачам организации нач. III-Б, а было самостоятельно передано верховному командующему Восточного фронта (нач. штаба — генерал Гофман) и командующему на Украине (фельдмаршалу фон Эйхгорну).

2. Полученные мною сведения о личности Парвуса звучали неблагоприятно. (Насколько я припоминаю, он происходил из немецких журналистов в Швейцарии.)

3. Я не помню больше (но считаю это основным с точки зрения сегодняшнего суждения), искал ли Парвус связи лично от себя или же ее искал какой-либо орган германской разведслужбы.

4. То же самое относится и к вопросу, получал ли Парвус должное вознаграждение или требовал ли он его.

5. Я только еще знаю, что эти отношения были прерваны из-за их незначительности для военной разведслужбы и потому, что они не могли иметь успеха в политическом или пропагандистском отношении из-за их рискованности.

6. Это не играло тогда никакой особой практической роли. Я вспомнил об этом только сейчас, когда натолкнулся при чтении сочинений Ленина (тт. XX—XXII) на фамилию Парвус и на не совсем благоприятную оценку его личности, которая открыто подтверждала мою точку зрения во время первой мировой войны.

Публикация АЛЕКСАНДРА ЗДАНОВИЧА,
сотрудника Центра общественных связей
Министерства безопасности России

Русские крестьяне схватили немецкого шпиона, переодетого в женское платье.

«СПАСЕНИЕ ГЕРМАНИИ В РОССИИ. СПАСЕНИЕ РОССИИ В ГЕРМАНИИ...»

Письма прапорщика-артиллериста. Фотографии из альбома прапорщика Н. Л. Молярова

Матери
3 ноября 1914
Лиски (Галиция).

Живу все по-старому: уже третья неделя поход, стоянка, снова поход. Иной раз стоянка прекрасная — в санатории, в здании вокзала, иной раз, как сейчас, — паршивая и грязная.

Нас пятеро в душной комнате курной избы, кишасей совершенно невероятным количеством клопов, блох и даже вшей. И все-таки хорошо. Хорошо тем, что есть

стены и стол, печь и деревянный пол. После обеда, усталый и озябший за утро, я лежал на своей постели, полуспал и полугрезил. За окном тихо кружил мокрый снег. Темнело. Иван Дмитриевич Чаляпин, офицер, заведующий хозяйством, считал деньги, шелкал счетами, скрипел пером. От его свечи розовел потолок. На стене двигалась тень его склоненной головы. Тебе это покажется странным, но верь, что здесь сейчас свеча, тень, чернила, перо, стол воспринимаются так же, как в мирной обстановке цветы, стихи и музыка, как вестники нездешнего мира. Каждая вещь в моем теперешнем сознании как бы превышает себя

самое; каждая вещь есть здесь прежде всего обратная дорога души в душно покинутый мир. Ныне мне коричневыми воротами твоей московской квартиры гораздо дороже триумфальной арки Константина: независимая в своем бытии от моего желания, арка сейчас, конечно, так же существует, как существовала и пять лет тому назад, когда я ее видел, а в ворота твоего дома я вот сию минуту так страстно хочу войти, что уже начинаю верить, что их не только нет, но и никогда не было.

Говорят, что война родит героев, жаждущих славы ратного подвига, смерти врага и смертной опасности. Вероятно, это так, хотя определению сказать не могу: на войне я еще не был и пока видел только георгиевских кавалеров, а не героев. Но кого война родит в бесконечном количестве, что мне уже и сейчас видно, это призванных и не призванных поэтов обыденщины, певцов серо-мещанской, буржуазной жизни.

В этой скверной сентиментальности есть своя глупость.

бина. Дело в том, что в мирной обстановке каждая вещь есть в известном смысле вещь мертвая. Видя лампу, мы не чувствуем мрака, лучины и чада, которые ею отменены; и стоя у камина, мы не вспоминаем, не переживаем того холода, ветра и осенней ночи, которые в нем преодолены. В мирное время мы ощущаем вещи с пошлостью аналитических суждений, лампа есть лампа, камин есть камин. А тут на войне лампа есть лампа, а кроме того, она есть и мрак, и лучина, и чад. Война — прекрасная школа для практического изучения диалектики Гегеля.

Я уверен, что, когда я вернусь, я буду часами благо-

дарно смотреть на чайный сервиз, на дрова в камине, на мягкое кресло на полку с книгами. И все это будет вовсе не комфортом, а знакомым образом какой-то новой душевности.

28-го января 1915

Слава Богу, ночь прошла благополучно. Нас никуда не потянули, и я снова могу писать тебе. С добрым весенним утром. Под окном слышны молодые голоса. Раздаются команды. Это к нам в дивизию пришло новобранское пополнение. Бесконечно жалко смотреть на молодых парней. Можно с уверенностью сказать, что мало кто вернется домой здоровым и неизувеченным, а многие уже в ближайшие дни будут убиты. Полки редуют ежедневно. В победоносных боях, о которых я уже писал тебе, наш полк потерял половину своих. Полк пополняют пришедшим пополнением; пополнение это снова перебьют; придет второе пополнение — месяцев через пять не станет и его и т. д.

О если бы кто-нибудь из пламенных защитников войны с национально-культурной точки зрения должен был бы взять на свою единоличную ответственность все эти молодые жизни, если бы он своею волею должен был бы заморозить дыханием смерти все эти молодые жизни и навек задушить все эти звонкие голоса, то, уверен, в мире не нашлось бы ни одного защитника войны. Потому она только и возможна, что все ее ужасы решительно никем не переживаются, как ужасы, причиняемые мною — тебе.

Нет, Вильгельм воюет по воле народа. А немецкий

народ воюет во имя великого государства и во славу Вильгельма. В сознании Германии ответственность за войну падает на Россию и Англию. В сознании России и Англии — на Германию. Войска калечатся и умирают потому, что этого требует от них народ, как нация. А нация, как мирный народ, отрицает войну и жаждет мира. Все эти противоречия возрастают на мире сплошным безумием, а умные люди услужливо оправдывают войну, во-первых, потому, что ум по своей природе услужлив, а, во-вторых, потому, что ум не переносит безумия. Безумие же спокойно царствует в мире, прикидываясь высшею мудростью и Божиим Судом.

Я твердо верю, что «Бог судил иначе».

В это я верю, но зная, если мы пойдем на позицию, я снова буду стрелять без всяких упрямств совести. И пусть мне не говорят, что причина этого противоречия в том, что мое отрицание войны поверхностный интеллигентский рационализм, что я в душе

тройку окоп-дачи и вчера переселились. У нас очень хорошо. Полуподземное жилище состоит из пяти комнат. Одна «кают-компания» и четыре маленьких комнаты вокруг. Пока братья Г-не в отпуску, я блаженствую, живя один в большой комнате.

Мой «письменный» стол стоит у большого окна без переплета. На стене против стола висит наша акварель. По мою левую руку хорошая крашеная полка с книгами, а за спиной кровать розовая, у зеленой стены; на стене висит оливковое одеяло. В углу старые, привычные теплые вещи: полушубок, валенки, кожаная куртка, у левой пуговицы которой висело красное пасхальное яичко.

Я смотрю в окно — за окном стоит старый строевой лес, слегка оснеженный: снег и сейчас падает медленными хлопьями.

Есть в первом снеге что-то совсем особое. Третьего дня в половине девятого утра я выехал в экипаже в Ригу.

ее приемлю. Нет, причина в том, что я, как и все, личной ответственности за все происходящее не несу; формулы Достоевского, что «каждый за все и за всех виноват», в сущности, душою не постигаю, не осиливаю...

К жене

14-го октября 1915 г.

Лесничество — «Бли».

Газеты оповестили тебя о наших событиях. Я не писал, так как совершенно не было своего угла. Теперь стало иначе. Пять дней мы потратили на пос-

Медленно на мягких рессорах катилась моя коляска. Медленно и тоже бесформенно думались в сердце какие-то длинные думы, и душе тоже так хотелось куда-нибудь спрятаться, так хотелось приветного осенения нежным, белым крылом.

А в глазах все рябил да рябил ниспадающий снег. «Все течет, все проходит», вспоминался мне Гераклит; с ним вместе вспоминался Фрейдбург, «Логос», Мелис, Кронер и наш прекрасный юный энтузиазм дружбы и философии.

Где же вся эта молодежь, святая красота! Как быстро, как ужасно быстро во зле состарился мир.

В третью батарею N Сиб. стрелк. арт. бриг.

Александру Борисовичу Е-чу.

20-го января 1916 г.

Москва, Евангелический
полевой госпиталь.

Уже больше месяца, как я в Москве. Лежу в одной из лучших лечебниц. Раз два в неделю выезжаю на костылях домой или в театр. От 2—8 ежедневно меня навещают свои и знакомые. По утрам я регулярно читаю, по вечерам играю в шахматы. Дни — один за другим, один как другой — быстро скатываются куда-то под гору.

Иной раз вечером в большую палату прыжками, словно воронье, собираются все костыльные и однорукие обитатели нашего лазарета поиграть на балалайках, попеть и посмеяться друг друга совсем несмешными анекдотами. Особенно хорошо два одноруких играют на одной гармонике. Истинно русские протезы!

По окончании литературно-музыкальной части на-

неудовлетворенности на всю их долгую, короткую ли жизнь.

Невероятно, что эта привязанность к фронту жива даже в душах умирающих. Я часто по утрам, пока убирают палату и перекладывают моего соседа по койке, захожу к одному совсем молодому, очень красивому поручику, который вот уже скоро год, как медленно и неизбежно умирает невероятно тяжелой смертью. У него прострелен позвоночник, потому полный паралич ног. Весь в пролежнях, он лежит на водяном матраце и не может без чужой помощи ни встать, ни повернуться. Все физиологические отправления совершаются искусственно. И что же? Он целыми днями молча играет в преферанс, не выпуская изо рта папиросы; когда же не играет и не молчит, говорит только о фронте, и говорит без ненависти и без проклятия, говорит, как о лучших, отлетающих днях, совсем не связывая их почему-то со своим увечьем и с неизбежно скорой смертью.

чинаются обыкновенно бескончаемые позиционные рассказы. Тут все наперебой берут немецкие окопы, режут проволоку, обходят фланги, бьют немца в лоб и т. д., и т. д. без конца, пока не придет сестра, не потушит электричества и энергично не прикажет расходиться по палатам.

Прислушиваясь к этим рассказам, я не раз удивлялся тому, с какой большой любовью, и больше, с какой благодарной памятью люди из вечера в вечер заново переживают то, что всем им причинило, по меньшей мере, боль и страдание, что многих лишило руки или ноги, что, очевидно, наложит отпечаток тяжести и

Есть, очевидно, в позиционной жизни нечто значительное и большое, нечто, за что душа остается погреб жизни благодарной судьбе, но к чему сознательно стремиться, чего хотеть у нас не хватает душевных сил и духовной значительности.

Определить то, чем наша боевая жизнь столь существенна и богата — трудно, но думаю, что дело в том, что фронт перекладывает ось нашей жизни из положения горизонтального в вертикальное, превращая все обыкновенное в необычайное.

Верите ли, бесконечно ценными кажутся мне сейчас месяцы, проведенные на фронте; как первая

любви, вспоминаются первые осенние бои. Уютными и почти поэтичными кажутся отсюда стоянки и окопы. Любовь и войну роднит ошеломляющая необычайность как той, так и другой, и непосредственное отношение обеих к последней тайне жизни, к самой сущности, к абсолютному. Как бы страшна ни казалась нам смерть — диалоги, что ее именем ведут с нами немецкие снаряды, все же диалоги с вечностью. Вышего же наслаждения души смертных, очевидно, не знают, как прислушиваться к «песням небес».

Впечатление смешной и безвкусной бездарности очень долго тяготеет для всякого русского глаза над всею немецкою жизнью. Я помню первые годы своего пребывания в Германии. Я решительно ничего не понимал. Страна музыки! Вся покрыта хоровыми обществами! Но ведь где соберутся десять русских студентов — там хор; а когда в унисон взвывает немецкая корпорация, или в горах на лужайке захрипит дед, кото-

рый не поет от старости, защищает дети, которые не поют от малости, и кто в лес, кто по дрова затянут песенку, толстенький супруг без пиджака и остроугольная супруга, сидящая на земле на нижней юбке, с верхнею поднятой к талии, то ведь надо не только «святых вон выносить», но и Баха, Шумана и Вагнера куда-нибудь подальше спрятать.

А пожилые, солидные, очкастые приват-доценты, спешащие, в качестве офицеров запаса, в день рождения Вильгельма, в сознании важности и торжественности момента, без малейшей иронической улыбки, хотя бы

только над своею внешностью, в «мундирах кайзера» по Гейдельбергской «Anlage» — разве это для русского глаза не сплошная карикатура?

А белобрысы немецкие курсистки в «реформах» и сапожках с косичками на ушах — разве они не верх безвкусицы?

А чудовищная размеренность в жизни немецких студентов, которые первый семестр все как будто по заказу мало учатся, много пьют, ухаживают за кельнершами, принципиально не целуют дочерей тех профессоров, у которых они бывают на официальных семестровых обедах, которые не избирают ученой карьеры, если у родителей нет капитала, и очень успешно превращают по окончании курса свою корпорацию из органа дружбы и любви в рекомендательную контору германской бюрократии. Разве это не отвратительно в наших глазах?

Наконец, «протоплазма» современной немецкой жизни, «феррейнь» — что это за чудовищный институт!

Благодаря моему короткому знакомству с извозчиком Фрицом, я ближе всего знаю извозничий «феррейнь», а потому пишу о нем. Думаю при этом, что извозничий феррейнь, как феррейнь, ничем не отличается от феррейна инженером или адвокатом.

Философия феррейна следующая. Дабы извозчику быть первоклассным извозчиком, ему необходимо безусловно верить, что назначение человека быть извозчиком. Так как извозчик, встречаясь с людьми других профессий, не может не поколебать в себе этой

веры, то необходимо, чтобы он встречался только с извозчиками. Для того же, чтобы общество извозчиков в целом не усомнилось в извозничьей природе всех людей, извозничьи интересы извозчиков в пределах феррейна расширяются некоторыми общечеловеческими интересами. Отсюда извозничьи хоровые общества, извозничьи Fruchschoppen'ы... В результате такого усложненного социального препарирования извозчиков получаются действительно первоклассные извозчики, т. е. не только люди, занимающиеся особой профессией, но люди вполне определенного извозничьего миросозерцания, люди, убежденные, что солнце ярче всего играет не в бриллианте, а на лакированном крыле пролетки, что последние минуты Гете менее значительны, чем рекордные секунды американского рысака, что в России известен отнюдь не граф Толстой, а граф Орлов-Чесменский, создатель знаменитой породы рысачков, снимки с лучших эк-

земпляров которых я, к слову сказать, видел на стенах Фрицовой комнаты.

Я не защитник дилетантизма и глубоко ценю профессиональное знание и умение. Выше меня ценят его, конечно, немцы. А потому я не понимаю, как они забыли то, что когда-то прекрасно знали, что жизнь — это тоже профессия, которая требует и своего вдохновения и своего мастерства. Боже, какие все немцы: извозчики, профессора и даже актеры — дилетанты жизни! Я хотел было привести тебе еще один пример, но, пожалуй, воздержусь; всего все равно не перебе-

решь. Я хочу только сказать, что вполне понимаю, как чужда для русского интеллигента с его аристократизмом и широтою, с традиционным антимилитаризмом, с его культом женщины и любви, с его мятежным духом свободы, родственным, правда, зачастую духу безалаберности и разгильдяйства, — современная Германия с ее бронзовыми штурманами, чемпионом-олимпийцем, завершающим профессионализмом и вытаращенным взором пазоильной законмерности.

Однако, будем справедливы. Ведь совершенно очевидно, что набросанная мною распространенная характеристика Германии, при всей поверхностной верности, в своей глубине определенно неверна.

Ведь совершенно очевидно, что все, рассказанное мною и в тех или иных выражениях постоянно повторяемое всеми туристами, когда речь заходит о Германии, с какою-то последнею близорукостью игно-

рирует все наиболее характерные явления германской культуры. Игнорирует и глубинную мистику Беме и Эккехардта, и онтологизм Гетевского символизма с его культом вечной женственности, и то, почему Германия — духовная родина музыки — и немецкая музыка насквозь религиозна, и то, почему в области философии только немецкая метафизика и немецкий трансцендентализм могут считаться достойными преемниками положительного и сущностного умозрения Греции, игнорирует, одним словом, основную черту Германии: предопределенность духовного

облика и жизненных путей немецкого народа ценностями абсолютного, религиозного порядка. А ведь ни порировать все это нельзя, ибо во всем этом, по меньшей мере, тоже вскрывается сущность Германии.

Но, быть может, ты меня спросишь, как же тебе слить обе эти характеристики в едином образе германского народа?

Многое в моей первой характеристике объясняется, как это ни странно, второй. То, что объясняется, составляет положительную сущность Германии. Многое же не объясняется, и своей необъяснимостью указывает на ту болезнь немецкого народа, от которой он, Бог даст, исцелится войной, если она только будет им не безусловно вынуждена. Наряду с высочайшими духовными прозрениями, Россия все время не оскудевает сумрачными вспышками душевного подполья. Нет вопроса — слова о «Святой Руси» никогда не станут пустым звуком, ибо подлинно верно, что всю Россию «в раб-

никто не пользуется фактописью, как доказательством, а все пользуются ею, как условным языком для сообщения того, что ясно помимо всяких фактов. Я давно и сознательно усвоил себе такое чаадаевское отношение к фактам, а потому смело характеризую с тою упрощенностью, которую допускает письмо, родство и противоположность Германии и России, как родство и противоположность метафизики и мистики.

Мне думается, что Германия уже прошла через зенит своего духовного развития. В ней все больше и больше гаснет пророческий дар откровения и все больше и больше оттачивается во всех областях культуры острие критической совести. Это, быть может, яснее всего видно на примере современной немецкой философии, которая из системы постижений все определеннее перерождается в систематизацию непостижимостей.

Россия, наоборот, еще только восходит к своему зе-

ком виде Царь Небесный исходил благословляя». Но верно и то, что в недрах народных таится еще много вулканической, языческой мистики, а где-то и темный звериный инстинкт.

Я мог бы, конечно, в доказательство правильности этой характеристики привести «обильный материал», но я этого не делаю, ибо знаю, что все фактические указания и исторические справки могут быть, во-первых, с успехом заменены другими, противоположными им, а, во-вторых, истолкованы в смысле, обратном тому, которым они светятся для меня. В сущности ведь

питу. Правда, она насквозь хаотична, но ее темный хаос светится откровением. Отрицательный же дух критики и запретительная сущность совести ей пока совершенно чужды.

Германской совести грозит опасность критического окаменения. Над русским откровением повисает сумрак хаоса окаменения. Над русским откровением повисает сумрак хаоса и бессовестности. Спасение Германии в России. Спасение России в Германии.

Война становится все ожесточеннее и все ужаснее. Удушливые газы, огнеметатели, горы, бесчисленные

аэропланы — всего этого в 15-м году мы не знали, а теперь у нас прямо-таки французский фронт. Что же мы всему этому противопоставим? Техника и организация нам никогда не давались, и те некоторые усовершенствования, которых мы на третьем году войны с грехом пополам добились, решительно ничего не значат по сравнению с тем, что за это время сделали немцы. Каратаевский дух «серых героев» и беззаветную храбрость «суворовских орлов»? Но ведь это фраза — факты же говорят о другом.

У нас в бригаде недавно получен приказ стрелять по своим, если стрелки будут отступать без приказа. В N-ой дивизии опять беспорядки и опять расстрелы. Отношения между артиллерией и пехотой с каждым днем ухудшаются: недавно пехотинцы забросали ручными гранатами наш наблюдательный пункт, а разведчика 5-й батареи нашли мертвым в пехотных окопах со штыковой раной (немецкой атаки в это время не

тепловотской морали, которое процветает у нас сейчас в двух направлениях: во внутренней политике и во внешней. Во внутренней политике мы, в очень многом, к сожалению, похожие на наше правительство, виним во всем одно правительство и думаем, что, свалив Николая, немедленно исцелим Россию от всех бед и напастей, а во внешней, отнюдь не отличаясь политической добродетелью, виним за все «проклятых немцев» и ждем, что Николай-чудотворец, во имя свободы и справедливости, дарует нам над ними блистательную победу.

Какая во всем этом ужасная ложь! Порою мне кажется, что облик идей отливаются на всю Россию из какой-то особо тягучей резины. Не теряя в себе потому намек на свою подлинную сущность, они как-то гнусно и произвольно растягиваются и съеживаются в ужасные рожи. Так русский пацифизм превращается сейчас в требование войны во что бы то ни стало;

было). Сама же пехота сейчас никуда не годится; необученная, неспаянная и трусливая, она все меньше и меньше выдерживает натиск первоклассных немецких ударных батальонов. Как-никак, все это свидетельствует о такой степени падения пресловутого духа русской армии, при которой продолжение войны становится почти что невозможным.

Читая журналы и газеты, получаешь впечатление полной утраты нашей интеллигенцией всякой свободы мнения, страшной штампованности мыслей и слов, поголовного лицемерия и поголовного исповедания гот-

отсутствие завоевательных тенденций и теория защитительной войны — в стремление уничтожить немцев и получить Константинополь с Дарданеллами; борьба за угнетенные нации — в военное предательство Серби, дипломатическое насилие над Грецией и упорное непровозглашение автономии Польши. Мирным русским деятелем почему-то называется человек, хрипящий от крика «война до конца», а русским солдатом — существо, жаждущее замирения во что бы то ни стало.

Не знаю, может быть, я не прав, но иной раз, внут-

ренне созерцая Россию и всю накопившуюся в ней ложь, я решительно не представляю себе, как мы доведем войну не до победного, конечно, но хотя бы не стыдного, приличного мира.

Да и кому ее вести?

Единственная сила, способная в принципе на продолжение войны, — самодержавие — стремится с откровенным цинизмом к сепаратному миру. Руководящая интеллигенция в лице прогрессивного думского блока и группы московских славянофилов, все еще исполненная завоевательных тенденций и плененная пустыми фразами о народности войны и «исконных» задачах России, решительно не замечает, что она штаб без армии и, в случае падения самодержавия, во что я мало верю, войны до конца довести не сможет; ибо армия, т. е. весь народ русский, не только с интеллигенцией против своего врага — самодержавия, но и с самодержавием против интеллигенции — за сепаратный мир.

К матери
6-го февраля 1917 г.
Рудники. Золотая Липа.

Каждый день в 5 часов я прихожу с коновязи в свою халупу. Каждый день к 5-ти уже затоплена печь, и Семеша ставит на стол самовар. Небольшие полузамерзшие окна, вначале освещенные заходящим солнцем, начинают в это время гаснуть, а за стеной заводит свою ежедневную, то протяжную, то веселыми переборами, песнь фельдфебельская гармония.

Каждый день погруженный в свои воспоминания, безвольный и покорный, я сижу час-два за самоваром

и прислушиваюсь к потрескиванию печки, к гармонии Голощапова.

В это время ко мне обыкновенно никто не приходит, и я наслаждаюсь своим одиночеством. За время моего пребывания в парке я страшно привык к этим моим часам. Они стали для меня чем-то вроде свидания для тайно влюбленного. <...>

Как странно, как непонятно, что тоску о «песне небес» пробуждает во мне фельдфебель Голощапов, играя галицийским девкам на своей двухрядке затрепанного «Баламута». А все-же это так, и так потому, что того же «Баламута» я слышал восьмилетним мальчиком с парома на Угре. Как сейчас помню. Вечер. Тихая, зеркальная речная гладь. Солнце садится. Запад в огне. На востоке небо и Угра — синие и печальные. Я стою у столба, по которому, крутясь, бежит протянутой с берега на берег канат. Ты сидишь на скамейке. Лошади, словно в каретном сарае, переступают по дереву, звенят и побрякивают глухарями. Как-

то необычайно пахнет свежестью и чистотой большой реки. С берега, с того берега, на котором при спуске к Угре на юру стоял маленький дом Чертовых, доносится гармоника: тот же «Баламут», под который я сейчас пишу тебе письмо. У меня на душе восторг и неудержимая ко всем и ко всему любовь! Где это все? И как случилось, что я, переживший этот час, посылаю сейчас на батарею снаряды с удушливыми газами? Ничего никогда не понять!

А разве мало было таких часов?

Помнишь, как мы все трое, Липенька, Боря и я, лежали больными в нашей большой детской? В ком-

пате царил почти полный мрак, в дальнем углу на комодке горел ночник. Нам делали гоголь-моголь. Мне сбивала ты. Липенька и Боря уже давно съели свои порции, а я все еще ждал. Ты сбивала дольше всех, но зато я знал, что мой будет самый лучший и что я раньше всех выздоровлю. Как мне тогда было уютно и прочно, защищенно и безопасно за твоей заботой. Как я верил в тебя — как в Бога. Думається, что переживал я тогда то определенно религиозное чувство, которое Шлейермахер называет «das schlechthinnige Abhängigkeitsgefühl». Где этот час?

А где тот самый, быть может, счастливый, когда, уже выздоравливающий от тифа, я проснулся в Страстную субботу в твоей комнате, залитой светом множества свечей и наполненной врывающимся в открытую форточку светлым пасхальным звоном; увидал на столе у постели твои белые розы, двенадцать томов Тургенева, тебя, выходящую меня, нарядную и счастливую. Господи, как ликовала душа! Как таяла она в

пасхальном звоне, как возносилась вместе с ним... Где это все? И снова спрашиваю я, как могло случиться, что я, переживший такие часы и запомнивший их, посылаю на батарею снаряды с удушливыми газами? Никогда, ничего не понять!

Федор Августович Степун (1884—1965), философ, литератор, историк и социолог культуры, родился в имении Кондрово Калужской губернии, в семье главного директора известных на всю Россию писчебумажных фабрик. Выходец из Восточной Пруссии, где Степуны владели большими земельными угодьями

между Тильзитом и Мемелем, отец Федора Августовича, «несмотря на свое происхождение, отнюдь не был «пруссак» в общепринятом в России смысле этого слова. По своей мягкости, скромности, по душевной беспечности и неделовитости, по своему поэтическому мироощущению, по своей вспыльчивости и отходчивости он был скорее славянином, чем «германцем», — вспоминал об отце в мемуарном сочинении «Бывшее и несбывшееся» Ф. Степун.

Именно по настоянию отца дети поступили не в классическую гимназию, а в реальное училище святого Михаила в Лефортове, располагавшееся в «немецко-слободском, скорее миттавском, чем московском» дворике.

Через несколько лет молодой человек по совету доцента Московского университета Бориса Петровича Вышеславцева решил углубленно изучать философию в Германии и вскоре был в порядке исключения (с аттестатом реального училища) принят в Гей-

дельбергский университет. Защитив в Германии докторскую диссертацию «Wladimir Solowjew», Ф. Степун вернулся в 1910 году в Россию. Работал в «Бюро провинциальных лекторов», разъезжая по провинции с лекциями об истории греческой философии и эстетике Возрождения. Тогда же вместе с С. Гессеном и Н. Бубновым издавал международный журнал по философии и культуре «Логос».

Последнее лето перед первой мировой войной Степун проводил в подмосковном имении Ивановка. «Как все большое и страшное в жизни, война вплотную подошла к нам неожиданно и незаметно. Стояли пре-

красные июльские дни, пахло доцветающими липами, розами и свежим сеном. Над столом кружились пчелы. Отпив чай, мы ждали почты. Вместо писем Василий принес приказ вести всех лошадей в Знаменку для ветеринарного осмотра. Мы как-то не сразу догадались, что это начало мобилизации». Вскоре молодой ученый получил назначение в Иркутск, в 5-ю батарею прапорщиком.

Сегодня, когда Ф. Степун известен как общественный деятель русского зарубежья, философ и театральный критик, мало кто помнит и знает его первую книгу — «Письма прапорщика-артиллериста», отрывки из которой публиковались в 1919 году в петербургском журнале «Северные записки». В основу книги легли подлинные письма самого Степуна, которые он адресовал матери, жене и друзьям, будучи на войне. Спустя несколько лет Федор Августович был выслан из России на знаменитом «корабле философов» в Германию, где через полтора десятилетия приступил к

пережито, но даже осознано многими «белыми» офицерами, которые прошли через ужасы гражданской войны.

Как только мы с женою поселились в Берлине, стали приходить письма из разных мест. Писали товарищи-фронтовики, которых уже и не чаял в живых. Как ни различны были их письма, главной темой всех было отращивание к революции и теплые, почти нежные воспоминания о войне. Вот замечательная страница из письма моего однобатарейца Владимира Балашевского:

«Если бы ты знал, какую красотой и правдой представляется мне после всех ужасов пролетарской революции и гражданской «войны» та, «наша», если разрешишь так выразиться, война. Все последующее уродливое и жестокое не только не заслонило моих старых воспоминаний, но, очистив их своею грязью и чернотой, как уголь чистит белых лошадей, как-то даже придвинуло их ко мне...» Конечно, и война 1914 года

мемуарному труду «Бывшее и несбывшееся». Вспоминая в нем о своем «Прапорщике», Ф. Степун пишет о переосмыслении характера первой мировой войны, произошедшем после революции у интеллигенции: «Теоретически я не переменял своих взглядов, но душою я за истекшие годы настолько отвернулся от них, что меня с каждою новою весною все сильнее и сильнее тянет в галицкие окопы. Вглядываясь в себя, я отчетливо вижу, что пережитая революция если и не оправдала войны, то все же как-то очистила ее в моей памяти. Важно, что такое же очищение образа войны 1914 года было не только

была величайшим преступлением перед Богом и людьми, но она была преступлением вполне человеческим. Лишь с рождением сверхчеловека появилась в мире та ужасная бесчеловечность, которая заставляет нас тосковать по тому уходящему миру, в котором человеку было еще чем дышать, даже и на войне».

Сегодня многие строки «Писем» прапорщика Ф. Степуна дороги нам именно этой тоской по уходящему миру; другие же не менее интересны во многом неординарным взглядом на причины и характер той «забытой войны», на которой погибли тысячи наших соотечественников.

СВОЯ И ЧУЖАЯ ЗЕМЛЯ

На исходе второго месяца лета 1914 года сбылись смутные, тревожные предчувствия тысяч европейцев — началась великая война первой четверти XX века, вошедшая в историю как первая мировая, «империалистическая». В России, второй раз после 1812 года, ее нарекли Великой Отечественной или просто «германской». Мы твердо усвоили, что для всех ее главных участников «мировая бойня» была захватнической и несправедливой. Однако так ли все просто? Попытаемся посмотреть на события, применяя новую систему координат, опирающуюся на понятие *борьбы на своих и чужих территориях*. Именно эта терминология способна дополнить историю первой мировой войны новыми штрихами (здесь мы ограничимся анализом событий на главных, европейских театрах военных действий).

Итак, в самом начале войны германские войска первыми вторглись в Люксембург, а затем и в Бельгию. Не отстали от немцев и их австро-венгерские союзники, первыми вступившие на территорию Сербии. Так образовались два фронта войны в Европе — Западный и Балканский.

На русско-германском театре военных действий русские войска первыми перешли границу Восточной Пруссии. Немцы в свою очередь вторглись на юго-запад русской Польши и заняли целый ряд приграничных городов. В первые месяцы войны главные сражения разворачиваются в русской части Польши (лишь три наши южные армии действовали на австро-венгерской территории). С конца апреля 1915 года (начало Великого отступления) вплоть до Брестского

мира русские войска защищают родные рубежи (одновременно удерживая небольшую часть австро-венгерской территории). После оставления русскими Польши и завоеванной в 1914-м Галиции вражеские полчища устремились в глубь империи: в Курляндию, Лифляндию, Литву, Белоруссию, Польшу и Волынь. В 1918 году, после выхода России из войны, германское командование продолжило наступление. Немцы дошли до Ростова, проникли в Крым и в Грузию...

Осенью 1915 года войска Четвертого союза разгромили Сербию. Сербская армия была вынуждена покинуть страну, а Балканский фронт сменился Салоникским.

В том же 1915 году бывшие союзники немцев и австро-венгров — итальянцы осуществили вторжение в пределы Австро-Венгрии. Однако в 1916-м и в особенности в 1917 году итальянские армии ведут бои уже у себя на родине, с невероятным трудом удерживая фронт под натиском германского блока.

И французы первыми вторглись в принадлежавшие немцам районы южнее Люксембурга, пытаясь вернуть Восточную Лотаринию, Вогезы и Эльзас, утраченные в ходе франко-прусской войны 1870—1871 годов. Наступательные усилия французов ничем не увенчались: все четыре года войны германские войска воевали в северо-восточной Франции, превратив цветущие поля Шампани в лунные пейзажи.

Если не принимать во внимание стратегические планы Антанты и исходить из конкретного положения русской и французской армий на театрах военных действий, то вполне правомерным становится

утверждение о справедливом характере войны для России и Франции. Для народа, который защищает от агрессора свою землю, война всегда становится справедливой. Французы и русские, сербы и бельгийцы в эти годы вели поистине народную войну. (Конечно, необходимо учитывать и специфичность позиционной войны на Западном и Восточном фронтах в 1915—1918 годах, когда обем воюющим сторонам крайне трудно было преодолеть широкие укрепленные полосы, прорвать фронт и кардинально изменить положение в свою пользу.)

Для Франции и России складывается интереснейшее положение: почти всю первую мировую войну они сражаются с противником на *своих территориях*.

Став в этой войне победительницей, Франция ничем не отплатила немцам за взятие Парижа в 1871 году: французы не смогли овладеть не то что Берлином, но даже частью собственно германской территории!

Россия эту войну проиграла, находясь у порога победы, несмотря на большие территориальные потери. Русские войска внесли огромный вклад в победу своих союзников на Западе. Главная роль, сыгранная русскими на восточноевропейском театре военных действий, спасла французов и не позволила германским оккупантам снова пройти по Монмартру и Елисейским полям.

Германия, разрываясь на несколько фронтов, в итоге потерпела неудачу. Это был беспрецедентный случай в истории войн: *вплоть до последнего дня войны ее войска находились на чужих, ими же захваченных территориях!*

МОСКОВСКИЙ СУДОСТРОИТЕЛЬНЫЙ И СУДОРЕМОНТНЫЙ ЗАВОД

ЗАКЛЮЧИТ НА 1993—1994 ГОДЫ ДОГОВОРЫ И КОНТРАКТЫ НА ПОСТРОЙКУ РЕЧНЫХ ПАССАЖИРСКИХ СУДОВ ПОВЫШЕННОЙ КОМФОРТНОСТИ СЛЕДУЮЩИХ ТИПОВ:

По инициативе журнала «Родина», Министерство народного образования, подкомитетов по печати и народному образованию Верховного Совета РФ осуществляется акция «Каждой российской школе — бесплатную подписку на исторический журнал «Родина». Ваши деньги — на просвещение России!

теплоход «МОСКВА»
(варианты: пассажирский и плавучее кафе)
теплоход «МОСКОВСКИЙ»
теплоход «ЛУЧ» на воздушной подушке

Заводом выпускаются также резинометаллические подшипники, светосигнальная аппаратура, спасательные шлюпки, круги и нагрудники. Общая номенклатура изделий для речного флота составляет около 500 наименований, причем по многим из них завод является единственным изготовителем в стране. На предприятии впервые в отрасли разработан и внедрен конвейерный метод строительства судов. В содружестве с НПО «Судостроение» осуществлены многие организационно-технические и технологические мероприятия, позволившие поставить судостроение на индустриальную основу.

Для получения дополнительной информации обращаться по адресу: Россия 115407, г. Москва, ул. Речников, 7. Телефоны: 116-72-66 118-44-21

Расчетный счет № 424406 в Пролетарском филиале МИНБ г. Москвы МФО 201100 РКЦ г. Москвы. Кор. сч. 411161400 МФО 201791

СИЛА И ДУХ

Попытки социологического анализа событий первой мировой войны были предприняты вскоре после ее окончания. Так, уже в 1920-е годы американский ученый Жан Нортон Крю, пытаясь показать «внутреннюю» сторону войны, которую, кстати, еще Л. Н. Толстой признавал единственно существующей, собрал свидетельские показания нескольких сотен французских солдат — рядовых участников¹. Этот взгляд «снизу» не только дал исследователю представление об искусстве ведения войны, но и позволил проникнуть в сущность вооруженной борьбы через ощущения людей, находившихся на ее переднем крае.

Русский военный ученый Н. Н. Головин высказывался за необходимость проведения такой работы во всех армиях, участвовавших как в первой мировой, так, по возможности, и в предшествующих войнах. «Социологическое изучение войны нуждается не только в том, чтобы в военной истории были запечатлены те молекулярные проявления жизни, которые и составляют «внутреннюю сторону» явлений войны. Социология войны требует от военной истории также и расширения ее поля зрения... «снизу» и «вширь», — писал Головин, — только после этого будет возможна научно-объективная переоценка данных, собранных военной историей»².

Находясь в эмиграции в 1920—1930-е годы, в тот период, когда в СССР социология вообще и военная в частности были объявлены «лженауками», «буржуазными» дисциплинами и прекратили свое существование, генерал Головин подверг историю первой мировой войны социологическому анализу³. Особое место в его работах при этом уделено исследованию «морального духа» войск.

Так, подводя итоги мировой войны, он отмечает, что существовавшее до войны представление о «духе войск» как о чем-то неисчерпаемом и самодовлеющем привело к такому «расточительному расходованию крови, которое не могли выдержать даже самые лучшие войска в мире». Вместе с тем он отмечает слабый учет «зависимости «духа войск» от причин социального и политического характера, причин, получивших особую силу и влияние после превращения профессиональной армии в вооруженный народ»⁴. Эти социальные и политические условия, в которых живет страна, «являются первыми данными, влияющими в современную эпоху на «дух» войск... вот почему в современную эпоху вести войну, непопулярную в массах, есть предприятие ненадежное»⁵.

Тем самым нашла подтверждение гипотетически высказанная им еще в 1907 году мысль о том, какое

огромное значение для победы имеет «стремление бойца к победе, его сочувствие политической, религиозной или экономической идее войны... все решительные и победоносные войны имели в основе идею, которая близка была сердцу бойца»⁶.

Из анализа конкретных событий первой мировой войны Головин выводит «закон распространения разложения армии от тыла к фронту», проявившийся в России в том, что «быстрее всего процесс разложения шел в солдатских массах Северного фронта, в непосредственном тылу которого находился главный очаг революции — Петроград. Второе место по своей разлагаемости занимают армии нашего Западного фронта, в тылу которого находился второй центр революции — Москва. Юго-Западный фронт, имевший в своем тылу Киев, был здоровее, и волны разложения, по сравнению с Северным и Западными фронтами, сюда запаздывали. Наконец, в наилучшем моральном состоянии находились наши армии Румынского фронта; пребывание на территории чужого государства значительно задерживало проникновение заразы»⁷.

К концу 1930-х годов Н. Н. Головину удалось на основе изучения отечественного и зарубежного опыта разработать определенную систему социальных показателей для анализа явлений войны (например, таких, как «военное напряжение страны» и «моральная упругость войск»). И если первый показатель интегрировал социальные, политические, военные и экономические факторы, то второй был ближе всего к собственно социальному показателю. Кроме того, русским ученым был также предложен целый ряд социальных индикаторов, призванных «измерить» эту «моральную упругость войск», например: соотношение кровавых потерь и потерь пленными, соотношение количества попавших в плен и количества бежавших из плена, уровень заболеваемости войск, в том числе случаи симуляции и членовредительства, процент дезертиров в войсках, содержание писем как показатель настроения солдатской массы и др.

Приведем несколько фрагментов из исследований Н. Н. Головина, представляющих, на наш взгляд, определенный научный интерес и с позиций сегодняшнего дня.

1. Ученый приходит к выводу о том, что в течение XIX века предел «моральной упругости войск» характеризуется цифрой в 25% кровавых потерь, после чего сражающаяся армия, как правило, не способна к сопротивлению. И на основе же применения статистических методов он делает вывод о высокой «моральной упругости» русских войск, несших обычно кро-

вавые потери в пределах от 15 до 43%, и низком подобном показателе, характерном, например, для итальянской армии (от 1,2 до 5%⁸).

По первой мировой войне в этой связи интересны такие сведения: если из 100% потерь, понесенных русской армией в 1914 году, пленные составляли 39%, в 1916 — 13%, то сразу после Февральской революции 1917 года — уже 55%, соответственно, кровавые потери: 42, 87 и 45%⁹, таким образом, рост «кровавых» потерь (убитыми и ранеными) и снижение числа пленных свидетельствуют о росте «моральной упругости» войск, которая под воздействием социальных и политических катаклизмов понизилась в 1917 году почти в два раза.

Сравнивая «моральную упругость» офицеров и солдат, Головин приходит к выводу, что «в офицерском составе при 10 убитых и раненых попадает в плен не менее двух, в солдатском составе сдается в плен от четырех до пяти» (см. таблицу 1)¹⁰. Среди же различных родов войск наименьший процент пленных дали казаки и гвардия, соответственно — 6 и 9% (при среднем проценте для всей армии — 31) (см. таблицу 2)¹¹.

Взаимоотношение кровавых потерь и пленных среди призывников различных губерний России характеризует и различную степень их «моральной упругости». Например, из 100% потерь, понесенных контингентами, призванными из Ковенской губернии, при 33% кровавых потерь потери пленными составляют 67% (наибольший показатель в европейской части России). Людские же потери области Войска Кубанского составляют 85% кровавых потерь и всего лишь 15% пленными.

2. Другой пример, связанный с проблемой пленных. Важным показателем «моральной упругости» является количество бежавших из плена военнослужащих, что характеризует их высокие моральные качества и присутствие духа. Так, количество русских пленных в

Таблица 1*
Взаимоотношение между кровавыми потерями и попавшими в плен для офицерского и солдатского состава русской армии

Период	Категории	Процентное взаимоотношение		
		Кровавые потери	Пленные	Всего
1914 и 1915 годы	офицеры	80	20	100
	солдаты	63	37	100
	общее число	63	37	100
1916 год	офицеры	92	8	100
	солдаты	86	14	100
	общее число	86	14	100
1917 год	офицеры	87	13	100
	солдаты	59	41	100
	общее число	59	41	100
Для всей войны	офицеры	84	16	100
	солдаты	69	31	100
	общее число	69	31	100

* Здесь и далее таблицы в тексте приводятся по изданию: Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. В 2-х т. Париж, 1939.

Взаимоотношения между кровавыми потерями и попавшими в плен в различных категориях войск (в процентах)

	Кровавые потери	Пленные	Всего
Гвардия	91	9	100
Гренадерские части	78	22	100
Пехота (армейская)	65	35	100
Стрелковые части	82	18	100
Кавалерия	79	21	100
Казацьи войска	94	6	100
Пограничная стража	86	14	100
Артиллерия	56	44	100
Инженерные войска	77	23	100
Ополчение	42	58	100
Санитарные части	83	17	100
Прочие	38	62	100
Общее число для всей армии	69	31	100

Германии в 1914—1918 годах составляло 1.400.000 человек. Из них бежали 442 офицера и 259825 нижних чинов, из них было поймано 418 офицеров и 199530 нижних чинов, то есть бежал каждый седьмой. Такого большого процента бежавших военнопленных не дала ни одна из европейских армий¹². К слову сказать, отношение к бежавшим из плена военнослужащим в Русской армии в тот период было совсем иным, нежели в годы Великой Отечественной войны (факт побега из неприятельского плена, например, отмечался особыми почетными нашивками на рукаве кителя и часто служил основанием для выдвижения на вышестоящую должность).

3. Эмпирический индикатор: «заболеваемость» войск. Сюда включается количество реальных больных и раненых, а также симулянтов и членовредителей. Вот как, например, этот показатель отражает процесс разложения армии. «Заболеваемость» войск увеличилась в 1917 году по сравнению с предыдущими (1914—1916) годами в 21,5 раза. А между тем рост эпидемии ее начинается только после начала революции. Таким образом, «причина этого роста лежит всецело в области психико-социальных, а не санитарных факторов»¹³.

4. Дезертирство в армии. Если с начала войны до Февральской революции общее число дезертиров составило 195.130 человек, то лишь за пять месяцев, прошедших после революции (до 1 августа 1917 года), из армии дезертировало свыше 150.000 человек. Таким образом, если до революции русскую армию в среднем в месяц оставляло 6.300 человек (для шести-миллионной армии показатель незначительный), то после революции — в пять раз больше (30.900 чел.). К концу же войны на три чина действующей армии приходилось не менее одного дезертира¹⁴.

5. И наконец, интегрированным показателем настроения солдатских масс Головин считал содержание

солдатских писем, по которому можно было дать общую картину изменения настроений в армии. Например, в феврале 1916 года «корреспонденция, посланная из армий Западного фронта, была распределена так: 2,15% — писем в угнетенном состоянии; 30,25% — писем бодрых; 67,60% — писем уравновешенных, но содержащих в себе спокойную веру в конечный успех Русской армии»¹⁵.

Разработка Головиным системы социальных показателей для анализа явлений войны не являлась для него умозрительной абстракцией: в ходе боевых действий на фронте им успешно применялись научные разработки. Так, например, находясь в должности начальника штаба 7-й армии в 1915 году, Головин завел в своем штабе специальные формуляры на каждую неприятельскую дивизию, действующую перед фронтом армии. Наряду с составом дивизии и происходящими в нем изменениями (в командном составе частей, в численности и т. д.) отмечалось, сколько и в каком бою данная дивизия потеряла пленными.

Даже эти фрагментарные данные, полученные русским ученым на основе социологического анализа событий первой мировой войны, позволяют взглянуть на русскую армию под определенным углом зрения, позволяющим за сухими цифрами количества войск и вооружений увидеть живого русского человека в перипетиях военной стихии, оценить его моральные качества. А также в какой-то степени найти ответ на вопрос, почему одно из сильнейших государств Антанты, понесшее огромные людские и материальные потери, не смогло занять по праву принадлежащего ей места среди победителей первой мировой войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Cru J. N. Essai d'analyse et de critique des souvenirs de combattants etudes en Francais de 1915 a 1928. Paris, 1929.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Николай Николаевич Головин родился 22 февраля 1875 года в Москве, в старинной дворянской семье генерала Николая Михайловича Головина (1836—1911) — участника обороны Севастополя в Крымскую войну. По окончании Пажеского корпуса в 1894 году поступает на службу в гвардейскую конно-артиллерийскую бригаду и после завершения учебы в Николаевской академии Генерального штаба продолжает служить в штабах 37-й и 2-й гвардейской пехотной дивизий, Варшавской крепости и штабе Петербургского военного округа.

С 1905 года занимает должность заведующего передвижением войск Петербургско-Двинского района. С 1905 по 1907 год является секретарем Общества ревнителей военных знаний.

В 1907 году Головин успешно защищает диссертацию по военной психологии, в которой обосновывается идея о приоритете «духовного фактора» в войне над всеми прочими. В феврале 1908 года он назнача-

2. Головин Н. Н. Наука о войне. О социологическом изучении войны. Париж, 1938. С. 95—96.

Примером подобного комплексного изучения войны могут служить фундаментальные теоретические работы американских социологов Питирима Сорокина и Куинси Райта, выполненные в конце 1930-х — начале 1940-х годов, а также проведение в действующей армии уже в годы второй мировой войны группой социологов под руководством С. А. Стоуффера по единой программе целой серии крупномасштабных социологических и социально-психологических исследований. Перечисленные научные изыскания американских ученых в значительной степени расширяют и дополняют исторические работы по проблемам мировых войн.

К сожалению, отечественная социологическая наука в силу более чем тридцатилетнего ее запрета до сих пор не располагает подобными исследованиями.

3. Golovin N. N. The Russian Army in the World War. A sociological study. New-Haven (Conn.), 1931; Головин Н. Н. Наука о войне. О социологическом изучении войны. Париж, 1938; Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. В 2-х томах. Париж, 1939.

4. Головин Н. Н. Мысли об устройстве будущей Российской вооруженной силы. Белград, 1925. С. 26—27.

5. Там же. С. 27.

6. Головин Н. Н. Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека как бойца. Диссертация на звание экстраординарного профессора Императорской Николаевской военной академии. СПб., 1907. С. 49.

7. Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. Т. 2. С. 181—182.

8. Головин Н. Н. Наука о войне. О социологическом изучении войны. С. 46.

9. Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. Т. 1. С. 161.

10. Там же. С. 160.

11. Там же. С. 163.

12. Головин Н. Н. «Красный» юбилей. //Парижский вестник. 1942. 8 ноября.

13. Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. Т. 2. С. 169.

14. Там же. Т. 2. С. 205, 208.

15. Там же. Т. 1. С. 158.

ется экстраординарным, а через год — ординарным профессором Императорской Николаевской военной академии.

Первую мировую войну Генерального штаба полковник Головин встретил командиром 2-го лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, успешно участвовал в боях в Галиции, получил ранение и тяжелую контузию, но остался в строю. За доблестное командование полком Головин был произведен в генерал-майоры, награжден четырьмя орденами и Георгиевским оружием.

В ноябре 1914 года Головин назначается генерал-квартирмейстером штаба 9-й армии, с октября 1915 года исполняет должность начальника штаба 7-й армии, а с апреля 1917-го является начальником штаба Группы армий в Румынии (Румынского фронта). В период нахождения на этих высших командных должностях генерал Головин руководил разработкой и непосредственно участвовал в осуществлении более чем

тридцати операций, в том числе в 1916 году, во время знаменитого Брусиловского наступления, произвел семь прорывов. Заслуги боевого генерала были отмечены еще четырьмя орденами (в том числе и орденом св. Георгия) и званием генерал-лейтенанта. В должности начальника штаба Румынского фронта генерал-лейтенант Головин завершает службу в российской армии и, пройдя горнилла гражданской войны, в 1920 году переезжает во Францию.

В истории русской эмиграции первой волны его имя прежде всего связывается с созданием Высших военно-научных курсов в Париже (1927—1939) и Белграде (1931—1944), функционировавших по программам Императорской Николаевской военной академии.

В эмиграции пишет целую серию работ по истории первой мировой войны.

Итогом многолетней работы явилась фундаментальная монография «Мысли об устройстве будущей Российской вооруженной силы», в которой Головин приходит к выводу о зависимости «духа войск» от причин социального и политического характера.

Помимо научных изысканий в области военных наук, парижский период жизни Головина (1920—1944) знаменуется его активным участием в жизни ведущих учебных и исследовательских учреждений Европы и США. Он преподает историю первой мировой войны во Французской военной академии (Ecole superieur de guerre), является профессором Русского историко-филологического факультета в Париже, с 1926 по 1940 год работает в качестве представителя в Париже Гугеровской военной библиотеки (ныне — The Hoover Institution on War, Revolution and Peace), в 1930—1931 годы посещает The Army War College в Вашингтоне и Стэнфордский университет (Калифорния), где читает цикл лекций по истории первой мировой войны, тесно сотрудничает с Harvard Committee for Research in the Social Sciences и лично с профессором П. А. Сорокиным, является ассоциированным членом Международного института социологии в Париже.

Ему же принадлежит инициатива создания при Белградских военно-научных курсах в 1936 году «русского военно-исторического института», а при Парижских — в 1938 году — «Института по исследованию проблем войны и мира». С 1936 года при белградском военно-научном институте начинает выходить журнал «Осведомитель», главным редактором которого также является Головин.

Во время второй мировой войны вошел в руководство Управления делами русских эмигрантов во Франции, которое работало под началом оккупационного командования и занималось, помимо регистрации русских эмигрантов, отправкой добровольцев на работу в Германию, а позднее — содействием в комплектовании власовской армии офицерами-эмигрантами.

Умер Головин 10 января 1944 года и похоронен на старом русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Одним из первых в мировой науке Головин предпринял попытку социологического анализа первой мировой войны.

Его публикации и монографии выходили на русском, английском, французском, немецком, испан-

ском, сербском и болгарском языках. Общее количество его книг превышает 30, а публикаций — свыше 100. Последней заметкой, написанной Н. Н. Головиным, можно считать «Ключ к победе» (опубликована в «Парижском вестнике» 15 января 1944 года, спустя шесть дней после смерти автора). В России после 1917 года были изданы лишь две работы Н. Н. Головина, и обе без ведома автора. Первая — «Служба генерального штаба. Разведывательная служба» — была издана в 1918 году по изъятой у него красноармейцами при обыске в Одессе рукописи. Вторая работа представляет собой вторую часть его совместной с адмиралом А. Бубновым книги: «Тихоокеанская проблема в XX-м столетии». Научное наследие русского военного ученого продолжает пребывать, по существу, в не востребовавшем состоянии.

БИБЛИОГРАФИЯ

Всего Н. Н. Головиным написано свыше 30 монографий и осуществлено более 100 публикаций на 8 языках. Основными работами, представляющими интерес с точки зрения военной социологии являются: Головин Н. Н. Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека как бойца. СПб., 1907; Он же. История военного искусства как наука. (Лекция, прочитанная в младшем классе Императорской Николаевской военной академии 8-го января 1908 года) //Сборник статей и лекций. СПб., 1913. С. 1—22; Он же. Естественный отбор и социальный подбор в общественной жизни. //Сборник статей и лекций. СПб., 1913. С. 23—61; Он же. Мысли об устройстве будущей Российской вооруженной силы. Белград, 1925; Golovin N. N. The Russian Army in the World War. New-Haven (Conn.), 1931; Он же. О социологическом изучении войны. //Осведомитель. Белград. 1937. № 4. С. 1—13; Он же. Российская контрреволюция в 1917—1918 гг. 5 томов в 12 книгах. Париж, 1937; Он же. Наука о войне. О социологическом изучении войны. Париж, 1938; Он же. Военные усилия России в Мировой войне. В 2-х томах. Париж, 1939.

В отечественных фондах наибольший интерес представляет материалы, связанные с деятельностью Н. Н. Головина в Николаевской военной академии (РГВИА: ф. 544 — «Николаевская академия Генерального штаба»), а также в эмиграции ГА РФ: (ф. 5826 — «Русский Общевоинский Союз»).

Личный архив Н. Н. Головина был передан его сыном Михаилом в 1947 году на хранение в библиотеку Гугеровского института (Hoover Institution on War, Revolution and Peace) и представляет собой обширное собрание рукописных и печатных материалов (18 Boxes: 7.5 linear feet). Диссертантом в ходе переписки с архивом данного института были получены и использованы в работе над диссертацией копии работ Н. Н. Головина: «Sociology of War [typescript]. Paris (195 p.); «Sociological Study of War» [typescript]. Paris, 1935 (14 p.), а также материалы его переписки с ведущими учеными и научными центрами США (копии более 50 копий писем) и др. документы.

ПРЕРВАНЫЙ ПОЛЕТ

РУССКАЯ АВИАЦИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

I. НАЧАЛО

В начале нашего века наконец-то осуществилась давнишняя мечта человека — полеты на аппаратах тяжелее воздуха. Первые полеты продолжались всего несколько минут, их дальность была крайне незначительна. Так, в 1906 году француз Сантос-Дюмон пролетел всего 220 метров, а знаменитые американцы братья Райт — и того меньше. Однако к началу нового десятилетия полеты Анри Фармана из Шалона в Реймс (27 км) и Луи Блерио через Ла-Манш заставили военные ведомства крупнейших стран Европы и США всерьез обратить внимание на авиацию. Во Франции в 1911 году было принято на вооружение 200 аэропланов, в Германии в том же году — 30.

Российские военные стратеги вначале скептически оценили новые летательные аппараты, предпочитая им ставшие привычными аэростаты. В 1910 году в императорской армии имелось семь самолетов, купленных казной у частных лиц, среди них всего один — русской постройки.

Боевой путь авиации начался в период итало-турецкой и двух балканских войн (1911—1913). В болгарской армии действовал русский добровольческий авиаотряд, выполнявший в основном разведывательные задания. Успехи русских летчиков на Балканах привели к тому, что при Главном инженерном управлении (ГИУ) Генерального штаба был создан специальный воздухоплавательный отдел, разработавший план создания отечественных ВВС. При каждом из 43 армейских корпусов создавался один авиаотряд в составе 18 самолетов: 6 машин — первой линии, 6 — запасных и 6 — в постройке (последние еще на заводе приписывались к определенному авиаотряду). Таким образом, в русской военной авиации предполагалось иметь 918 самолетов (из них 306 — первой линии). В 1912 году на развитие авиации было выделено 10 млн. золотых рублей.

К 1 августа 1914 года в строю находилось всего 244 самолета, которые распределялись между шестью ротами и 39 авиаотрядами¹. Германия имела на ту же дату 232 аэроплана в 34 отрядах, Франция — 138 в 25, Англия — 56 самолетов первой линии, Австро-Венгрия — около 30 машин. Учитывая, что державы германского блока сосредоточили большинство самолетов на Западном и Сербском фронтах, русские ВВС получили в начале войны численное преимущество над противником.

Значительная часть русских самолетов была пос-

троена на семи отечественных заводах². Однако военное министерство фактически устранилось от координации выпуска самолетов. В большинстве случаев выпускались аэропланы иностранных конструкций (в серийном производстве находилось 16 зарубежных моделей и лишь 12 отечественных). Иностранные фирмы отнюдь не спешили передавать русским свои новейшие технические разработки. К моменту, когда их все-таки продавали в Россию, они успевали уже порядком устареть. При этом изобретения талантливых русских конструкторов — Сикорского, Стенглау, Гакеля — так и не были запущены в серийное производство. Так же обстояло дело и с самыми современными на тот момент аппаратами для аэрофотосъемки систем С. А. Ульянина и В. Ф. Потте. Тот же Ульянов в 1914 году предложил военному министерству первый в мире проект аппарата для дистанционного управления самолетом, который прошел успешные испытания в военно-морском управлении. Не получив поддержки у отечественных бюрократов, талантливый русский инженер уехал в Лондон — только там он смог продолжить свои работы.

Недостаточное производство самолетов в России пытались возместить закупками за границей. Но и эта мера не принесла ожидаемого результата. Только летом 1916 года наконец-то были выделены средства для централизованных закупок. Поставки осуществлялись с большими перебоями, а после боев под Верденом, где союзная авиация понесла большие потери, вообще резко сократились. Очень часто поступающая продукция была низкого качества и требовала доработки на месте. Всего до 1 ноября 1916 года из-за границы было получено 883 самолета и 2326 двигателей³ (в самой России за всю войну выпустили только 511 авиадвигателей).

К началу войны на каждый самолет приходилось в среднем по два летчика. Всего было подготовлено около 300 пилотов; почти половина из них (133) обучалась в двух крупнейших школах — Гатчинской (с отделением в Варшаве) и Севастопольской⁴. При этом резерва обученных летчиков попросту не было, а Россия стала единственной из воюющих стран, не имевшей плана мобилизации гражданских летчиков. Большие потери среди авиаторов заставили главное командование принять решительные меры: все частные школы были подчинены военному ведомству, расширены Гатчинская и Севастопольская школы, организованы новые — в Феодосии и Тифлисе.

Но темпы обучения по-прежнему оставались низки-

ми. За 1915 год было подготовлено всего 190 летчиков. При ежегодной потребности около 1000 человек все российские школы могли обучить не более 500 авиаторов⁵. В 1916 году было заключено соглашение об обучении русских пилотов во Франции и Англии. Наиболее крупными были школы в Казо (здесь стажировался знаменитый ас Евграф Крутень) и в Сен-Максене близ Лиона, где в 1916 году находилось 58 русских, а также британская школа в Кройдоне. Все же вне России было подготовлено 250 пилотов. При этом далеко не все русские летчики возвращались домой. В 1916 году из русских были сформированы два самостоятельных авиаотряда, включенных в экспедиционный корпус маршала Франции д'Эспре, направленный на Салоникский фронт. Русские авиаторы находились в Греции до марта 1917 года, а затем были переброшены в Южную Сербию.

Российские ВВС вступили в войну, не имея четкого руководства. Уже известный нам воздухоплавательный отдел при ГИУ Генштаба, руководимый В. А. Семковским, просуществовал до 1916 года. Затем было создано Управление Военно-воздушного флота во главе с генерал-майором Н. В. Пневским, которое занималось в основном вопросами укомплектования и снабжения. Параллельно в Ставке Верховного Главнокомандующего создается Авиационная канцелярия (Авиаканц), возглавляемая сначала бароном фон Каульбарсом, а с конца 1915 года — великим князем Александром Михайловичем. Высшее руководство авиации не имело необходимых знаний и опыта — Каульбарс был кавалеристом, а его преемник получил весьма поверхностное военное образование. Очень показателен следующий пример: когда в 1913 году военный министр Сухомлинов прибыл на испытательный аэродром в Петербурге и узнал, что построенные самолеты должны испытываться в полете полтора часа, он приказал сократить испытательные полеты до 30 минут. Протесты летчиков и инженеров ни к чему не привели. Неудивительно, что в первый период войны основной процент потерь приходился на аварии: к 5 октября 1914 года авиаотряды 3, 5, 8 и 9-й армий из 99 самолетов 91 потеряли вследствие несчастных случаев⁶.

После Февральской революции положение несколько изменилось к лучшему. Начальником Авиаканцы стал военный летчик полковник В. М. Ткачев, было создано Полевое управление авиации и воздухоплавания, укомплектованное профессионалами. Но единоначалие по-прежнему отсутствовало — должности главнокомандующего ВВС не было (в Германии с 1916 года главнокомандующим был генерал фон Гепнер).

В России не было ни одного ремонтного завода — самолеты, нуждавшиеся в капитальном ремонте, отправлялись на место постройки, что в итоге сказывалось на выпуске новых машин. Мелкий ремонт выполняли на аэродромах, более сложный — в авиационных парках.

Очень медленно росло число самолетов на фронте. Если на день мобилизации русская авиация имела 244 машины, то на 1 июня 1916 года — всего 383, из них в строю 250, в ремонте 133. За все время войны количество самолетов, одновременно находящихся в строю, в среднем не превышало пятисот. До конца 1916 года на русских заводах было построено 1893

самолета, тогда как Германия в июне 1916 года имела в строю 1000 машин, в 1917-м в среднем за месяц одновременно в строю было 1500, а в 1918-м — 2500 машин. Согласно данным начальника Авиаканцы, в 1917 году русская авиация нуждалась в пополнении 3375 аппаратами, в том числе 1850 истребителями. Отсутствие единого руководства, относительная слабость промышленности и ремонтной базы, нехватка квалифицированных кадров сразу же поставили русскую авиацию в крайне тяжелое положение, из которого она не могла выйти в течение всей войны.

II. БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ РУССКОЙ АВИАЦИИ

Несмотря на объективные и искусственно создаваемые трудности, российские авиаторы воевали успешно. К лету 1916 года насчитывалось уже 135 авиаотрядов⁷. На 1 июня 1917 года действующая армия располагала 581 самолетом, в том числе: Северный фронт — 93, Западный — 125, Юго-Западный и Румынский — 259 и Кавказский — 104.

На протяжении всей войны главной задачей авиации была разведка и корректировка артогня. Первоначально воздушная разведка была малоэффективной из-за несовершенства конструкций аэропланов, что увеличивало риск посадки на неприятельской территории. Уже в августе 1914 года летчик А. А. Васильев и генерал А. К. Макаров, проводя воздушную разведку, были вынуждены приземлиться за линией фронта и попали в плен.

В первый период войны высшее командование весьма скептически относилось к воздушной разведке, предпочитая ей традиционные средства — например, армейскую конницу. Такая недооценка авиации не замедлила сказаться — во время боев в Восточной Пруссии (1914) командующий 2-й армией А. К. Самсонов пренебрег информацией своих летчиков, предупредивших о движении корпуса Макензена с правого фланга, — и потерпел жестокое поражение. Появление радиосвязи с землей и массовый выпуск фотоаппаратов систем С. А. Ульянина и В. Ф. Потте резко повысили результативность разведки. В 1916 году была произведена плановая съемка позиций противника на всем протяжении фронта. В Генеральном штабе создали специальную аэрофотограмметрическую лабораторию для дешифровки снимков. Воздушная разведка оказала огромную помощь при организации крупных ударов русских войск. Готовя прорыв Австрийского фронта в апреле 1916 года, А. А. Брусилов во всех приказах требовал массового привлечения авиации. Летчики сумели сфотографировать расположение всех австрийских частей — в результате русская армия за несколько часов подавила долговременные укрепления и огневые точки противника.

От разведки произошла и бомбардировка: отправляясь в полет, пилоты часто брали с собой бомбы, чтобы не только сфотографировать, но и разрушить объекты противника⁸. Первоначально эффективность бомбардировок была опять-таки низкой, однако она оказывала чрезвычайно сильное моральное воздействие. Не было специальных прицелов для бомбометания, отсутствовали бомбодержатели — соответственно, не существовало и бомбардировщиков как особого типа боевых самолетов. Помню бомб в русской

авиации использовались и так называемые «стрелы» конструкции В. Л. Слесарева — свинцовые пули (в четыре раза больше обычных) с жестяным стабилизатором, которые сбрасывали на противника, вручную опрокидывая фанерный ящик. «Стрелы» были особо эффективны против кавалерии.

Россия была единственной страной, имевшей в начале войны бомбардировочную авиацию дальнего действия — воздушные корабли «Илья Муромец». Но военное ведомство фактически устранилось от всех дел, связанных с «Муромцами». Все функции выполняла специальная лаборатория при Русско-Балтийском заводе во главе с И. И. Сикорским. В октябре 1914 года «Муромцев» объединили в Эскадру воздушных кораблей под командованием генерал-майора Шидловского, которая базировалась в деревне Старая Яблонна в полосе Северо-Западного фронта. Каждый самолет имел на вооружении 2 пулемета и 1 карабин с 360 патронами и 500 кг бомб. Экипаж самолета насчитывал 3 человека — командир, второй пилот и офицер-наблюдатель.

Воздушные корабли были весьма уязвимы от огня истребителей и наземных средств. Поэтому в разработанных в 1916 году «Первоначальных указаниях по организации и выполнению групповых полетов» «Муромцам» предоставляли только особо важные цели; для полетов создавались специальные звенья из 2—4 машин; без прикрытия истребителей вылетать запрещалось. В 1917 году насчитывалось уже 5 дивизионов «Муромцев» общим числом 38 машин, которые непосредственно подчинялись штабу Верховного Главнокомандующего. Личный состав эскадры составляли 1350 человек. Она располагала своей метеостанцией, ремонтными мастерскими, фотолабораторией, гаражом и парком, а также зенитной батареей. Эскадра Шидловского успела повоевать на всех фронтах — из Старой Яблонны она была передислоцирована в Белосток, оттуда в Лиду, Псков, Винницу и везде получала только положительные отклики.

В первую мировую войну основными целями бомбометания были прежде всего крепости и долговременные укрепленные районы, в меньшей степени — бытовые объекты: транспортные узлы, склады, аэродромы. В 1915 году при подготовке штурма Перемышля «Муромцы» сбросили на крепость 200 тяжелых бомб, а в 1917 году русским удалось разорвать базу немецких гидросамолетов на озере Ангерн близ Риги. Прямыми попаданиями были уничтожены склады, ангары и несколько аэропланов (остальные покинули базу и никогда более туда не возвращались).

Бомбардировка передовых позиций противника, а также тесное взаимодействие с наземными войсками в первую мировую войну большого развития не получили.

В течение войны на первый план постепенно выдвинулась необходимость бороться с самолетами противника. Так возникла истребительная авиация. Официально появление русских истребителей можно связать с докладом на имя начальника штаба Верховного Главнокомандующего, в котором говорилось: «Появление на нашем фронте быстроходных и сильно вооруженных неприятельских истребителей вызвало необходимость формирования и у нас отрядов истребителей, задачей которых явилось бы: 1 — защита менее

быстроходных и сильно вооруженных аппаратов во время исполнения последними их задач; 2 — недопущение аппаратов противника к разведке важных в военном отношении пунктов и районов; 3 — преследование неприятельских аппаратов с целью их уничтожения». Однако вначале на аэропланах не было встроенного бортового оружия; рекомендовалось, «заметив самолет противника, полететь к нему навстречу и, пролетая над ним, сбросить на него снаряд сверху». «Снарядом» при этом могли служить дроты, гири или просто бруски металла, которыми старались повредить самолет или убить летчика. Предлагалось также «искусным маневром вблизи летящего самолета образовать воздушные вихри, грозящие ему катастрофой». В первых воздушных боях активно использовались тараны. При этом летчики обычно старались колесами собственной машины поломать фюзеляж или крылья самолета противника. В среде летчиков таран долгое время так и именовался — «битие колесами сверху». Именно таким способом совершил свой известнейший таран П. Н. Нестеров, к сожалению ставший для него последним. Практиковалось принуждение противника к посадке. При этом старались либо загнать его слишком высоко, чтобы у него замерз двигатель, либо, наоборот, прижать противника к земле, чтобы лишить его возможности маневрировать. На самолет противника пытались набросить аркан или «кошку» с целью остановить работу пропеллера. Иногда к «кошке» прикрепляли дымовые или динамитные шашки¹⁰.

Затем летчиков стали вооружать пистолетами и карабинами — основной задачей истребителя стало удачно подлететь к противнику и застрелить его. Вследствие подобных приемов воздушный бой распался на ряд коротких индивидуальных схваток. Затем наконец-то додумались установить на летательных аппаратах пулеметы. Строго говоря, идея принадлежала русским. Еще в 1913 году, проанализировав результаты маневров войсковой авиации Киевского военного округа, пилоты Владимир Гартман и Петр Нестеров настоятельно указывали на необходимость вооружения аэропланов пулеметами. В 1915 году французский летчик Ролан Гарро впервые установил на своем истребителе пулемет и стал одерживать победу за победой. Пулемет Гарро имел приспособление, позволявшее стрелять через винт (синхронизатор).

Через некоторое время французы поделились своим открытием с союзниками. Вскоре о синхронизаторе узнали и немцы. Для этого им понадобилось сбить Гарро и взять его в плен. Немцы перевезли летчика и остатки его самолета в Берлин, где приспособление Гарро вызвало настоящую сенсацию. Был срочно вызван работавший на немцев голландский конструктор Луи Фоккер, которому поручили соединить синхронизатор с пехотным пулеметом «Парабеллум». Фоккер быстро справился с заданием: уже в июне—июле 1915 года самолеты с его изобретением запустили в массовое производство. К 1916 году авиация всех воюющих стран имела истребители со встроенным бортовым оружием.

Русская авиация фактически прекратила свое существование вместе со «старой» армией в конце 1917—начале 1918 года. Значительная часть имущества ави-

ации досталась немцам в ходе наступления на восток накануне Брестского мира. Немало летчиков вместе со своими аэропланами перешли на сторону белых. Однако советской власти удалось сохранить костяк российского воздушного флота. Все сохранившиеся к тому времени заводы перешли в ведение ВСНХ. В Петрограде был создан первый всероссийский авиасовет, основной задачей которого стал сбор уцелевшего имущества. В Москве подобные функции выполнял Военно-революционный комитет по авиации МВО. Под эгидой советского правительства была создана всероссийская коллегия по управлению военно-воздушным флотом, которая за короткое время смогла воссоздать боеспособные летные части. К концу 1919 года советские ВВС включали в себя 65 авиатрядов, дивизион тяжелых самолетов «Илья Муромец», 20 воздухоплавательных отрядов, 20 гидроотрядов, 16 поездов и мастерских, 10 авиашкол¹¹. Эти силы и стали основой для Красного Воздушного Флота.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. 1 гвардейский, 1 гренадерский, 3 полевых, 25 корпусных, 3 сибирских, 8 крепостных и 1 добровольческий авиаотряд (сформированный Всероссийским аэроklubом и переименованный впоследствии в 34-й корпусной). По штату корпусной авиаотряд состоял из шести разведчиков, двух истребителей и двух самолетов — корректировщиков артогня (артиллерийских самолетов). Гвардейский, гренадерский и три сибирских отряда ничем не отличались от корпусных. Основной задачей корпусного отряда была разведка и корректировка огня артиллерии в полосе действия пехотного корпуса.
2. Русско-Балтийский завод в Риге с филиалом в Петрограде; завод С. С. Щетинина, акционерное общество В. А. Лебедева (оба — Петроград); акционерные общества «Дукс» и «Москва» (Москва); завод А. А. Анатра (Одесса); завод В. В. Слюсаренко. В ходе войны в строй вступило еще пять заводов: Ф. Р. Терещенко, В. Ф. Адаменко, «Безобразов и К», А. А. Пороховщикова и «Маттиас».
3. Из них во Франции закуплено 65% самолетов и 90% моторов, в Англии — по 10%, в Италии — 25% самолетов.
4. В 1913—1915 годах были дополнительно организованы авиашколы: в Москве (на базе Московского общества воздухоплавания), в Одессе (на средства банкира А. А. Анатра), в Петрограде (при Всероссийском аэроklubе; позднее объединена с Гатчинской) и Киевская школа наблюдателей.
5. Например, в 1917 году 494 офицера и 540 нижних чинов. (РГВИА. Ф. 2008. Оп. 7. Д. 43. Л. 212).
6. РГВИА. Ф. 453. Оп. 3. Д. 2067. Л. 83.
7. Из них три подчинялись непосредственно УВВФ, 4 были крепостными (базировались в Одессе, Петрограде, Кронштадте и Ревеле). На сухопутных театрах войны находилось 84 авиаотряда: 44 корпусных, 4 артиллерийских, 12 армейских и 24 истребительных. Армейские отряды выполняли примерно те же задачи, что и корпусные (только в масштабах армии). Они состояли из 6 разведчиков и 2 истребителей любых типов, базировались в тылу армий и занимались в основном дальней разведкой. Артиллерийские отряды были созданы уже в ходе войны, когда позиционный характер боев предопределил необходимость более точной корректировки артогня. Ранее применявшиеся для этой цели аэростаты стали слишком уязвимыми — противник попросту расстреливал их из пулеметов и орудий. На 20 июля 1917 года числилось три действующих и один формирующийся артиллерийский отряд. По штату в каждом из них полагалось по 22 самолета. Истребительные отряды образовывали 4 авиагруппы, где насчитывалось 196 машин (плюс 81 истребитель для прикрытия разведчиков). Из 6—8 отрядов разного назначения формировались авиадивизионы (РГВИА. Ф. 298. Кор. 160. Д. 18018. Л. 4—5).
8. На вооружении авиации состояли бомбы 4, 6, 10, 16, 32 кг — для истребителей и разведчиков; в 1915 году появились бомбы 48, 80, 160, 240 и 400 кг для самолетов типа «Илья Муромец».
9. РГВИА. Ф. 2008. Оп. 2. Д. 425. Л. 96.
10. См.: Радкевич А. Авиационные войска. СПб., 1913; Григорьев В. Тактика воздушного летания. СПб., 1913; Биржевые ведомости. 1915. 20 февраля.
11. См.: Дузь П. Д. История воздухоплавания и авиации в России. М., 1989.

КРАСКИ ВОЙНЫ

САМОЛЕТЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

Вверху на развороте — «Илья Муромец», «Киевский» тип Г-1. Эта машина с экипажем под командованием штабс-капитана И. С. Башко сражалась в сентябре 1916 года на Западном фронте. Самолетом «Илья Муромец» было оснащено первое в мире бомбардировочное соединение. Создан в России.

Левая половина разворота (сверху вниз):

Средний бомбардировщик «Гота» Г IV (1916) был первым самолетом, совершившим дневной налет на Англию 25 мая 1917 года. Изображен вариант, изготовлявшийся германской фирмой «Люфт Феркс Гезельшафт» для Австро-Венгрии. Ниже — «Альбатрос» Д III (серия 53) на котором летал Годвин Брумковский (1889—1936) — лучший австро-венгерский ас (40 побед).

Первый снизу — «Фоккер» Е I одного из первых немецких асов Макса Иммельмана (1890—1916). Одним из первых в мире он отработал тактику ведения воздушного боя. Именем Иммельмана, сбитого легком 1916 года, была названа в 1930-х годах 163-я эскадра Люфтваффе.

Правая половина разворота: самолет «Ньюпор-17» русского летчика Е. Н. Крутеня, воевавшего во Франции и одержавшего 16 побед. Ниже — «Спад-13» Эдварда Риккенбекера, лучшего американского аса первой мировой войны (1890—1973), одержавшего 26 побед — все в 1918 году. Ниже изображен первый британский легкий бомбардировщик «РАФ Бе-2е».

Внизу — истребитель «РАФ СЕ — 5а», на котором летал английский ас Джеймс Т. Б. Мак-Каден (1895—1918), в течение 20 месяцев войны одержавший 75 побед. Погиб в звании майора 9 июля 1918 года из-за остановки двигателя во время взлета. Дважды в своей боевой практике он сбивал по 4 самолета в день.

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ВЕДУЩИХ ДЕРЖАВ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914—1918)¹

№ п/п	Гос. структуры: 1. Империи, владения: 2. Метрополиты:	Численность вооруженных сил:			В запасе ³ :		
		Всего: (млн.)	В %:	на 1 тыс. жителей:	Всего: (млн.)	В %:	на 1 тыс. жителей:
1.	1. Австро-Венгер. империя	0,4	6,6	7,6	3,0	11,1	57
	2. Австрия и Венгрия	0,2	3,3	12,4	1,4	5,1	87
2.	1. Британская империя	0,4	6,6	0,9	1,2	4,4	3
	2. Великобритания	0,2	3,3	4,4	1,2	4,4	27
3.	1. Германская империя	0,8	13,3	10,0	4,9	18,1	61
	2. Германия	0,7	11,6	10,7	4,9	18,5	75
4.	1. Итальянские владения	0,5	8,3	11,9	1,0	3,7	24
	2. Италия	0,4	6,6	11,4	1,0	3,7	28
5.	1. Российская империя	1,4	23,3	7,5	5,6	20,7	30
	2. Европейская Россия	1,1	18,3	8,0	5,0	18,5	36
6.	1. Владения США	0,2	3,3	1,8	0,3	1,1	3
	2. США	0,2	3,3	2,0	0,3	1,1	3
7.	1. Французские владения	0,8	13,3	10,1	5,0	18,5	63
	2. Франция	0,7	11,6	17,5	4,0	14,8	107
8.	1. Японская империя	0,3	5,0	4,0	1,0	3,7	14
	2. Япония	0,2	3,5	3,8	1,0	3,7	19
9.	1. Всего: —империи	4,8	80,0	4,5	22,0	81,4	21
	2. — метрополиты	3,7	61,6	7,6	19,8	73,3	40
10.	Мир в целом:	6,0	100,0	3,2	27,0	100,0	15

№ п/п	Прямые военные расходы ¹ :					Вооружение ⁴ :				
	Всего: млн. руб.	%:	На одного жителя: (руб.):	На одного солдата: (руб.):	Индекс:	Арт. орудий: тыс. штук:	%:	Пулеметов: тыс. штук:	%:	
1.	Австро-Венгрия	265	5,3	5,0	662	0,8	4,0	11,4	2,0	5,7
2.	Британская империя	729	14,5	1,7	1822	2,2	2,0	5,7	2,0	5,7
3.	Германская империя	925	18,5	11,5	1156	1,2	7,5	21,4	12,0	34,2
4.	Италия и колонии	283	5,7	6,7	566	0,7	2,0	5,7	1,0	2,8
5.	Российская империя	826	16,5	4,5	590	0,7	7,9	22,5	4,1	11,7
6.	США и колонии	570	11,4	5,2	2850	3,4	1,0	2,8	1,5	4,3
7.	Франция и колонии	568	11,4	7,1	710	0,9	4,8	13,7	5,0	14,2
8.	Японская империя	117	2,3	1,6	390	0,5	2,0	5,7	4,0	11,4
9.	Всего: империи	4283	85,6	4,0	892	1,1	31,2	89,1	31,6	90,1
10.	Мир в целом	5000	100,0	2,7	833	1,0	35,0	100,0	35,0	100,0

№ п/п	Снарядов:		Патронов:		Аэропланов:		Автомобилей:		Военный флот ⁵ :		Винтовок:	
	млн. штук	%:	млрд. штук	%:	штук:	%:	тыс. штук	%:	млн. рег. т:	%:	млн. штук:	%:
1.	Австро-Венгрия	3,0	7,5	0,3	3,0	65	4,3	1,8	10,0	0,3	4,0	1,5
2.	Британская империя	7,0	17,5	0,8	8,0	272	18,1	1,2	6,6	1,9	25,0	0,8
3.	Германская империя	10,0	25,0	1,0	10,0	300	20,0	5,0	27,7	1,5	20,0	5,0
4.	Италия и колонии	3,3	8,3	0,5	5,0	143	9,5	2,0	11,1	0,4	15,3	2,5
5.	Российская империя	6,0	15,0	2,8	28,0	150	10,0	—	—	0,4	5,7	5,0
6.	США и колонии	1,0	2,5	0,5	5,0	—	—	—	—	0,9	12,0	0,5
7.	Франция и колонии	6,0	15,0	1,3	13,0	560	37,3	8,0	44,4	0,5	6,6	3,4
8.	Японская империя	2,0	5,0	0,5	5,0	—	—	—	—	0,3	4,0	1,5
9.	Всего: империи	38,3	95,7	7,7	77,0	1490	99,9	18,0	100,0	6,2	82,6	20,2
10.	Мир в целом	40,0	100,0	10,0	100,0	1500	100,0	18,0	100,0	7,5	100,0	25,0

Примечания: 1. Погрешность исчисления ±10,0%. 2. Включая военнообученных, состоящих на воинском учете. 3. Без учета скрытых статей финансирования. 4. Всех систем. 5. Только боевые корабли водоизмещением свыше 300 рег. т, без вспомогательного флота и резерва

Таблицу составил
кандидат исторических наук
АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВ

«КАВАЛЕРИСТ-ДЕВИЦА» ИЗ ЧЕКА

Стрелки заступа женского батальона.

Пальшина Антонина Тихоновна (1897—1992) была, пожалуй, единственным участником «позорной, империалистической войны», широко известным в СССР. Уроженка деревни Шевырялово Сарапульского уезда Вятской губернии. Из крестьян. Образование — три класса. Землячка известной Надежды Дуровой. С 1914 года воевала под видом мужчины. Георгиевский кавалер, младший унтер-офицер. Вероятно, участие в «империалистической» войне вызывало у нее чувство вины, поскольку она всячески подчеркивала лишь свои заслуги в борьбе за советскую власть — работу в большевистском подполье, исполкоме, ЧК. Работала на скромных должностях машинистки, медсестры. О ней были созданы книги, полотна художников, фильмы. Однако достоверно ее судьба отражается в неопубликованных документах, хранящихся в фондах Музея истории и культуры Среднего Прикамья (Сарапул). Орфография источников сохранена.

I. АВТОБИОГРАФИЯ

Я Пальшина Антонина Тихоновна, рожденная 1897 г. 8/1. Родители мои были бедные крестьяне села Шевырялово Сарапульского района, Удм. А.С.С.Р. Они умерли в раннем моем детстве. Училась в 3-х классной сельской школе, в 10 лет ее окончила с отличием. После чего сестра моя, взяла жить к себе в город и отдала сначала к сапожнику, а так как он ничего не платил за работу, то стала учить портновскому делу — и вскоре я стала неплохой швеей. Мы жили на сарапульских купцов Бера и Ушеренко. В 1913-м году тайком от сестры и зятя уехала с первым пароходом в город Баку. Где устроилась на работу в булочную. Когда в 1914-м году в августе м-це началась первая империалистическая война, в сентябре этого же года ушла добровольцем на турецкий фронт под видом добровольца Антона Пальшина, вступила во 2-й Кавказский Кавалерийский полк 9-ю сотню. Где была зачислена на все виды довольствия. После надлежащей подготовки не однократно принимала участие в

сражениях и атаках. Но неудача скоро меня спутствовала в одной из атак конь был ранен и я сильно разбилась, было побито лицо и коленный сустав где и была отправлена в военный лазарет в город Карс. По выздоровлении секрет был открыт, что я не доброволец Антошка, а девушка Антония, я больше не хотела отправиться в эту часть, а решила перебраться на Австрийский фронт но тут на станции заподозрен был сразу же меня жандарм схватил решил что я шпионка... По прибытии в Сарапул, поступила на краткосрочные курсы сестер милосердия военного времени, а по окончании в апреле 1915 года (окончила) Когда пошли первые пароходы нас 4-х сестер по личной просьбе направили на юго-западный фронт в город Львов... Работала сутками сутки на работе сутки на отдых раненых поступило очень много канонада была слышна отчетливо, мне казалось что мало я помогаю фронту что здесь может всякий работать, тем более у нас в отряде было много сестер привилегированного класса. Княгини, графини, баронессы и т. далее то одна то другая просят по дежурить за меня, что дескать скучно, что надоело все и все, что хочется встряхнуться, а мне не как не хотелось дежурить за этих баронесс и княгинь. Все тянуло меня не знаю почему к передовой линии где идут бои бьет артиллерия где рвутся снаряды истекают кровью солдаты, больше я вокруг себя ничего не видела. Не удержимо тянуло на передовую линию чтобы быть вместе с солдатами вместе в боях и окопах. Случай такой скоро представился. Умер один молодой солдат в мое дежурство и я воспользовалась его обмундированием снова постриглась и в следующую ночь была свободна от дежурства ушла в сторону линии фронта шла около полутора суток время было летнее... вскоре достигла обоза второго разряда куда и пристала... бывала в разведке за языком в тыл противника, с донесением в штаб полка в сторожевое охранение... была 2 раза ранена и один раз контужена. За боевые заслуги награждалась 4 раза... а Георгиевский крест 3-й степени приколол сам Генерал Брусилов в прифронтовом госпитале и велел отдать приказ по полку произвести в младшие унтер-офицеры. Но в часть я больше уже не вернулась. Февральская революция застала меня в городе Киеве где лежала я после 2-го ранения...

Осенью 1917 года вернулась домой в Сарапул вскоре встретилась с И. С. Седельниковым*... 6 января выехала из Сарапула 9-го января уже была принята на работу в г. Сычевке в Исполнительный комитет... машинисткой. Позднее была переведена на работу в ЧК... зарегистрировалась в браке с Фроловым Григорием Григорьевичем... муж получил назначение в 4-ю кавалерийскую дивизию политкомиссаром Армии С. М. Буденного... После того как Врангель был разбит я снова вернулась для работы в ЧК. Демобилизовалась в 1923 году и до 1927 года не работала. В 1927 году мне была сделана операция по поводу болезни печени... Во время моей болезни муж мой Фролов

* Седельников И. С. — руководитель сарапульских коммунистов. Погиб в 1918 году в боях с ижевскими рабочими, восставшими против большевиков.

Григорий Григорьевич оставил меня больную некому не нужную. Все это я очень тяжело пережила стала нервная рассеянная веселье оставило меня навсегда. В 1932-м году снова вступила в брак с рабочим Придатко Георгием Сидоровичем... застала нас Великая Отечественная война. Вскоре мы с мужем подали заявление об отправке нас на фронт но счастье выпало взять в руки оружие только моему мужу, а мне ввиду болезни и операции было отказано о вступлении в ряды нашей Рабоче-крестьянской Красной Армии горестно мне было оставаться в тылу только сознание удерживало о том что я больна. Но как могла помогала фронту вносила облигации... работала в колхозе Красный Путиловец на разных полевых работах, а также на лесозаготовках за Камой все хотелось что бы как можно скорей закончить эту жестокою опустошительную войну. В 1945 году получила похоронную на мужа... Часто приходилось в последнее время бывать в Подмосковьи где выпало счастье большое для меня простой крестьянской девочки «Антошки» добровольца встретить наших дорогих и всеми уважаемых космонавтов. Юрия Алексеевича Гагарина, Титова Германа Степановича, Попович Павла Романовича, Николаева Андрияна Григорьевича, Терешкову-Николаеву Валентину Владимировну и Быковскую Валерия Федоровича. Большую радость испытала я при встрече с ними... Вообще в жизни радость и счастье я часто испытываю. Самое большое счастье которое испытала когда была принята в Родную Коммунистическую Партию в 1964 г. ...хочется сказать во все услышанье спасибо тебе моя родная Партия за все хорошее за счастье простой крестьянской сироты...

А. Т. Придатко (урожд. Пальшина)
2.3.67 г. г. Сарапул.

Статья в «Прикамской жизни», 7 февраля 1915 года *Сарапульская девушка доброволец*
Среди русских женщин-героев имя Александры(?) Дуровой занимает одно из славных мест. В эту войну тоже явились сарапульские женщины, перед храбростью которых приходится преклоняться. 6 фев. в Сарапул доставлен brave солдат в шинели, сапогах, фуражке, с бритой головой, на вид юный, отважный доброволец. Между тем это девушка кр. подгородной деревни Шевыряловой Пальшина... продав шубу, шляпу, золотые кольца, девушка покупает лошадь и под видом добровольца поступает в кавалерийский разезд... В лазарете наконец раскрывается, что юный кавалерист — женщина... при воспоминании о своей срезанной косе, солдат-девушка заплакала.

Приказ о награждении Антона Пальшина Георгиевским крестом
Не подлежит оглашению.
Приказ по армии № 861

12 ноября 1915 года.

На основании ВЫСОЧАЙШЕ предоставленной мне власти, нижеподписанных нижних чинов за проявленные ими подвиги мужества и храбрости в бою с неприятелем награждаю Георгиевскими Крестами и медалями...

1. Рядов. Иосиф ГЛУЩЕНКО, он же Евдокия Карповна ЧЕРНЯВСКАЯ.

2 сент. 1915 г. у м. Деражно, будучи разведчиком, с явной личной опасностью проникнув в расположение неприятеля, доставила ценные сведения о его расположении...

151. Антон Тихонов ПАЛЬШИН (он же Антонина Тихоновна ПАЛЬШИНА).

За проявленные в сентябрьских боях подвиги и храбрости...

ПОДПИСАЛ: Командующий армией

Генерал-Адъютант

Брусилов

СКРЕПИЛ: И. д. Начальника штаба

Генерал-майор

Сухомилин

РГВИА. Ф. 2134. Оп. 2. Д. 323. Л. 287—290.

О защите доброго имени кавалерист-девицы Пальшиной А. Т. от клеветы, поступившей на нее в ЦК КПСС

Первому секретарю Сарапульского горкома КПСС тов. Гнускину Н. И.

Копия для освещения: Удмуртский обком КПСС

Прошу обратить Ваше внимание на положение Придатко-Пальшиной Антонины Тихоновны, рожд. 1897 г., члена КПСС с 1964 г., ветерана первой мировой войны, награжденной двумя Георгиевскими крестами и двумя Георгиевскими медалями за перевязку раненых на передовых позициях и проявленный героизм, бывшего сотрудника Сычевского полка в 1918 г., сотрудника Черноморской ЧК в 1920 г., жены руководящего работника ЧК, комиссара 4-й кавдивизии Конной армии Буденного в гражданскую войну Г. Г. Фролова, участницы гражданской войны, вдовы активного участника Отечественной войны Г. С. Придатко, погибшего на фронте в 1943 году, инициатора сбора теплых вещей и помощи фронту в Отечественную войну, пенсионерки с двадцатилетним стажем (гор. Сарапул, ул. Гагарина, 30, комната 33)...

По многочисленным выступлениям союзной печати о Пальшиной общезвестно, что она повторила подвиг Надежды Дуровой, своей землячки, если не перевершила его, является национальной героиней, второй русской женщиной, выступившей в войнах под мужским именем. На необычной, героической биографии Пальшиной будет воспитываться не одно поколение.

Казалось бы, что А. Т. Пальшина более чем заслужила должное внимание, спокойную, счастливую старость... Но...

Так и не решился вопрос назначения Пальшиной пенсии — персональной пенсии местного значения.

В 1969 г. потребовалось вмешательство В. К. Марисова*, чтобы Пальшиной выделили жилье. Выделили комнату в общежитии, через тонкую перегородку общий туалет, кухня про всех, холодно — до 12 градусов в эту зиму, крутая, не для возраста, лестница на второй этаж... Сготовить, постирать, помыть-

* Марисов В. К. — первый секретарь Удмуртского обкома КПСС, в прошлом работник КГБ.

ся — все в своей комнатке... Никому-то теперь нет дела до Пальшиной...

Более чем странно, что до сих пор отношение к Пальшиной определяется не ее действительными заслугами перед своим народом, Родиной, а известным пасквилом, состряпанным по инициативе Бузилова Т. А.*, подписанным группой старых коммунистов, персональных пенсионеров Сарапула, обратившихся с этим подлым документом в ЦК: «Пальшина — самозванка, не было никаких крестов, ни медалей, ни ЧК!» Ни один из этих «12 апостолов» в годы мировой и гражданской войн Пальшину не знал, ни один не располагал компрометирующим ее документом, и ни один не понес наказание за клевету, за оскорбление личности...

Позавидовали доброй славе Пальшиной... Судить бы этих людей, а не прислушиваться к их сплетням.

В 1975 г. я был вынужден обратиться с соответствующим письмом в Удмуртский обком КПСС на предмет разрешения на публикацию повести о Пальшиной, над которой работаю. Вопрос решился положительно. Биография Пальшиной подтверждается убедительными документами, имя ее полностью реабилитировано.

Не пора ли отказаться от претензий в отношении Пальшиной и изыскать возможность дожить ей более счастливо свой век? — Выделить ей, например, однокомнатную квартиру — с ванной, горячей водой...

19.2.—76 г.

С уважением В. Бобылев**.

Стихотворный подарок А. Т. Пальшиной XXIV съезду КПСС

Народ и партия едины!
В лучах предутренней зари,
в сиянии солнечного дня
цветут цветы для Ильича.
На тех цветах звезда пятиконечная
Горит, а в той звезде ее Мерцания
Святая книга Мудрая лежит.
И в книге той своей рукою
Великий Ленин Вождь Родной,
Нам начертал слова такие
народ и Партия Едины!
Нам дружба в том великая дана
Чтоб коммунизм построить на Века!

В Краеведческий музей
г. Сарапул.

Посвящая свой скромный труд XXIV съезду Коммунистической Партии Советского Союза.

пенсионерка Придатко А. Т. (Пальшина)

17 марта 1971 г. г. Сарапул Удм. АССР.

Предисловие и публикация
ИГОРЯ КОБЗЕВА

* Бузилов Т. А. — прежний директор Сарапульского краеведческого музея.

** Бобылев В. В. — член Союза кинематографистов СССР.

«МОЙ БАТАЛЬОН НЕ ОСТРАМИТ РОССИИ...»

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ ДОПРОСА МАРИИ БОЧКАРЕВОЙ

1. Командир женского добровольческого ударного батальона смерти.

2. Начальница женского добровольческого санитарного отряда армии Колчака.

3. Организатор женского добровольческого санитарного отряда армии Колчака.

Допрос производил военный следователь особого отдела В.Ч.К. при 5-й армии Поболотин.

Город Красноярск, 5.4.1920 г.

[...] Мои родители бедные крестьяне хлебопашеством не занимаются уже как двадцать лет и живут в горде Томске по Горшковскому переулку № 20, отцу моему 70 лет слишком, а матери 69 лет.

На войну в 1914 году я пошла из чувства патриотизма и желала умереть за родину. В Томске в 1914 году в октябре месяце я подала на имя Николая 2-го телеграмму о своем желании поступить на военную службу.[...] Царь разрешил. И меня зачислили нижним чином в 25-й Томский запасной батальон. В этом батальоне я прошла военную науку и стрельбу и через два с половиной месяца была отправлена с маршевой ротой на фронт под Молодечно. По прибытии на фронт маршевая рота была прикомандирована к 5-му армейскому корпусу к 7-ой дивизии к 28-му Полоцкому полку. За все время моего пребывания на фронте в этом полку я была четыре раза ранена [...] получила все четыре степени Георгиевских крестов. 1917 года мая 1-го дня я на фронте встретила Родзянко и при разговоре с ним командир Полоцкого полка сообщил Родзянке, что в полку имеется женщина-доброволец, которая находится на фронте с начала войны, своим мужеством и храбростью показывает пример мушкетерам, и награждена 4-мя степенями Георгиевских крестов. Родзянко пожелал меня видеть лично, я подошла к нему и он меня поцеловал и приказал сшить для меня новое обмундирование и отправить меня в Петроград. [...] По приезде в Петроград я в Товрическом дворце сделала членом Временного правительства доклад. В докладе я говорила что солдаты не слушаются начальства и братаются с немцами. Мне сказал Родзянко а чем бы помочь чтобы поднять дух солдат. Я ему предложила сформировать добровольческий женский батальон. Мне на это сказали, что моя идея великолепная, но нужно доложить Верховному Главнокомандующему Брусилову и посоветоваться с ним. Я вместе с Родзянкой поехала в Ставку Брусилова.[...] Брусилов в кабинете мне говорил, что надеетесь ли вы на женщин и что формирование женского батальона является 1-м в мире. Не могут ли женщины

На всю Россию прогремело в 1917 году имя Марии Бочкаревой, создательницы и командира 1-го женского добровольческого ударного батальона смерти, полного Георгиевского кавалера. Дальнейшая судьба героини известна лишь фрагментарно и основана большей частью на «неподтвержденных данных». Существуют легенды о ее встречах с Лениным и Троцким, о ее расстреле в октябре 1919 года Витебским ЧК. Сегодня читатели «Родины» имеют возможность ознакомиться с уникальными документами, проясняющими реальные подробности биографии Бочкаревой. Весной 1920 года на нее завели дело в Особом отделе ВЧК при 5-й армии в Омске. Вскоре последовал смертный приговор. Однако в заключении прокуратуры Омской области о реабилитации Бочкаревой (1992 год) «нет документов о приведении постановления в исполнение». Впрочем, сотрудники товарища Павлуновского вполне могли обойтись и без канцелярских уверток...

Мария Бочкарева.

осрамить Россию? Я Брусилову сказала, что я и сама в женщинах не уверена, но если вы дадите мне полное полномочие, то я ручаюсь, что мой батальон не острамит России но только чтобы не было комитетов. Брусилов мне сказал, что он мне верит и будет всячески стараться помогать в деле формирования женского добровольческого батальона и я обратно вернулась с Родзянкой в Петроград. На второй день по приезде я была в Зимнем дворце представлена Керенскому, была приглашена на обед. Керенский за обедом меня приветствовал и сказал мне что он разрешает мне формировать женский батальон смерти моей фамилии т.е. добровольческий женский батальон смерти Бочкаревой. 22 мая 1917 года в Петрограде в Малом Марининском театре я выступила с устной агитацией с призывом к женщинам с тем, чтобы они вступали в батальон моего имени. В св[о]ем призыве я говорила к женщинам, что солдаты в эту великую войну устали и что им нужно помочь [...] нравственно. При этом я записала

две тысячи женщин-добровольцев. Мне дали казарму на Торговой улице в Петрограде. Выдали обмундирование и вооружение, дали инструкторов и я приступила к обучению своего батальона. В этот период я откомандировала от себя 1500 женщин за их легкое поведение и они в Инженерном замке образовали из себя самостоятельный Ударный батальон и создали Всероссийский съезд женщин. А я с пятьюстами женщинами осталась формироваться. 27 июня 1917 года я присутствовала при освящении знамени моего батальона в Исаковском соборе. Генерал Корнилов в присутствии Керенского и других членов Временного правительства вручил мне знамя и произвел меня в прапорщицы. 1-го июля 1917 года, после молебна в Казанском соборе я со своим батальоном отправилась на фронт в Молодечно, где меня с батальоном прикомандировали к 1-му Сибирскому корпусу. 8-го июля я с батальоном участвовала в бою под Крево. Взяты две линии немецких окоп. Когда зашли в Спас[с]кий лес, то солдаты нас бросили на произвол судьбы и я осталась с батальоном одна. 9-го июля утром немцы перешли в наступление и я с батальоном отступила. При этом я была тяжело контужена и вынесена в бессознательном состоянии с места боя. Меня отправили в Петроград, в лазарет Кенига, где я пролежала полтора месяца. За этот бой я была представлена к золотому оружию, оружия не получила, а была произведена в подпоручицы. Когда я поправилась, то получила приказ от генерала Корнилова сделать женским батальонам смотр и годных влить в мой батальон и вновь[ь] батальонов не формировать, а негодных расформировать, что мной было и сделано. Ездил в Москву, делала смотр Московскому женскому батальону и нашла его тоже негодным для боевого дела. И уехала на фронт к своему старому батальону и решила больше женщин не брать, потому что я в женщинах разочаровалась. На фронте я заняла боевой участок, который и охраняла до свержения Керенского. От Советской власти была получена телеграмма, чтобы я свой батальон расформировала и сейчас же это и сделала. Это было осенью 1917 года. После расформирования батальона я поехала в Петроград. В Петрограде меня на станции арестовали и отвезли в Смольный. Отобрали шашку, револьвер-наган, документы. Меня посадили в Петропавловскую крепость, где я просидела 7-мь дней, после была вызвана в Смольный, где со мной говорил неизвестный мне господин, который предложил мне поступить на службу Советской власти. Он говорил, что вы крестьянка и должны защищать свой народ, но я ему сказал[а], что слишком измучилась за войну и в гражданской войне не хочу принимать участия. Мне дал этот господин денег и я поехала на родину, в Томск. Это было после свержения Керенского, недели две со днями. В это время я была приверженкой Корнилова и была убеждена, что Советская власть идет рука об руку с немцами, с тем, чтобы посадить на русский престол Вильгельма, об этом говорило все офицерство и та среда, в которой я вращалась. На позиции в своем батальоне я митингов делать не разрешила и агитаторов в батальон не допускала.

Большевики я считала своими врагами и врагами Родины.

В дни Октябрьской революции я в Петрограде не была, а была со своим батальоном на позиции под

Молодечно около деревни Белой. По приезде в Томск я стала жить с отцом и матерью, занимаясь домашностью: стирала белье, шила для себя. В этот период перед новым, 1918 годом у меня открылось старое ранение правой ноги и я поехала в Москву лечиться. Когда приехала в Москву, то меня на станции опять арестовали. Просидела на гауптвахте, перевели в Бутырскую тюрьму, наводили справки обо мне в Томске. Продержали меня два месяца, я лежала в тюремной больнице с больной ногой.[...]

Приехала я обратно в Томск в Великий пост. Нога болела, жить было в Томске нечем, и я с сестрой с 15-летней поехала в Владивосток. Где я [о]братилась к американскому консулу за помощью, чтобы он дал мне средств и возможность уехать с сестрой в Америку лечиться. Консул мне помог и я была отправлена на пароходе «буква Ш» в Америку. В Сан-Франциско в Америке мне сделали женщины встречу, приветствовали, устраивали обед. Из Сан-Франциско я — в Нью-Йорк, где определила сестру учиться на казенный счет, а сама поехала в Вашингтон и легла в госпиталь, где пролежала месяца полтора. В Вашингтоне я была у русского посла Бохметьева Бориса Александровича, который меня спрашивал о России [...]. В праздник революции я была приглашена президентом Вильсоном на обед. Вильсон меня принял как первую женщину-офицера и сказал, что он считает за честь меня видеть. Я Вильсону сказала, что я считаю себя очень счастливой женщиной, что я вышла из народа и вижу представителя свободной страны. [Когда] Вильсон спросил меня, кто прав и кто виноват в России, я ему сказала, что я слишком мало разбираюсь в этом вопросе и боюсь попасть в ложное положение. На этом кончился мой разговор с президентом Америки Вильсоном. [...] Через две недели я поехала в Нью-Йорк и оттуда на пароходе в Англию. По железной дороге я приехала в столицу Англии, в город Лондон, где и остановилась в гостинице «Савой», где я жила на средства известной богатой суфражистки мисс Панк-рес [Панкхерст]. Эта суфражистка устроила мне свидание с военным министром Англии. Я попросила военного министра представить меня королю Англии. Мое желание было исполнено. В половине августа месяца 1918 года секретарь короля приехал на автомобиле и вручил мне бумажку, [в] которой говорилось, что король Англии примет меня на 5 минут. Я оделась в военную офицерскую форму, одела полученные мной в России ордена и со своим переводчиком Робенсом поехала во дворец короля. [...] Король Англии имел большое сходство с царем с Николаем 2-м. [...] Он мне сказал, что он очень рад видеть вторую Жанну Де-Арк [...]. Я в ответ ему сказала, что я считаю за великое счастье видеть короля свободной Англии. [...] Король спросил, [...] кому я верю, я сказала ему, что я к партии ни к какой не принадлежу, а верю я только генералу Корнилову. Король мне сказал, но ведь Корнилов убит, я сказала королю, что я не знаю, кому теперь верить и в гражданскую войну я воевать не думаю. Король сказал мне вы русский офицер, [...] Ваш прямой долг ч[е]рез четыре дня поехать в Россию, в Архангельск и я надеюсь на Вас, что Вы будете работать. Я сказала королю Англии: «Слушаюсь!» Король приказал своему секретарю, чтобы сделали распоряжение, чтобы на пароходе, направляющемся в Архан-

гельск дали мне кояту и чтобы русский посол дал бы мне русского офицера в качестве адъютанта. Адъютанта мне дали поручика Филиппова с которым я и поехала в Архангельск. Когда прибыла в Архангельск, то явилась к Русскому командующему Архангельским фронтом к генералу Мурашевскому, которому я сказала, что я приехала с Англии получить служебное назначение. Генерал [...] сказал, что [...] здесь у нас только начинает зарождаться новая армия, поэтому я прошу Вас, чтобы Вы сформировали здесь маленькую боевую добровольческую ячейку, но не женскую, а мужскую. Я ему сказала, что я боевого дела во время гражданской войны не принимаю. Генерал на меня закричал, что вы русский офицер и [нельзя] отказываться от того, что Вам приказывают. Я ему сказала, что Вы на меня не кричите, что я видела не таких, как Вы и кричать на себя не позволю. Генерал приказал меня арестовать, [...] но мой адъютант поручик Филиппов тут же переговорил с английским генералом Пуль, он сказал, чтобы меня не арестовывали. От меня отобрали переводчика и адъютанта и я просидела [под] домашним арестом 7-мь дней. Это было в первых числах сентября 1918 года. Накануне нового года был в газете напечатан приказ о том, что я много сделала для России в Германскую войну и эту работу оценит в будущем благодарная Россия. А теперь в моей работе не нуждаются и что обойдутся без женщины и просят меня снять военную форму и погоны. Я этим была страшно возмущена, пошла к генерал-губернатору Архангельска Миллеру и сказала ему, что форму и погоны никто с меня не имеет права снять, я никакой измены не делала, а что я отказалась делать, что мне приказал генерал Мурашевский, то это потому, что считаю себя инвалидом и у меня нет сил формировать боевой отряд. С Миллером я поспорила. Я пошла к заместителю генерала Пуль, к английскому генералу. Я ему сказала, что я отдала для России все, что у меня было, теперь я большая женщина и что не приняла, что не могу выполнить и что за это со мной так жестоко поступили. Он сказал мне, что он это все выяснит, и через три дня в газете появился приказ, в котором говорилось, что поручик Бочкарева имеет право носить военную форму и погоны и числиться в резерве чинов с окладом в 750 рублей в месяц. Это было 3-го января 1919 года. До июля месяца я жила на получаемый оклад, числясь в резерве чинов, ничего не делая. В июле месяце я из газет узнала, что экспедиция собирается отправиться в Сибирь. Экспедиция военная, которая должна доставить для армии Колчака пулеметы, снаряды, обмундирование. Капитан этой экспедиции был морской офицер Савицкий. Я пошла к генералу Миллеру и стала просить у него разрешения поехать с этой экспедицией в Сибирь, на родину. Мне даю было на это разрешение, но сказано было, что эта экспедиция двинется из Архангельска не раньше, как через месяц. 10 августа 1919 года я с экспедицией капитана Савицкого покинула Архангельск, плыла на пароходе «Колгуев», помимо этого парохода было 7-мь пароходов.[...] До устья Оби от Архангельска я пробыла в дороге месяц с тремя днями, на устье Оби была выгружена из пароходов экспедиции Савицкого на баржи полковника Котельникова оружия, обмундирования и снарядов. Здесь я пробыла две недели и мы потом отправились с экспедицией Котельникова на Тобольск, но когда эк-

спедиция прибыла в город Березов, то Котельников получил телеграмму, что Тобольск взят советскими войсками. Тогда Котельникову было приказано половину экспедиции направить на Красноярск и половину на Томск и я поплыла со второй половиной экспедиции на Томск. [...] Родительней застала в бедственном положении, тут же зять мне начал говорить, что я заблуждаюсь: «Посмотри, три баржи замороженных красноармейцев стоят на Оби, и ты сочувствуешь нашим врагам». Я сказала зятю и своему мужу Бочкареву, с которым я не жила 12 лет, что я сочувствовала белым, потому что меня уверили, что большевики идут рука об руку с германцами, для того, чтобы сделать в России царем Вильгельма. А теперь я поняла, что я глубоко ошибалась и поэтому я поеду в Омск к Колчаку и буду просить, чтобы он мне дал от военной службы отставку совсем и пенсию. Прожила в Томске неделю и поехала в Омск. По приезду в Омск я явилась в ставку к дежурному генералу Белову и доложила ему, что я вообще не в силах ничего делать и просила, чтобы мне дали отставку с пенсией как батальонного командира с мундиром штабс-капитана. Белов мне сказал, что он сегодня будет на докладе у Колчака и доложит обо мне. Белов мне велел придти завтра. Я явилась к Белову 8-го ноября и он мне сказал, что Колчак желает меня видеть и назначает мне свидание в воскресенье 10 ноября. Я пришла в воскресенье в 12 часов дня в дом Колчака, ему доложили, вышел адъютант и сказал мне что вас просит к себе Верховный правитель. Я вошла в кабинет Колчака и там увидела: Колчак вел разговор с Голицыным, с главнокомандующим добровольческими отрядами. Когда я вошла, то Колчак и Голицын обоим встали и приветствовали меня и сказали, что они о мне много слышали [...]. Колчак стал мне говорить: «Вы просите отставку. Но такие люди как Вы нам сейчас необходимо нужны, я вам предлагаю сформировать добровольческий женский санитарный отряд (1-й женский добровольческий санитарный отряд имени поручика Бочкаревой). Он говорил, что у нас очень много тифозных и раненых и рук, которые бы ухаживали бы за больными, нет. [...]». Я предложение Колчака приняла. Колчак [...] дал распоряжение, чтобы мне выдали аванс двести тысяч на формирование отряда.

11 ноября уже были расклеены по всему Омску афиши с призывом о том, что приехала известная организаторша добровольческих отрядов поручик Бочкарева из Архангельска и что она будет сегодня в театре «Гигант» выступать с призывом к женщинам, чтобы формировать женский добровольческий санитарный отряд. [...] 12 ноября точно с такой же речью я выступила в театре «Кристалл». С обоих митингов собрала добровольцев женщин сто семдесят и мужчин тридцать. Мне было назначено четыре офицера, начальник штаба полковник и казначей поручик и адъютант в чине поручика и отряд я сформировала двести человек. На довольствие мой отряд был зачислен к добровольческой дружине святого креста и зеленого знамени.

13 ноября я пошла получить от генерала Голицына деньги двести тысяч и вагоны, чтобы я могла сделать посадку своих людей для отступления от надвигающейся Красной армии. Но уже Колчак и Голицын, и начальник гарнизона уехали. Я была тогда в ужасе, не знала, как мне поступить с людьми — они ни за что

не хотели остаться в Омске, а денег и перевязочных средств не было. Тогда я окончательно разочаровалась в Колчаке [...] и дала слово, что больше ничего не буду делать в их пользу. Я по телефону позвонила в Кадетский корпус к врачу и предложила ему принять 200 человек моих санитаров. Я с бумагой послала людей своего отряда к врачу, и он их принял. А я 14 ноября утром на обывательских лошадях поехала в Новониколаевск. 26 ноября прибыла в Новониколаевск, явилась в Ставку к дежурному генералу, которому сдала 4-х офицеров моего штаба санитарного отряда и 6 человек писарей. Я сказала генералу, что если вы со мной поступили так подло, без денег и без перевозочных средств бросили меня в Омске, то я больше у вас служить не могу, я уезжаю домой в Томск. Генерал сказал мне: подайте рапорт на имя командующего Сахарова, есть приказ, чтобы вы ехали до Иркутска, и там Вам выдадут средства и все для формирования женского добровольческого санитарного отряда. Я пошла сама к генералу Сахарову и сказала, что я больше служить не могу. Он сказал: «что вы», я подала ему рапорт и в дороге на какой-нибудь из станций пришла в его вагон справиться. На станции Болотной стоял поезд Колчака и Сахарова. Я пошла в поезд, но меня ни Колчак, ни Сахаров не приняли и я поехала на станцию Тайгу, где добивалась вновь увидеть Колчака и выяснить свое положение. Но я Колчака не видела и Сахарова на станции встретила. Он мне сказал, что ему сейчас не до меня и сказал, чтобы я ехала куда приказано.

Но я поехала в Томск и прожила в Томске при белых 5 дней, потом пришла Советская власть, я явилась к коменданту города Томска, сдала ему револьвер и сказала, кто я и что делала у белых, предложила свои услуги Советской власти. Комендант сказал, что он в моих услугах не нуждается, а когда понадобится, то он за мной пошлет. Комендант взял с меня подписку о невыезде из города и меня отпустили, сказали, что арестовывать не будут.

Я жила дома, скинула военную форму, одела женское платье и решила больше ничего не делать, шить на солдат шинели. На Рождество в 2 часа ночи около Старого собора я была арестована, позже посажена в Томскую тюрьму, откуда меня перевели в Красноярск.

Не имея желаний идти с добровольческой дружиной Святого креста на фронт, я не препятствовала Колчаку и его правительству пользоваться моей фамилией как средством агитационным с целью формирования добровольческих отрядов для борьбы с Советской властью. Мне льстило, что добровольческий санитарный отряд называют моей фамилией «отряд Бочкаревой». Я верила в Колчака и в его правоту, а поэтому не осталась в Советской России. Позже я во всем разобралась и решила бросить всю службу и считала, что глубоко ошиблась. От Николая 2-го мной получено за боевое отличие 4-ре степени Георгиевских крестов, 3 медали: 2 серебряных и золотая «За усердие». За формирование женского батальона смерти 1917 была произведена в прапорщики, позже за боевое отличие на фронте — в подпоручики, а за держание боевого участка на фронте была произведена в поручики.

Виновной перед Советской республикой себя признаю. В том я сочувствовала Колчаку и белым и фор-

мировала добровольческий женский санитарный отряд, выступала сама с агитацией и не препятствовала пользоваться моей фамилией, как средством агитации для добровольческих формирований.

Показание мое признаю правильным в чем и даю подпись моей руки.
Восный следователь особого отдела В.Ч.К.
при 5-й армии

Бочкарева

Поболотин

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1920 года апреля 17 дня. Я, следователь Особого отдела ВЧК при 5-й армии ПОБОЛОТИН, рассмотрел дело б. поручика армии Керенского и Колчака Марии Леонтьевны БОЧКАРЕВОЙ — 31 г., по обвинению ее по должности офицера армии Колчака (добровольца) в том, что она своей добровольной службой Керенскому образовала 1-й женский ударный добровольный батальон, который принимал участие в борьбе с Советской властью в Петрограде. После свержения власти Керенского, БОЧКАРЕВА, будучи непримиримым врагом Советской власти, являясь сторонницей политики генерала Корнилова, отправилась в Америку, где имела свидание с президентом Америки Вильсоном и своим появлением в Сан-Франциско будировала на американские пролетарские массы, как мученица за идеал справедливости, в действительности являясь другом империалистов и капиталистов. БОЧКАРЕВА из Америки поехала в Англию и через богатую суфражистку добила свидания с военным министром Англии, который ей и устроил свидание с королем Англии.[...]

Преступная деятельность БОЧКАРЕВОЙ перед Р.С.Ф.С.Р следствием доказана (см. протокол допроса окончательный и приказ № 65 от 11 ноября 1919 года). БОЧКАРЕВУ, как непримиримого и злейшего врага Рабоче-Крестьянской Республики, полагаю передать на распоряжение Начальника Особого Отдела ВЧК при 5-й армии.

СПРАВКА: Вещественных доказательств — нет.
Военный следователь Особого Отдела ВЧК
при 5-й армии
РЕЗОЛЮЦИЯ: Бочкареву Марию Леонтьевну разстрелять.
15/5.1920.

Павлуновский. Шимановский.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

9 января 1992 года. УТВЕРЖДАЮ
Прокурор Омской области
Государственный советник
юстиции 3-го класса Ю.А.ЯКУНИН.

В отношении Бочкаревой Марии Леонтьевны.
Постановлением Омского ГубЧК от 15 мая 1920 года определен расстрел. В деле нет документов о приведении постановления в исполнение. Обвинение не предъявлялось. Свидетели по этому делу не привлекались. Из заключения по делу установлено, что обвинение М. Л. Бочкаревой основывалось только на ее показаниях [...].

Бочкарева Мария Леонтьевна полностью реабилитирована в соответствии с Законом РСФСР от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий».

ТРУДЫ И ДНИ ГЛАВКОВЕРХА

Вера Михайловна Алексеева-Борель (1899—1992), дочь Верховного главнокомандующего русской армией в годы первой мировой войны, впоследствии создателя Добровольческой армии (вместе с Деникиным и Корниловым), посвятила свою жизнь книге о жизни и деятельности отца. Рукопись объемом в 60 авторских листов завершена Верой Михайловной незадолго до смерти и сейчас находится в Москве. В основе работы — семейный архив Алексеевых, хранящийся в Буэнос-Айресе и содержащий практически неизвестные письма и записи М. В. Алексеева, а также личные воспоминания Веры Михайловны и ее многолетняя переписка с соратниками отца. Большинство документов — о событиях от русско-турецкой войны до завершения Кубанских походов и смерти генерала Алексеева.

Издательское право — автора и доверенного лица — у родственницы Элеоноры Константиновны Борель, проживающей в Москве. Желающие способствовать изданию книги о М. В. Алексееве могут связаться с Э. К. Борель по адресу: Москва, ул. Марксистская, д. 5, кв. 359. Телефон: 276-77-64.

С любезного разрешения Э. К. Борель наш журнал представляет читателям два небольших фрагмента рукописи.

РАСПУТИН В СТАВКУ НЕ ПРИЕХАЛ

...По долгу совести пришлось отцу, на одном из оперативных докладов, коснуться и личности Распутина. Имя Распутина было тогда «притчей во языцех» по всей России, им пользовались левые крути, чтобы подорвать престиж Царской Семьи. Им пользовались некоторые правые крути для достижения своих честолюбивых целей. Им пользовались и некоторые темные дельцы для достижения своих корыстных устремлений. Надо сказать, что отец был хорошо информирован о деятельности и поведении Распутина на основании получаемых официальных данных со стороны надлежавших властей.

С тяжелым сердцем решил отец говорить об этом. Указывая на вред, приносимый этим безграмотным человеком как царскому престижу, так и России, генерал Алексеев умолял Государя расстаться с Распутиным.

— Оставьте, Михаил Васильевич, — ответил Государь, — поверьте мне, что это мое личное, частное дело.

К сожалению, влияние Распутина далеко выходило за пределы Царскосельского Дворца и Царской Семьи. О губительной для династии и трона политике, связанной с Распутиным, говорили и предупреждали Государя многие преданные Ему люди. Предупреждала Государя Императрица Мария Федоровна, говорил от лица всех Великих Князей Николай Михайлович. Писал непосредственно Государю Родзянко, и за это

письмо Государь поручил отцу передать Родзянко на словах Высочайший выговор, что отцом и было исполнено. Как свидетельствует полковник Тихобразов, — за это Родзянко возненавидел Алексеева. Некоторые, говорившие Государю о Распутине, — лишались Царского расположения, как, например, Великий Князь Николай Михайлович, но после доклада Государю о Распутине отца отношение к нему Государя осталось прежним.

Императрица, глубоко верившая в чудодейственную силу «старца», хотела, чтобы он благословил Ставку и тем обеспечил победу. Государь, зная отношение отца к Распутину, по своей бесконечной деликатности этого вопроса не поднимал, но, видимо, не имея возможности отказать желанию Государыни, предоставил Ей Самой переговорить с генералом Алексеевым. Разговор этот произошел летом того же 1916 года, в один из приездов Императрицы с дочерьми в Могилев.

«Ее обращение к ген. Алексееву произошло на моих глазах, после Высочайшего завтрака, — писал мне полковник Тихобразов в письме от 11 февраля 1963 года. — Лето было в 1916 году жаркое, и завтрак был сервирован на большой площадке в саду Губернаторского Дома («Дворца»). Приглашенных было мало. Я сидел на конце коленчатого стола, против Великой Княжны Татьяны Николаевны и против Великого Князя Дмитрия Павловича, так что центра стола с «вышними сферами» я не видел и наблюдал за Императором и генералом Алексеевым издали. Но при окончании завтрака, когда все встали по очереди старшинства выходить через главный выход, я присоединился к моим «визави», вышедшим из-под поднятой полы шатра. Увидя в центре сада «гигантские шаги»,

у которых стоял Наследник со своим английским гувернером, я сразу прошел к ним и завязал непринужденный разговор. К этому времени все приглашенные собрались перед входом шатра, ожидая беседы с Царем, но Государь, не задерживаясь, пошел в моем направлении.

— А Я и не знал, что вы знакомы с мистером Джибсом. Где и как вы с ним встретились? — обратился ко мне Государь.

Я доложил, что с Джибсом знаком давно и у него брал в Петербурге уроки английского языка.

Обменявшись несколькими словами с Наследником и поглаживая усы, что случалось с Императором Николаем 2-м, когда Он чувствовал некоторое смущение, Государь обратил свои взоры на выход из шатра, где группой стояли приглашенные, окружая Императрицу. Генерал Алексеев, по своему обыкновению, стоял несколько в стороне. Я сразу понял причину, почему я, самый скромный из всех приглашенных, удостоился чести первого разговора с Царем. Я стоял в центре сада — отличного наблюдательного пункта. Тогда и я стал смотреть, куда пристально смотрел Государь. Я увидел, как Императрица Александра Федоровна подошла к Вашему отцу, взяла его под руку и стала гулять с ним вдоль окраины сада, около которой никого не было. Вдруг Государыня остановилась, выдернула свою руку из-под руки генерала Алексеева и отошла от него, не подав ему на прощанье руки. В этот самый момент отошел Император от нашей группы и, поглаживая усы, направился к Императрице. Мне было ясно, что Императрице Александре Федоровне не удалось устроить своего дела и, привыкшая не получать отказов, [она] не в силах была сдерживать своего раздражения. О сущности разговора я узнал уже после революции. Она старалась убедить Вашего отца, что тот не прав в своих отношениях к «старцу», что он святой человек, преданный Царской Семье, за которую ревностно молится, и если бы он смог посетить Ставку, то принес бы большое счастье. Генерал Алексеев нахмурился и сухо ответил:

— Ваше Императорское Величество, я давно уже составил мнение по этому вопросу, и ничто не сможет его изменить. Я должен добавить, что, как только он появится в Ставке, я сложу с себя занимаемую должность.

— Это ваше последнее слово, генерал?

— Без всякого сомнения!

На этом разговор оборвался.

За точность слов и выражений, за давностью лет, да еще со слов другого лица, никто поручиться не может. В общих чертах сохранился этот эпизод со слов отца, и в моей памяти лишь его заключительные слова, вызвавшие недовольство Императрицы, помнятся мне несколько иначе. Отец сказал:

— Я не имею права противиться воле Вашего Величества, но должен доложить, что день приезда Распутина в Ставку будет днем моей отставки...

...Распутин в Ставку не приехал.

Но после этого откровенного и категорического заявления отца Государыне он нажил себе ее нерасположение, а также стал нежелательным и неприемлемым, как ближайший сотрудник Государя, для лиц, строящих свое благополучие в окружении Распутина.

Весна 1917 г. Спектакль в корпусном резерве д. Лужки. Командир разведчиков А. Глебов в роли Распутина.

Ротные командиры II батальона в корпусном резерве д. Лужки.

ПРОИГРАННАЯ ПОБЕДА

Лишь специалисты знают, что Брусиловский прорыв был вспомогательной частью широчайшей наступательной операции трех русских фронтов. Операции подготовленной и неосуществленной...

План М. В. Алексева для этой операции ярко описан Сергеевским* в письме от 14 июня 1963 года.

«Весной 1916 года Михаил Васильевич рассылает весьма секретное наставление, как делать прорыв укрепленного фронта («дыру»). Задумывается гигантское наступление. Сначала демонстрация на Юго-Западном фронте, но для дальнейшего не дается резервов (это только демонстрация, за 2 недели до главного удара). Главный удар — 2 огромных «дыры» (на Западном и Северном фронтах — Эверт и Куропаткин) и невиданной величины резервы, чтобы ввести их в эти 2 «дыры» и сделать окружение («Канны») — для половины германской армии.

Демонстрация удалась сверх ожиданий и без резервов, — вся австрийская армия почти уничтожена. А от главного удара мы отказались!!! Почему? Трусость Эверта и Куропаткина? Интриги против Алексева? Действия тех, кто хотел революцию? (Она еще не была подготовлена.) В 1916 году гигантское наступление удалось бы. В 1917 оно оказалось сорванным».

21 июня 1961 года Борис Николаевич Сергеевский в письме ко мне излагает изученную им операцию Луцкого прорыва и производит анализ причин отказа от наступления. Добавлением к нему стало письмо Сергеевского от 1 июля 1961 года:

«Наступление Брусилова на Юго-Западном фронте удалось в невиданном размере: проникновение в глубину неприятельского расположения до 90 километров, захват 20.000 квадратных километров территории, до миллиона человек потерь у противника. А через две недели — главного удара на севере... не последовало!!! Почему??? Тогда офицеры Генерального штаба, с которыми мне приходилось встречаться, объяснили, что перед самым началом прекрасно подготовленного удара, чуть ли не за час до назначенного времени, генерал Алексеев спросил по аппарату генерала Эверта, уверен ли он в успехе? Эверт отвечал, что не уверен. Алексеев ушел «с докладом», и через несколько минут — отмена всего гигантского предприятия. Я уже тогда не верил этому. Кроме того, эта версия не дает главного — почему генерал

Алексеев стал в последний момент спрашивать Эверта? Не было ли ему это приказано? Вы понимаете в этом случае трагедию генерала, ясно себе представляющего обстановку? А много было таких, которые, проносив о предстоящем наступлении, хотели его остановить, нужно это было и немцам, нужно было и революции...

Версия Месснера, что не только инициатива отмены наступления, но даже прямой отказ наступать был делом генерала Эверта, легче воспринимается специалистами: да, подумать «о благе Родины» — мотив, оправдывающий этого генерала: «Боязнь неуспехом повредить престижу Государя!!!» А ведь результатом — оказалась гибель Царя и России.

Но я не верю, что вопрос так стоял. Могло быть одно из двух — или нажим на Государя и через Него на генерала Алексева, а последний пытался найти поддержку в генерале Эверте и... ошибся в нем.

Или нажимали там на генерала Эверта, а тот, как обязательно у всякого генерала бывает, когда он должен решиться на дело ценой в десятки, а тут даже сотни тысяч человеческих жизней, мучился сомнениями (все ли им сделано? велик ли шанс в успехе и т. д.?) и не выдержал.

«Отказаться» он не мог. Разве только, если отказывающийся генерал знал, что его отказ встретит сочувствие на самом верхе или в его могущественном окружении... Я лично не знаю, что за человек был Эверт.

У Эверта был другой законный и благородный выход, если он был убежден в неуспехе: он (не в последнюю минуту, конечно) мог подавать доклад и мог, наконец, просить о собственном увольнении.

Как видите, вопрос колоссального значения... Важнейший вопрос истории войны, а может быть... и Веры».

Привожу и письмо Сергеевского от 19 августа 1966 года:

«При принятии крупного боевого решения (в особенности наступательного) решающими являются мнения 3-х лиц: 1) Генерала, командующего всей вступающей в бой массой войск (в данном случае — Верховного Главнокомандующего), 2) его Начальника Штаба (в данном случае генерала Алексева) и 3) Генерала, исполняющего боевой приказ (в данном случае того Главнокомандующего армиями фронта, до которого относится боевое решение). Итак, Генерал, Начальник Штаба, Исполнитель. Право и долг решения принадлежит исключительно Генералу. Начальнику Штаба принадлежит только право совета и разработка принятого Генералом решения. Исполнитель может быть спрошен о его мнении, а затем обязан беспрекословно повиноваться. Это основы современного управления боем.

Насколько я себе пока представил, принятие решений произошло так: 1) 14 апреля — Военный Совет

в Ставке. Начальник Штаба дает свой совет (полный, разработанный план стратегического наступления). Спрошены Исполнители — Главнокомандующие. Их три. Из них двое главных Исполнителей (Эверт и Куропаткин) решительно против наступления. Третий — (Брусилов) не только поддерживает Начальника Штаба, но идет еще дальше его (наступление всеми тремя фронтами). Верховный Главнокомандующий утверждает последнее. Попытка одного из старших участников Военного Совета (слезами) добиться отмены наступления не имеет успеха. Наступление подготавливается на начало июня: сначала Юго-Западный фронт, через 2 недели — Западный и Северо-Западный. Катастрофа итальянской армии заставляет Ставку ускорить операцию. В полдень 21-го мая войска Юго-Западного фронта (например, 40-й армейский корпус — основной в районе главного удара) получил приказ — через 16 часов начать артиллерийскую атаку. По «Воспоминаниям» генерала Брусилова (с. 226-227), вечером 21-го мая (то есть всего за несколько часов до начала атаки) генерал Алексеев вызвал генерала Брусилова по прямому проводу и, сославшись на желание Государя, спросил, не согласен ли Брусилов отложить атаку на несколько дней. Брусилов резко с этим не согласился и просил разбудить Государя и доложить Ему его мнение. Генерал Алексеев будить Государя отказался, сказав при окончании разговора: «Ну, Бог с вами, делайте, как знаете, а я о вашем разговоре доложу Государю Императору завтра». Атака состоялась, привела к огромной стратегической победе, а твердость в ответах Брусилова никаких для него неприятных последствий не имела. По моим личным воспоминаниям (которые за давностью времени не могу считать безусловно надежными) и по рассказам других офицеров Генерального Штаба, совершенно то же повторилось и в ночь перед атакой генерала Эверта, с той только разницей, что Эверт ответил, что он в победе не уверен и даже соглашался начать отдавать свои резервы

генерату Брусилову. (Это сорвало всю главную операцию.)

Самым трудным (психологически) является принятие боевого решения Генералом. «Советовать» легче, чем принимать решение, несомненно влекущее за собой огромное число жертв. Мне пришлось в 1915 году быть свидетелем того, как новый, умный и знающий командир корпуса не мог в течение часа себя заставить подписать свой первый (правда, очень решительный) боевой приказ, несмотря на убеждение отличного Начальника Штаба и 2-х офицеров Ген. Шт., и подписал его только после чрезвычайно наглой выходки случайно присутствовавшего офицера. Тот выкрикнул: «Да, прав был великий Наполеон, который говорил, что когда он подписывал боевой приказ, то всегда мучился, как женщина в родах».

В данном случае Генерал (т. е. Верховный Главнокомандующий), по характеру очень мягкий, добрый и религиозный человек, был под давлением окружения и других придворных интриг. Ему нужна была в последние часы помощь, что он отлично и сознавал. И вот, мне представляется такое положение: «Михаил Васильевич, Я ложусь спать и запрещаю меня будить, а вы спросите Моим Именем Главнокомандующего (21 мая — Брусилова, и 1 июня — Эверта), не следует ли отложить, и поступите так, как он находит!»

Брусилов стоял резко за наступление, Эверт — генерал японской войны, один из ближайших там помощников и друзей Куропаткина, и в 1916 году убежденного оборонщика, конечно стоял за «отложить» и не поддержал своего «генерала» — Царя.

Мог ли Начальник Штаба нарушить прямое приказание своего «генерала», да еще и Императора? Ни по закону, ни по традиции он об этом и думать не смел. Да ведь и он был человек, и он переживал всю тяжесть своего долга настаивать (советом) на странном повелении, долженствующем принести победу через миллионные человеческие жертвы... а может быть... и не победу?!

Вот мое объяснение тому, что произошло».

Великая война 1914—1918. Женщина-доброволец с двумя Георгиевскими крестами (в центре). Фото из архива генерала Брусилова.

* Сергеевский Борис Николаевич, участник первой мировой войны, офицер Генерального штаба, затем — штаба 40-го корпуса 8-й армии, впоследствии участник белого движения, полковник; в эмиграции — военный историк.

НЕИЗВЕСТНЫЙ БРУСИЛОВ

Среди миллионов дел, находившихся до недавнего времени на особом режиме хранения, есть и семейный архив генерала Алексея Алексеевича Брусилова и его второй жены Надежды Владимировны (урожденной Желиховской). Эти документы — составная часть Русского заграничного исторического архива в Праге, ныне хранящегося в Государственном архиве Российской Федерации (прежде именовавшемся ЦГАОР СССР и ЦГА РСФСР). В январе 1946 года брусилевские документы в составе Пражского архива вернулись в нашу страну.

«Как же так?» — задастся вопросом иной читатель. Ведь имя Брусилова у нас вроде бы никогда не замалчивалось. Но тем не менее личный архив знаменитого русского полководца не рассекретили и в середине 60-х годов, когда немалую часть документов РЗИА сняли со специального хранения. Причиной всему стала вторая часть воспоминаний генерала (за 1917—1925 годы), где содержатся далеко не лестные характеристики тогдашних советских вождей. А посягать на легенду о царском генерале, **безоговорочно** перешедшем на сторону большевиков, не позволялось. Вот и пролежал архив Брусилова в строгой тайне от исследователей до 1987 года, когда все документы РЗИА стали наконец доступными.

В 1930 году вдова генерала (Алексей Алексеевич скончался четырьмя годами ранее) после долгих хлопот получила наконец-то разрешение на выезд из СССР. Вместе с сестрой Еленой Владимировной Желиховской Надежда Владимировна поселилась в Чехословакии, правительство которой, учитывая вклад Брусилова в дело восстановления государственности этой страны, назначило ей пенсию. Будучи уже в весьма преклонном возрасте, Н. В. Брусилова приложила немало усилий, чтобы разобрать вывезенный архив. С 1932 года она по частям передавала бумаги на временное хранение в Пражский архив. После смерти Надежды Владимировны (1938) документы Брусиловых в конце 1941 — начале 1942 года были сланы туда на постоянное хранение Е. В. Желиховской. Большую часть бумаг РЗИА приобрел за деньги.

Пожалуй, самую ценную часть архива составляют документы периода первой мировой войны. Сегодня мы демонстрируем читателям «Родины» самые обыкновенные фотографии из семейного альбома Брусиловых, сделанные в 1915 и 1916 годах их родственником полковником Ростиславом Николаевичем Яхонтовым, служившим в то время под началом Алексея Алексеевича (интересно, что некоторые его снимки впоследствии были опубликованы в Чехословакии в виде открыток к 20-летию знаменитого прорыва). На многих фотографиях сохранились собственноручные пометки А. А. Брусилова.

Фотографии в числе других реликвий (таких, как погони и кiset генерала) были первоначально переданы Е. В. Желиховской на временное хранение в Русский культурно-исторический музей в Праге (26 октября 1939 года). В 1941 году вместе с другими документами они попали в РЗИА.

Мы приводим также несколько фотографий из чрезвычайно редкого альбома «Героическое наступление генерала Брусилова», изданного в 1936 году на чешском языке в Праге Союзом русских военных инвалидов в Чехословацкой республике. В альбоме помещены также снимки из музея истории освобождения Чехословакии, созданного при памятнике русскому солдату-освободителю, участнику Брусиловского прорыва.

ЛЮДИЯ ПЕТРУШЕВА,
зав. архивохранилищем ГАРФ

Брусилов в ставке в Каменец-Подольском. 1916.

Осмотр неприятельских позиций у г. Дубно. Рядом командир 15-й пехотной дивизии генерал-майор П. Н. Ломновский. 17 октября 1915.

Брусилов и вел. кн. Георгий Михайлович. 1915.

«Молебен на фронте (1917 г.) в присутствии ген. Брусилова. Вот за какой революцией пошел ген. Брусилов: с верой в Бога и крестом» (автограф Н. В. Брусиловой).

«Г. Самбор. На станции железной дороги в ожидании прибытия государя». 1915.

«Перемышль. Форт, в котором был в апреле государь. На куполе башни виден след нашего снаряда» (автограф А. А. Брусилова).

«Г. Самбор. Знамя 16-го стрелкового Его Величества полка в почетном карауле.» 1915 (автограф А. А. Брусилова).

КРАСКИ ВОЙНЫ
ТИМОФЕЙ ШЕВЯКОВ

ЗНАМЕНА И ШТАНДАРТЫ

К началу великой войны 1914—1918 годов все полки, отдельные дивизионы и батальоны русской армии имели свои знамена и штандарты, отличавшиеся огромным разнообразием. Только инженерные войска, за исключением саперных батальонов, вовсе не имели знамен. К 1914 году в строю находились знамена шести царствований. Так, три полка русской армии шли в бой под знаменами 1800 года: 198-й пехотный Александрово-Невский, 7-й и 13-й Туркестанские стрелковые полки (царствование императора Павла I), один полк сражался под штандартом Александровского царствования — 17-й драгунский Черниговский (Георгиевский штандарт 1806 года). Кроме того, в строю находилось довольно большое количество знамен, пожалованных при Николае I: такое знамя было даже у лейб-гвардии Измайловского полка, такие штандарты были у трех гвардейских кавалерийских полков; 8 пехотных и стрелковых полков армии имели Николаевские знамена, 6 кавалерийских — штандарты. Прочие полки в пропорции 4:3 имели знамена и штандарты, пожалованные при Александре II и при Александре III — Николае II.

Образец знамени, принятый в 1883 году, радикально отличался от всех прежних, бравших за основу так называемое «германское» деление знамени: крест — углы. Новое знамя, причем любое, создававшееся в годы, когда официально все переделывалось на русский лад, представляло собой истинное произведение искусства. Надо отдать должное — хотя идея создать нечто новое, скомпоновав древние русские стяги и хоругви, была рискованной, но риск себя оправдал. Чрезвычайно дорогое и сложное в изготовлении, знамя становилось символом части — ведь на знамени была вышита надпись отличия (если знамя было Георгиевским), дата создания полка (если знамя было юбилейным, то есть пожалованным, как правило, к 100-летию полка) и, наконец, полковая икона (икона святого или праздника, почитавшегося в части). Сама расцветка знамени

могла сказать о многом: в гвардии все полотнище, а в армии лишь кайма по своему цвету соответствовали «приборному суку» части (определенный цвет отделки мундира, присвоенный полку); таким образом, в пеших войсках можно было определить положение полка в дивизии (первый полк — красный цвет, второй — синий, третий — белый, четвертый — черно-зеленый), род войск (стрелки — малиновый, крепостная пехота до упразднения ее в 1910 году — коричневый, саперы — темно-коричневый, затем черный). В кавалерии же цветовая гамма была гораздо шире. Золотое или серебряное шитье соответствовало цвету пуговиц на мундирах чинов полка. При переформировании знамена переходили в новую часть, и по цветам знамени можно было составить представление об ее истории.

В 1900 году этот образец был (из-за дороговизны) заменен новым, отличавшимся тем, что вместо рисованной полковой иконы на лицевой стороне знамени была помещена тканая икона со Спасом Нерукотворным и надписью «СЪ НАМИ БОГЪ». У Георгиевских регалий надпись отличия, вышитая на отрезке Георгиевской ленты, стала помещаться под иконой. На всех регалиях, пожалованных по случаю юбилея части, мы можем видеть так называемые юбилейные ленты: в гвардии — Андреевские голубые, в армии — Александровские красные. По этим лентам фактически можно было судить об истории полка: на них вышит вензель императора или императрицы, при которых создан полк, год его создания и первоначальное название, название на момент пожалования лент (их могли жаловать отдельно от знамени), надпись отличия, дублировавшая надпись отличия на знамени (если, конечно, она была). Кроме того, всего лишь два полка в русской армии имели высшую коллективную воинскую награду — широкие Георгиевские ленты: 17-й драгунский Нижегородский и 18-й драгунский Северский.

Подавляющее большинство полков третьей очереди, сформированных в ходе войны из ополченских дружин, имели знамена ополчения — зеленые, с золотым ополченским крестом и надписью «За Веру, Царя и Отечество». Полки же второй очереди, сформированные из четвертых батальонов регулярных полков, как правило, получали знамена от полков-основателей.

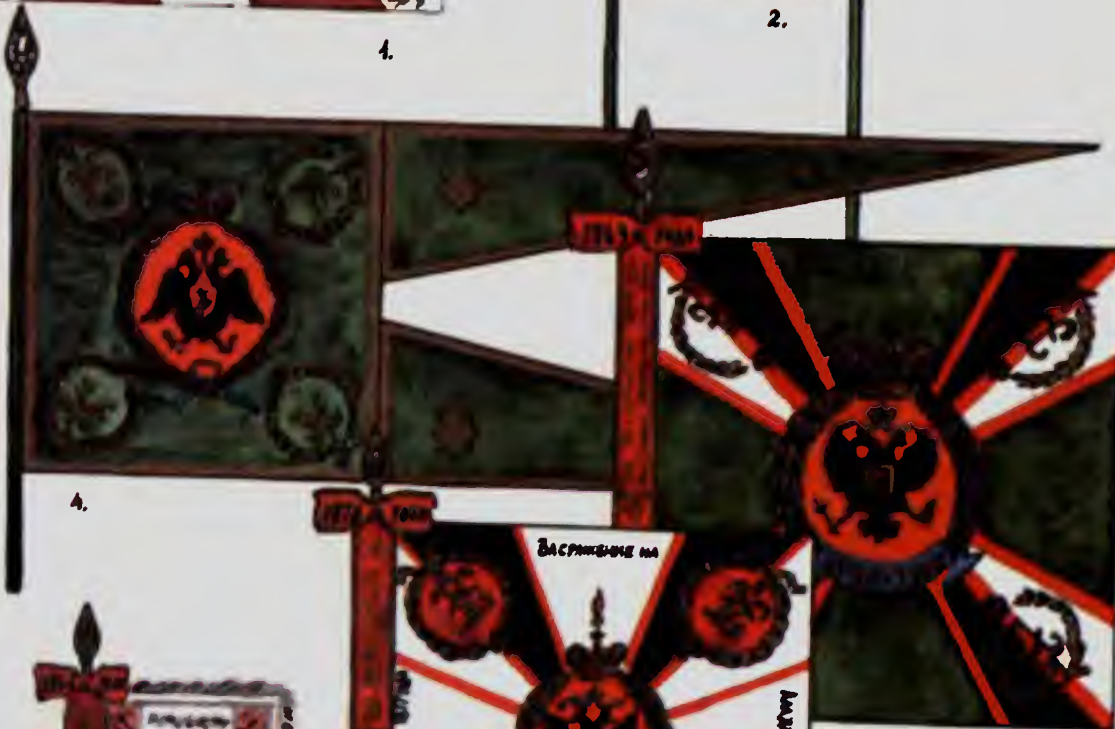
4.

2.

3.

7.

5.

6.

Им-1.

8.

9.

10.

11.

12.

13.

Им

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЖУРНАЛ

«КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА»

Долгое время мы и не подозревали, что жизнь российских кадетских корпусов не оборвалась окончательно в 1917 году. С великими трудностями в эмиграции удалось воссоздать четыре из 30 существовавших до первой мировой войны корпуса. Выпускники зарубежных корпусов уже не помнили, а некоторые даже не видели, родину своих родителей. Но благодаря семье и церкви сохраняли верность русскому языку, российской культуре и истории.

Рассеянные по всему свету, бывшие воспитанники постоянно встречаются на своих съездах, организуют экскурсии к памятным местам русской истории за рубежом, приезжают на конгрессы соотечественников в Москву и Санкт-Петербург.

С 1971 года в Нью-Йорке выходит журнал «Кадетская перекличка», продолживший традиции дореволюционных кадетских журналов и сборников. В журнале чисто военных статей немного, этим он отличается от таких эмигрантских изданий, как «Часовой» или «Военная быль». По публикациям журнала в полной мере можно оценить значение кадетских корпусов для русской армии, выяснить их элитарный характер. Быть может, вопреки высшему начальству, в корпусах не прививался дух прусского капральства и далеко не всегда насаждалась слепая вера в богоизбранность монарха. Интересны и официальные «Заповеди» кадет, рассылавшиеся Военным министерством, и «домашние», создававшиеся в каждом корпусе преподавателями. Они учили хранить верность России, уважать ее прошлое. Высоко ставилось «кадетство» — чувство товарищества и братства, стремление «не завидовать», а помогать товарищам, «охранять младших, как братьев», способность «терпеть безропотно лишения».

По статьям и мемуарам «Кадетской переклички» можно проследить судьбы кадетских корпусов и их воспитанников в переломные моменты российской истории начала XX века.

В последние годы журнал опубликовал статьи о малоизвестных страницах второй мировой войны, ведет дискуссию о русском национальном самосознании — духовной опоре грядущей России.

Вокруг журнала сложился свой круг публицистов, обсуждающих проблемы современной России, поэтов, историков.

СТЕПАН ВОЛК,
доктор исторических наук

КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Периодический журнал Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов за рубежом, Нью-Йорк, США

№ 50 Нью-Йорк Июнь 1991 г.

"GADETS ROLLOLL"

Library of Congress Card No. 79-642319

Periodical Magazine
Published by Association of Russian Cadets graduated
outside of Russia, Inc.
New York, USA

Editor
Nicholas W. Kozlakin

Administrator
Eugene Girs
85-89, 88th Street
Woodhaven, N.Y.
11421

All rights reserved

ПАВЕЛ ПАГАНУЦЦИ

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II — СПАСИТЕЛЬ СОТЕН ТЫСЯЧ АРМЯН ОТ ТУРЕЦКОГО ГЕНОЦИДА

В своей книге «Правда об убийстве Царской Семьи» я писал, что придет время и объективные исследователи займутся вопросом реабилитации покойного Государя, как человека и как государственного деятеля. Смысл накопив злонамеренной клеветы и грязи, они смогут создать реальный образ Императора Николая II. Это было написано в 1981 году. И вот не прошло и десятилетия, как предвидения начали сбываться. В настоящее время в России замечается, как феномен нашего времени, стремительно нарастающее, совершенно ранее немыслимое почитание Государя и всей Его Семьи, что по мнению многих русских исследователей является признаком возрождения русского национального самосознания¹. А в этом 1990 году наступил такой исключительный юбилей, который как нельзя лучше рисует моральный облик погибшего в чекистском застенке последнего русского монарха.

Критикуя в «Русской Жизни» статью Ирины Гинсбург из Москвы, напечатанной в «Нью Йорк Таймс», в которой она была в набаб, что вот-вот явятся русские погромщики и уничтожат всю ее семью, я коснулся истории русских беженцев из Закавказских республик в Москве, в том числе и из Армении, народу которой Россия в течение ста лет столько сделала. Мне пришлось коротко упомянуть о русских военных действиях против турок в 1914—15 годах, которые содействовали спасению многих тысяч армян.

Неожиданно на меня обрушился г-н Тигран Киракозян, обвиняя, кроме всего прочего, в искажении фактов. Он утверждал: «Стреми-

*И в час, когда под сводами подвала
Поднялась на Тебя злодейская рука,
Сиянье новое Твой образ увенчало
И свет его переживет века.*

Н. Кадьян.

как и все остальные русские. Имея способность к торговле, они процветали в экономическом отношении. Нужно сказать, что армяне не оставались в долгу и верно служили России на всех поприщах. Вспомним для примера только одного графа Лорис-Меликова, игравшего главную роль в правительстве Александра Второго.

Однако часть армянского народа оставалась под еще более ужесточившимся гнетом турок, и Российское правительство не забывало о них и разными мерами стремилось облегчить их тяжелую долю, не раз встречая на этом пути явное сопротивление западных сил: англичан, германцев и других. Ровно через пятьдесят лет после поражения персов и присоединения к России двух армянских областей закончилась Балканская война за освобождение славян, и Россия опять выступила в защиту своих единоверных братьев-армян. Один из их сынов, г-н Тер-Маркарин писал: «Никогда не оставшаяся равнодушной к судьбе единоверческих стран и народов, Россия, к которой отошла часть старых армянских земель, тот же час после окончания войны 1878 года потребовала от турецкого султана Абдула Гаида II прекращения преследования армян и введения религиозно-правовых и социально-экономических реформ».

К этому времени под Турцией ос-

тельное наступление, как называет г-н Пагануцци, вылилось в кровавую бойню, уничтожившую десятки тысяч жителей города Ван». Для того чтобы разобраться в событиях того времени на Кавказе, обратимся к истории русско-армянских отношений. Потеряв почти что тысячу лет тому назад свое государственное устройство, армяне находились веками под тяжелым игом персов и турок. В войне с Персией в 1828 году генерал Паскевич разбил персидские войска, за что получил титул Эриванского. К России тогда отошли Ганжинское и Эриванское ханства с армянским населением. Таким образом часть армянского народа была спасена от персидского гнета и произвола, войдя в состав Российской Империи. Армянам жилось привольно в Царской России. Они могли свободно продвигаться по государственной-служебной лестнице,

тавались семь армянских провинций (вилайетов): Эрзерум, Ван, Диарбекир, Битлис, Мамурет, Сивас и Харпут с населением 1.651.000 человек. Русская Армения насчитывала 1.980.000 жителей (к началу I мировой войны). В последующие годы Царское правительство не оставалось равнодушным к своим братьям по вере — армянам и тем или иным способом

вести в турецкой Армении ряд облегчительных мер, при поддержке Англии отказался выполнить данные обязательства.

Общественное мнение США также настраивалось печатью против России. Сохранился сан-францисский листок «Ньюс Леттер» от 1877 года, в котором была напечатана «иллюстрированная» карта Европы, на которой Россия была

военные действия против турок. Даже такой пацифист, как Лев Толстой, отправил своего героя Вронского (прототип полковника Раевского, павшего смертью храбрых около Алексинца) среди русских добровольцев сражаться за независимость Сербии.

Первая мировая война, ознаменовавшаяся блестящими русскими победами над турками, казалось,

зом, силы Кавказской армии в 1914 году составляли 100 батальонов пехоты, 96 сотен, 6 армянских дружин при 300 орудиях. И эти сравнительно небольшие силы одержали ряд побед над турками. Затем на Кавказ прибыли части Второго Туркестанского корпуса под командованием будущего героя Эрзерума, генерала Юденича. Первые действия наших войск сопровож-

которых из 1.651 тысячи душ армянского населения Турции было спасено 375 тысяч, то есть 23%, что само по себе является исключительно внушительной цифрой.

Обратимся теперь к армянскому источнику и посмотрим, как это спасение происходило. Уже упомянутый автор Г. Тер-Маркарян в своей работе «Как все это происходило», говоря о страшном пре-

ловавших, о русских солдатах-бродячах, стыдливо прятавших увлажненные слезой глаза и кормивших из своих котелков изголодавшихся армянских детей, о матерях, целовавших сапоги русских казаков, бравших в седло по одному, по два армянских ребенка и спешно увозивших их подальше от этого ада, о рыдавших от счастья стариках, обнимавших русских

выступало в их защиту. Во время новой вспышки турецких зверств в 1896 году в России были созданы комитеты помощи армянам, и в их работе принимал участие протоиерей о. Иоанн Сергиев, прославленный Русской Зарубежной Церковью. Он писал в газеты, призывал людей жертвовать и сам послал в «Санкт-Петербургские Ведомости» 200 рублей.

Уже было сказано, что в то время, как Россия всячески заступалась за своих единоверных братьев на Балканах и Малой Азии, Англия поддерживала турецких изуверов. Так Абдул Гамид, обязавшийся после поражения 1878 года про-

изображена в виде спрута, захватывающего в свои смертельные щупальца «бедную» Турцию и угрожающего чуть ли не всей Европе. Не показывал расположения к России и «Харперс Нью Монгли Магазин», который в те годы выходил большой солидной книгой. Все его симпатии были на стороне кровавого турецкого режима, который учинил невероятные зверства в Болгарии, устроил резню греков в Константинополе, повесив патриарха на Царских вратах. И только после того, как восстание сербов во главе с ген. Черняевым потерпело неудачу, Император Александр II, в 1877 году, открыл

Группа армянских добровольцев под руководством Андриаша.

должна была принести освобождение подъяремному армянскому народу в Турцию, но произошло иное. Видя, что они проигрывают войну, турки учинили неслыханную резню армян. По одним сведениям, было вырезано более миллиона армян, по русским — 800 тысяч, и появилось новое слово, теперь широко употребляемое во всем мире, — «геноцид».

В начале войны Русское Военное Командование решило ослабить войска на Кавказском фронте, чтобы усилить Западный. Таким обра-

дались победами, затем бои шли с переменным успехом. Однако инициативу русские всегда держали в своих руках. Так прошел 1914 год и наступил 1915-й, ознаменовавшийся решительными победами русских войск, готовившихся к штурму Эрзерума. К сожалению, русские были не в силах предотвратить страшной бойни, которую устроили турки в 1915 году, причем сигнал к убийствам был дан в Зайтуне, 24 апреля 1915 года. Однако, уже в начале этих бедствий, по личному приказанию Государя Императора Николая II русские войска предприняли ряд мер для спасения армян, в результате

ступлении турок, писал: «Ради исторической справедливости и чести последнего русского Царя нельзя умолчать, что в начале описываемых бедствий 1915 года, по личному приказанию Царя, русско-турецкая граница была приоткрыта и громадные толпы скопившихся на ней измученных армянских беженцев были впущены на русскую землю».

Сохранились рассказы очевидцев о душераздирающих, разыгравшихся при этом сценах, о незабываемых проявлениях безмерной радости и слезах благодарности со стороны страдальцев, падавших на русскую землю и неистово ее це-

Дети — жертвы массового уничтожения армян турками в 1915 году.

солдат, об армянских священниках, с крестом в руках возносивших молитвы, крестивших и благословлявших коленопреклоненную толпу.

У самой границы, прямо под открытым небом, было расставлено множество столов, за которыми русские чиновники принимали армянских беженцев без всяких формальностей, вручая по царскому рублю на каждого члена семьи и особый документ, дававший им право в течение года беспрепятственно устраниваться по всей Рос-

сийской Империи, пользуясь бес-
платно всеми видами транспорта.
Здесь же было налажено кормле-
ние голодных людей из полевых
кухонь и раздача одежды нуждаю-
щимся. Русские врачи и сестры
милосердия раздавали лекарства и
оказывали неотложную помощь
больным, раненым и беременным.
Всего таким образом было тогда
пропущено через границу и на-
шло прибежище и спасение в
России более 350 тысяч турецких
армян.

Между тем бои на фронте стано-
вились все ожесточенней. Предсто-
яло овладеть Эрзерумом. Казалось,
русские не имели никаких шансов
взять эту неприступную крепость,
расположенную на высоте до 11
тысяч футов над уровнем моря и
опоясанную тремя линиями силь-
ных фортов. Тот, кто держал Эрзе-
рум, владел всей турецкой Арме-
нией, или Восточной Анатолией,
как называли ее турки. Эрзерум
был узлом всех путей из Анатолии
в Армению.

Осенью 1915 года случилось одно
важное событие, осложнившее по-
ложение на всем турецком фронте.
Англо-французские экспедици-
онные войска, поддержанные мощ-
ным флотом, потерпели поражение
на галлиполийском фронте и ре-
шили прекратить военные опера-
ции, о чем их командование на
Балканах известило нашу Ставку.
У турок высвобождалась мощная
армейская группировка, которая,
по донесениям русской разведки,
начала перебрасываться на русский
фронт. И генерал Юденич — пол-
ководец Суворовской школы, по
выражению ген. Штейфона, — ре-
шает, что медлить нельзя. В декаб-
ре он начинает Азакпейское сра-
жение и, выиграв его, преследует

турок по бездорожью 100 верст до
самых фортов Эрзерума. Затем в
три недели перегруппировав свои
войска, он начинает штурм крепос-
ти, и на пятый день, 16 февраля
1916 года, российское знамя взви-
вается над цитаделью Эрзерума.

Некоторые наши недоброжелате-
ли, желая умалить блестящую по-
беду русских войск, уверяли, что
взятие этой крепости стоило мно-
го жертв. Их было 15 тысяч убиты-
ми и ранеными², но, овладев Эрзе-
румом, как уже было сказано, рус-
ские получили под свой контроль
все пути из Анатолии в Армению.
В результате взятия Эрзерума в ап-
реле пал Трапезунд, ставший важ-
ной базой Русской армии в Анато-
лии. Кроме того, после Эрзерума
турецкая армия потеряла боевой
дух и была обескровлена. И когда
настала революция и русские ушли,
то малые армянские силы были в
состоянии довольно долго давать
отпор обессиленным туркам.

Уже за рубежом полковник Гене-
рального Штаба А. К. Шнеур, быв-
ший одно время начальником Ген-
штаба Армянской армии в турецко-
армянскую войну 1918—19 го-
дов, издал свои воспоминания³. Он
писал: «В марте 1918 года остатки
Русской и ее наследницы Армян-
ской армии окончательно покину-
ли турецкую землю. Все усилия и
победы в тяжелой войне сразу были
сведены к нулю. Обессиленная, раз-
битая русскими Турция сама про-
тягивала руку мира, поднялась, как
больная после тяжелой болезни, и,
спотыкаясь, еле переставляя ноги,
поплелась к границе».

Армяне, где только могли, мсти-
ли туркам и иногда вырезали их
поголовно. Так в Эринджане было
уничтожено несколько тысяч ту-
рок. Не было уже Русской армии,

категорически не допускаяшей по-
добные эксцессы⁴. Турки же про-
должили прежнюю политику по
отношению армян. После осады и
взятия Баку осенью 1918 года они
вырезали в городе 19 тысяч армян.

И вот со времени спасения Госу-
дарем 23% всего армянского насе-
ления Турции, прошло 75 лет. Сам
Царь через три года погиб в чекист-
ском застенке, и никто ни раньше,
ни теперь не вспомнил того, что
он сделал для армянского народа.
А ведь за одно это спасение Его
можно было причислить к лику свя-
тых. Пусть же эта небольшая статья
будет скромным венком на неиз-
вестную могилу погибшего Госу-
даря⁵!

Пресображение, 28 августа 1990.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Альманах «Вече», № 35.
2. Убитыми всего 2300 человек. Остальные ранеными и отможенными.
3. Воспоминания были мне любезно предоставлены редактором «Согласия» К. Ф. Синкевичем.
4. Теперь мне понятно, почему под турецкой оккупацией нам, русским, жилось неплохо. Вот что писал по этому поводу полковник Шнеур: «Неоднократно проходя в ночное время по Эрзеруму, я слышал из темноты: «Рус яхши». Это же прекрасное отношение знали мы, когда судьба занесла нас в Константинополь. Это объясняется прекрасным, гуманным и справедливым отношением русских войск к пленным, раненым и местному турецкому населению».
5. Вот уже много лет благодарные евреи не прекращают поисков Рауля Валленберга, который спас 30 тысяч евреев во время немецкой оккупации. Государь спас от смерти около 400 тысяч армян. Вероятно, кое-кто еще и жив и уже наверное множество детей и внуков спасенных. Почему они молчат? На этот вопрос нет ответа...

«Калетская перекличка», 1991. № 50.

РУССКИЙ ФЛАГ НА БЕРЕГАХ РЕЙНА

Можно долго спорить о месте и значении Российской империи среди дружественных ей держав Антанты. Бесспорно одно: руководствуясь «возвышенными» и «благородными» целями, наши союзники рассматривали Россию в качестве неисчерпаемого источника «человеческого материала».

О трагедии Русского экспедиционного корпуса на Западном фронте сегодня много говорят и пишут. Четыре бригады лучших солдат и офицеров — это больше сорока тысяч человек — в течение 1916 года были переброшены на Французский и Салоникский фронты. После двух российских революций они стали заложниками. В них перестали видеть союзников, низвели до положения каторжников и «опаснейших смутьянов», которых надлежит изолировать во что бы то ни стало. После Октября и выхода большевиков из войны выбора у русских воинов практически не было — или сложить голову, сражаясь в составе Русского легиона чести (так именовались четыре батальона, зачисленные в состав марокканской дивизии французского иностранного легиона, — русские добровольцы носили форму африканских войск с нарукавной трехцветной повязкой на левой руке и надписью «Военное министерство Франции»), или попасть в «третью категорию», что означало каторжные работы в лагерях Франции, Алжира, Туниса, Марокко, Греции... Нечеловеческие условия труда, побои и истязания со стороны конвоиров (большая часть сенегалцев и арабов), голод и эпидемии — порядки во французских загонах для русского «рабочего скота» немногим отличались от родственных им учреждений Гулага и фашистских концлагерей. Тем более чудовищно, что белыми рабами на свинцовых рудниках и африканских плантациях работали не военнопленные, не преступники — всего лишь союзники, подозреваемые (почти всегда беспочвенно) в переносе революционной заразы. Совершенно понятно, почему большинство солдат, волею судьбы заброшенных в Европу, ненавидело Францию и не желало служить ни Колчаку, ни Деникину. Сегодня мы предлагаем вниманию читателей выдержки из очерка эмигрантского военного историка о боевых действиях русских легионеров и неизвестные документы из архивов военного министерства Франции о положении русских солдат в 1918 и 1919 годах.

В. А. ВАСИЛЬЕВ,
штабс-капитан 2-го особого полка

ЛЕГИОНЕРЫ ЧЕСТИ

ВСТУПЛЕНИЕ

В ответ на настоятельную просьбу о помощи Государь Император повелел отправить во Францию экспедиционные особые войска.

Во исполнение Высочайшего повеления четыре русские отдельные бригады, по два полка каждая, общей численностью в 750 офицеров и 45.000 ун. офицеров и солдат, прибыли в 1916 году во Францию.

Первая особая бригада (ген. Лохвицкий), совершив долгий путь по железной дороге из Москвы через всю Сибирь, погрузилась на русские и французские пароходы в порту Дальнем и после 56-дневного перехода через Индийский океан, Суэцкий канал и Средиземное море высадилась 26 апреля 1916 года в Марселе.

2-я, 3-я и 4-я бригады грузились в Архангельске и, пройдя Северное море, высадилась в Бресте.

1-я и 3-я бригады были отправлены на фронт Шампани, 2-я и 4-я бригады, погрузившись на пароходы в Марселе, прибыли в распоряжение главнокомандующего Салоникским фронтом, ген. Саррайля, в Македонию.

Как здесь во Франции, на полях Шампани, так и в диких горах Македонии русские особые полки покрыли себя неувядаемой боевой славой.

Но и жертва, принесенная на алтарь Отечества на чужбине, была велика. Могилы русских воинов разбросаны по всей Франции и во всей Македонии. Самое же большое военное русское кладбище, где поко-

ится более тысячи наших братьев, находится около Мурмелона (Марна)*.

МАКЕДОНСКИЙ ФРОНТ

Особенность Македонского фронта, кроме бесконечно тяжелых климатических условий и весьма трудной голой, скалистой местности, заключалась еще и в том, что союзная армия состояла из войсковых частей, принадлежавших пяти различным государствам, что весьма затрудняло высшее командование, ибо кроме чисто военных объектов каждая страна, имевшая там свои войска, имела и свои чисто политические намерения.

В состав Македонской армии входили: французы, англичане, итальянцы, сербы, русские и греки (сторонники Венизелоса).

Со стороны противника: германцы, австрийцы, турки и болгары. 17 августа 1916 года германо-болгары сильно атаковали и потеснили сербскую армию, и положение на фронте приняло угрожающий характер для всей союзной Македонской армии.

Главнокомандующий Македонским фронтом французский генерал Саррайль созвал совещание старших начальников, на котором присутствовал впервые и начальник недавно высадившейся в Салониках 2-й Особой Русской бригады генерал Дитерихс.

На этом совещании был намечен сбор сильной группы войск в составе французских частей и русской бригады, с целью наступления на Флорину и Монастырь, в обход правого фланга наступающих болгар.

* Для увековечения памяти павших русских воинов Союз офицеров экспедиционного корпуса, участников войны на Французском фронте купил рядом с военным кладбищем кусок земли, на которой при помощи всей русской общественности был в 1937 году воздвигнут храм-памятник во имя Воскресения Христова.

Наступательное движение на Монастырь имело особое моральное значение, т. к. названный город находился уже на сербской территории, и таким образом, овладение им являлось как бы началом освобождения Сербии от врагов.

Таким образом, 2-я русская бригада вошла в состав наиболее ответственной группы войск и начала свою боевую деятельность в Македонии весьма трудным обходным движением по чрезвычайно суровой и трудной местности.

Ген. Дитерихс блестяще выполняет возложенную на русские полки боевую задачу, сбивает болгар и овладевает высотой Виё (2.055) и горным хребтом Бигла и

этим разрывает на куски всю оборону путей на Флорину.

Движение русских полков в направлении высоты Бигла было настолько блестящим, что оно было особо отмечено в приказе командующим Французской армией.

По новой диспозиции ко 2-й особой бригаде прилагается полк французских зуавов (2-й бис.).

Перед энергичным наступлением франко-русской дивизии, под командованием русского генерала Дитерихса, болгары спешно отходят, и 19 ноября 1916 года головные роты 3-го особого полка входят в Монастырь.

В приказе главнокомандующий союзными армиями генерал Саррайль, обращаясь к русским войскам, писал: «Русские, в горах, как и в Сербской равнине, Ваша легендарная храбрость никогда не изменяла Вам».

Королевич Александр Сербский, прибыв в Монастырь, пожаловал генералу Дитерихсу высокую боевую награду.

4-я русская особая бригада под начальством генерала Леонтьева прибыла в Салоники в конце октября 1916 года и приняла участие в боях совместно с сербской армией, а затем заняла укрепленную позицию фронтом на Старавину, где и оставалась беспрерывно в течение полутора.

ЗАНЯТИЕ РУССКИМИ ВОЙСКАМИ Г. АФИНЫ

Между державами Согласия и правительством греческого короля Константина установились недружелюбные, недоверчивые и враждебные отношения из-за германофильства короля.

Генерал Пассага награждает боевой медалью солдата 42-й дивизии

По соглашению правительств Парижа и Лондона, в интересах безопасности союзных армий, было признано необходимым лишить короля Константина возможности царствовать в Афинах.

Для осуществления морального давления на Короля и его правительство было решено высадить десант в Пирее и занять г. Афины.

В состав отряда, предназначенного для занятия г. Афин, были назначены 3-й особый русский полк и один батальон 4-го особого полка.

Как известно, король Константин уступил союзникам и передал свой престол своему брату Александру, чем было избегнуто кровопролитие.

Союзные войска беспрепятственно высадилась в Пирее и заняли Афины. Наш посланник в Афинах, князь Демидов, выражал протест против командирования рус-

Выдержка из памятки «Русский экспедиционный корпус на Западном фронте», изданной комитетом по сохранению храма-памятника на русском военном кладбище в Мурмелоне.

ских войск в Афины и требовал их возвращения в Македонию.

Требование его, однако, не могло быть немедленно удовлетворено вследствие слабости высаженного отряда и неуверенности в прочности политического положения.

Лишь в начале июня 1917 года русские батальоны были перевезены по железной дороге в Македонию.

ЗАНЯТИЕ РУССКИМ ОТРЯДОМ АФОНСКОЙ ГОРЫ

Чтобы лишить германские подводные лодки пристанища, пришлось выделить особый отряд — сто русских

участке (озеро Пресба, Охрида и Малик) протяжением в 60 километров.

Несмотря на усиленную тайную пораженческую пропаганду, русские воины 2-й особой дивизии с честью выполняли возложенные на них боевые задачи и в тяжелых боях отбивали многочисленные атаки противника.

29 октября 1917 года командование 2-й особой дивизией принял вновь прибывший из России ген. Тарановский.

Дивизия пробыла на позициях до половины января 1918 года, когда и была постепенно сменена 156-й франц. дивизией.

Приготовление к запуску аэростата наблюдения.

и пятьдесят французов — под начальством русского офицера для занятия района Афонской горы, где греческие монахи — сторонники короля Константина, пользуясь большинством, свили себе прочное гнездо.

В одном из греческих монастырей обнаружен был тайный склад оружия и патронов.

Только впоследствии, уже летом 1917 года, когда на Халкедонском полуострове утвердились сторонники Венизелоса, главнокомандующий Македонским фронтом ген. Сарраиль нашел возможным отозвать назад этот отряд, что, впрочем, вызвало протест со стороны русского правительства.

Согласно решению русской Ставки, обе русские бригады были сведены в дивизию, и 5-го июня 1917 года ген. Дитерихс вступил в командование 2-й особой дивизией.

В июле 1917 года 2-я особая дивизия сменила 76-ю французскую дивизию на фронте, т. н. междуозерном

Так кончилась боевая деятельность 2-й особой русской дивизии. Общие потери 2-й особой дивизии на Македонском фронте исчисляются в 65 офицеров и 4.149 ун. оф. и солдат.

РУССКИЙ ЛЕГИОН ЧЕСТИ

Пришла революция. Россия вышла из строя. Особые полки Экспедиционного корпуса были французским командованием расформированы и из них были составлены военно-рабочие роты.

Союзники задыхались под натиском немецких полчищ, переброшенных с Восточного фронта. Имя русского было тогда синонимом изменника.

Сотни русских воинов, уязвленные в своей нацио-

нальной гордости хаосом на Родине, а здесь презрительным отиюшением союзников, стали просить, чтобы их оправили на фронт.

После долгих колебаний — так велико было недоверие к русским — наконец было разрешено формирование Русского легиона — из волонтеров особых полков.

23 декабря 1917 года первый Русский легион, под командованием полковника Готуа, отбыл в действующую армию и назначен в состав Марокканской ударной дивизии, лучшей дивизии Франции.

Героизм русского воина во Франции достиг необычайной высоты в боевой работе Русского легиона.

Эти последние бои были превращены русскими волонтерами как бы в песню русской славы.

В конце марта 1918 года германцы повели бешеную атаку на севере Франции, прорвали фронт около Амьена и врезались клином между английской и французской армиями. Положение критическое.

Марокканская дивизия получает приказ контратаковать противника. Русский легион идет в первом эшелоне. Глаза лучшей дивизии Франции устремлены на русских.

Описывая этот бой, историк Марокканской дивизии в своей книге «Страницы славы Марокканской дивизии» пишет:

«...Вся линия кажется пригвожденной к земле. Вдруг движение на ней. Маленький отряд поднялся в ложнине. Эта часть бросается вперед, бурей пронесется между зуавами и стрелками и, великодушная, со штыками на перевес, презирая косящий ее огонь, с офицерами во главе, она в таком стремительном порыве наносит удар врагу, что отбрасывает его до дороги Памятника.

Кто же эти чудесные люди, которые, крича непонятные слова, совершают, казалось бы, невозможное — проходят ту зону смерти, которую ни зуавы, ни стрелки пройти не могли.

Это русские Марокканской дивизии. СЛАВА ИМ».

Май 1918 года. Германцы бросают свои лучшие силы и рвут фронт Французской армии. Одним прыжком перескакивают Шемэн де Дам, переправляются через реку Эн и форсированным маршем идут на Шато Тьеры. Суассон пал. Дорога на Париж открыта. Брошенная для выручки Марокканская дивизия занимает позицию верхом по шоссе Суассон — Париж и принимает на себя весь удар тяжелого немецкого сапога.

Немцы вводят в бой свежие силы и теснят зуавов в центре. В эту критическую минуту, когда казалось,

что уже все потеряно, бросается в контратаку последний резерв — Русский легион.

Историк Марокканской дивизии в своей книге «Страницы славы Марокканской дивизии» описывает эту атаку так: «...Чтобы остановить эту угрожающую лаву, полковник Лягард приказал Русскому легиону контратаковать. Русский легион бросается вперед, с офицерами впереди. Даже доктора, охваченные пылом энтузиазма этой славной фалангой, забыли их прямую миссию милосердия и вместе с бойцами врываются в ряды противника. Из 150 бойцов 110 легли на вершинах Вобян. Но противник, на некоторое время, вынужден был отступить к подножию горы».

Этот бой стоил жизни Русскому легиону, потеряв 85% своего состава и почти всех офицеров.

Французская пресса того времени, восхищаясь действиями русских, подчеркивает особенно большое количество награды, данных Русскому легиону, и впервые прибавляет лестное слово и называет его «Русский легион чести». Русская пресса и русская колония во Франции стали его с тех пор так и называть.

После тяжелых июльских боев Русский легион получает наконец так долгожданное пополнение из волонтеров особых полков и в составе отдельного батальона принимает участие в прорыве укрепленной линии Гинденбурга.

В сентябрьских боях Русский легион идет в первом эшелоне. 2 сентября 1918 года захватывает сильно укрепленный опорный пункт Терни-Серни, сдерживает бешеные контратаки германцев, отбрасывает их и укрепляется на взятых позициях. 12 сентября 1918 года за два часа проходит три ряда грозных железобетонных укреплений, врезавшись глубоким клином в германскую систему

обороны, берет с налета массу пленных и огромное количество разной военной добычи.

В представлении Русского легиона к награде, начальник Марокканской дивизии в своем рапорте об этом легендарном бое доносит: «Все эти действия были ведены так блестяще, что потери русских были относительно незначительны. Батальон особым образом отобранных людей, непримиримая ненависть которых к врагу, в соединении с полным презрением к смерти, воодушевляет все их действия.

Жертвенность, с которой Русский легион выполнил свой маневр, смелость и отвага, с которой он его осуществил под ураганным огнем противника, требуют представления Русского легиона к заслуженной награде».

Представление к наградам Русского легиона было уважено Главнокомандующим. Русский легион получает на знамя «Военный Крест» с двумя пальмами и «Фуражер» (род аксельбанта, который носится всеми чинами данной части на левом плече).

Начальник русской базы ген. Брюляр в приказе по базе писал: «Я счастлив довести до сведения всех русских, находящихся на территории Франции, о героическом поведении на поле битвы солдат Русского легиона. Слава этим храбрецам, которые проливают свою кровь, отдавая жизнь за общее дело».

Это истинные герои, которыми будут гордиться все будущие поколения».

Будучи батальоном второй линии, неожиданно вынесся вперед первой линии, движение которой было остановлено сильнейшим пулеметным и артиллерийским огнем противника.

Ловким маневром обошел с востока селение Терни-Серни, захватил его и удержался в нем после жесточайшей борьбы, доходившей до рукопашной и длившейся в течение всей ночи.

Удержался в следующие два дня, несмотря на бешеные контратаки противника.

14 сентября способствовал взятию редута, могуче укрепленного и отважно защищавшегося, после чего, продолжая наступление с неугасимой энергией и ве-

енных действий. Противник принял условия Союзников.

После перемирия Русский легион прошел Лотарингию, Эльзас, Саар и вошел в Германию.

Дойдя до Рейна, остановился в Фридрихсгагене против Мангейма, откуда был направлен в назначенный ему для оккупации г. Вормс.

Велико было удивление и негодование немцев узнать, что оккупирующие их войска — Русские.

Наш национальный бело-сине-красный Флаг развевался на берегах Рейна.

Слово, данное Государем и Россией союзникам, в лице Русского легиона чести было сдержано.

твления национальной безопасностью наблюдения за положением вокруг лагерей Курно и Куртин, о чем было заявлено в письме от 23 сентября министру внутренних дел. Директор национальной безопасности сообщил, что он не располагает необходимыми средствами, и выразил мнение, что наблюдение за военными должно быть возложено на военные власти. Министр внутренних дел добавил, что очень желателен отъезд русских солдат в Россию и что в ожидании этого можно было бы рассеять их группами по 6—8 человек и направить на сельскохозяйственные работы.

Представитель Генштаба по поводу этих предложений сделал замечание: или отъезд в Россию, или рас-

ПРИКАЗ МАРШАЛА ФРАНЦИИ, ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИЕЙ

Французский лагерь в руинах театра Дионисия. Афины.

«Русский легион. Выдающийся батальон, все действия которого воодушевлены беспощадной ненавистью к врагу, соединявший в себе прекраснейший энтузиазм за святое дело с полнейшим презрением к смерти. Выказал необычайную храбрость в боях на Сомме с 26 по 30 апреля 1918 года, способствуя своим героическим сопротивлением и ценою больших потерь остановить движение противника на Амьен».

Принял не менее блестящее участие в боях под Суассоном 29 и 30 мая и 2 сентября 1918 года, где он выказал те же качества самопожертвования, беспощадно борясь за удержание взятых позиций, захватывая многочисленных пленных и забирая большой боевой материал.

2 сентября 1918 года выказал прекраснейшие маневренные качества, замечательное самопожертвование, мужество и упорство выше всех похвал.

личайшим самопожертвованием, способствовал взятию плоскогорья к востоку от Аллемань, которое противник превратил в грозное укрепление».

Если брешь в укрепленной линии Гинденбурга недостаточно глубокая и не принесла окончательного решения, то мораль противника была настолько подорвана, что в связи с общей обстановкой он стал отводить свои войска к германской границе.

Русский легион был переброшен в Лотарингию и занимал сектор Ленокур. Шла лихорадочная подготовка к последнему решительному сражению.

Но уже поползли слухи о переговорах.

Утром 11 ноября 1918 года получена радиотелеграмма из Штаба Главнокомандующего о прекращении во-

Лагерь Сатори. Военная псарня. Двойная упряжка.

РУССКИЕ НЕВОЛЬНИКИ ЖОРЖА КЛЕМАНСО

Справка I бюро военного министерства Франции

Состояние умов русских, гражданских и военных, находящихся сейчас на территории Франции, плохое.

По-видимому, их цель — создать во Франции трудности и даже опасные движения, чтобы привести к заключению мира. Представитель Генштаба привлек к этому внимание межминистерского комитета национальной безопасности. Префект полиции открыто заявил о серьезных опасениях, которые вызывают у него русские, и даже сказал, что если во Франции разразится революция, виновными в этом будут русские. Он выразил мнение, что 2 тысячи из них должны быть выселены. Представитель Генштаба указал на необходимость осуществ-

сывание по всей Франции. Последнее опасно, потому что следствием этого будет создание смутянами многочисленных очагов. В любом случае следует указать на опасность, которую представляет сейчас нахождение во Франции большого числа русских, гражданских и военных. Первые проживают среди нас без определенной ясной цели, создают организации или группы, за которыми трудно наблюдать и которые являются причиной большой озабоченности для гражданских властей. Другие, военные, — праздновавшие. Они создают опасные центры, за которыми также трудно следить. Их численность постоянно возрастает за счет «беглецов», прибывающих через Швейцарию с довольно большими суммами, и это не кто иные, как агенты на жалованье наших врагов.

Чтобы предотвратить опасность, которая исходит от такой ситуации, Генштаб считает необходимым: 1) удалить из Франции каждого русского военного, присутствие которого не необходимо; 2) приступить к строгой проверке условий и мотивов пребывания всех гражданских русских лиц для выселения нежелательных.

Чтобы не вызвать беспокойства России такими мерами, следовало бы распространить их на всех иностранцев из нейтральных и союзных стран. Результат от этой чистки был бы, конечно, очень благоприятным. Объяснить это можно было бы: а) интересами национальной безопасности; б) потребностями в снабжении, которые таковы, что позволяют кормить и обогревать только тех иностранцев союзных и нейтральных стран, присутствие которых необходимо.

Вопрос, поставленный таким образом, в компетенции правительства.

15.X.1917.

ЦХИДК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1041. Л. 413.

Шифрованная телеграмма командующего французскими войсками в Северной Африке в военное министерство Франции
№ 21607/R

Алжир, 28 мая 1918 г.

Вашим циркуляром № 28244—2/10 от 13 мая и телеграммой № 10220SL/11 от 19 мая вы сообщили мне, что юридически не должно быть никакой разницы между непокорными русскими военными Северной Африки и русскими, добровольными работниками в метрополии. Позволю себе указать, что эти решения создают очень опасную ситуацию вокруг этих контингентов, и прошу четких инструкций по использованию, при необходимости, мер и санкций в случае мятежа, коллективного неповиновения приказам, массовых побегов и т. д. В настоящее время из дивизии в Алжире совершено 37 побегов. Поиски очень затруднены и невыгодны туземцам, так как, согласно вашей ноте № 28838—2/10 от 17 мая, не полагается премии за поимку беглецов. В ожидании вашего решения по этим срочным вопросам, если вы не возражаете, я даю инструкции командующим русскими частями строго придерживаться при вышеуказанных нарушениях предписаний статей 71 БО т. 75 и 195 БО т. 57 в соответствии с содержанием вашей телеграммы № 1036 9/11 от 10 февраля. Я также приступил к изучению вопроса создания и размещения второй дисциплинарной части, месторасположение которой будет зафиксировано после согласования с генеральным губернатором. В эту часть будут направляться непокорные, виновные в тех нарушениях, которые указаны выше.

ЦХИДК. Ф. 198. Оп. 5. Д. 58. Л. 174.

Из письма солдата из Салоник (на русском языке)

Вы уже, наверное, знаете, что нас отправляют в Новороссийск к Деникину. Не осведомлены ли Вы, куда он нас дева? 3 дня тому назад приехал обратно врач N (врач старого закала и антибольшевик), тот, который провожал первый эшелон. Он рассказывал, что когда прибыли в Новороссийск, то им пришлось 2 дня стоять и быть без пищи, и ни один русский их за это время не посетил. Затем какой-то французский капрал распорядился дать пищу, и выдали борщ и кашу. Вскоре стали высаживать из парохода и делали посадку в вагоны ж.д., который подходит к пристани, встречали их не с музы-

кой, а со штыками и винтовками армий добровольцев. Говорят, что солдат отправили в лагерь военнопленных в 300 верстах от Новороссийска, что дальше будет с ними, неизвестно. Говорят также, что под угрозой смертной казни принуждали записываться добровольцами в армию Деникина, что украинцев, живущих в местности, занятой армией Деникина, отпускают на 1—2 мес. После этого срока они мобилизуются. Тем, у кого родина занята большевиками, говорят: будете себе путь прокладывать грудью... Дух солдат после этих рассказов стал плохим, и каждый про себя решил, что своего родного семейства он не увидит, и вследствие этого снова начались у нас побег из лагеря. Поэтому прошу Вас, нельзя ли нам выяснить вопрос, что же делает с нами Деникин. Неужели он поступает так бесцеремонно и бесчеловечно и об этом не знают социалисты, которые бы, мы уверены в этом, не позволили сделать это!

Этот же N рассказывает: большинство вольной публики симпатизирует большевикам и с нетерпением ждут их возврата. Дороговизна баснословная: коробка спичек 3 р., хлеб 5 р. фунт и т. д. При большевиках хлеб стоил 8 коп. фунт. Так рассказывают ему цивиличные.

ЦХИДК. Ф. 1345. Оп. 1. Д. 168. Л. 69, 70.

Инструкция славянского бюро военного министерства Франции, определяющая отношение к русским солдатам, находящимся во Франции

№ 1569—SL/11

27 февраля 1919 г.

СТАТЬЯ I

А. Русские солдаты, находящиеся во Франции, с настоящего времени делятся на 3 категории: легионеры, работники, пленные, репатриированные из Германии.

Б. Русские солдаты, входящие сейчас в Русский легион, будут направлены в Восточную армию, если они выразят такое желание. Те, кто откажется уехать в этом качестве, будут переведены в трудовые роты.

Начиная со вступления в силу настоящей инструкции прекращается набор в Русский легион. Русские солдаты, как и ранее, свободны заключить контракт о вступлении на 5 лет в Иностранский легион.

В. Работники сохраняют их нынешнюю организацию такой, какой она предусмотрена инструкцией от 22 июля 1918 года. Генерал, командующий базой, должен будет реорганизовать роты в соответствии с условиями.

Г. Русские пленные репатриированные будут переданы в распоряжение службы использования рабочих рук в сельском хозяйстве по мере составления ею заявок. Как только они покинут зону расположения армий, они перейдут в распоряжение генерала, командующего базой, которому они будут административно подчиняться согласно существующим правилам, установленным для работников.

Русские репатриированные пленные, которые откажутся работать или которые будут признаны заведомо нежелательными, будут сохранены в зоне действия армий в спецотрядах. Они останутся до нового приказа в подчинении генерала, главнокомандующего. Отношение к ним будет определяться нотой Генштаба от 5 февраля 1919 года № 6.385 Д.А.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Выдержка из ноты № 6.385 от 5 февраля 1919 г.

Русские, отказывающиеся работать или демонстрирующие неповиновение или подозревающиеся в боль-

шевизме, будут объединены в спецотряды, абсолютно обособленные от других:

1. Они не будут иметь право в таком случае ни на какое пособие, будут иметь право только на минимальный рацион содержания максимум в 2 тыс. калорий. Распределение мяса максимум 2 раза в неделю. Из жидкости только вода. Не будут получать бесплатно никаких продуктов питания. Для обеспечения их существования будет предоставлено представительское пособие на питание в размере 1,06 фр.

2. Они будут расквартированы в закрытых лагерях с надежным ограждением, которые не могут быть преодолены. Охрана этих лагерей будет строго обеспечена. Русские не смогут выйти оттуда в одиночку. Могут быть разрешены только переходы, необходимые для гигиены, осуществляемые группами, надежно обеспеченными охраной.

Эта категория способна содержать опасные элементы с точки зрения антипатриотической пропаганды. Поэтому русские, входящие в эту категорию, не будут иметь никаких связей с гражданским населением, и контакты между русскими солдатами этой категории и французскими солдатами, охраняющими их, должны строго пресекаться. Необходимые рапорты об исполнении служебных обязанностей должны быть сокращены до крайнего минимума и подвергаться проверке.

ЦХИДК. Ф. 198. Оп. 17. Д. 485. Л. 11—12.

Из доклада уполномоченного Российского Красного Креста в эмиграции о деятельности за 1919 год

Когда русский генеральный консул представил полковнику А. по моей просьбе пожелание о перемене места стоянки 19-го батальона, в котором в силу возмутительных санитарных условий наблюдалась неимоверно большая смертность, и указал, что на нашем кладбище не хватает места для всех умирающих 19-го батальона, последовал ответ: а зачем эту сволочь хоронить на кладбище? Мы ее зароем на Малом Буруне, там места много... О несчастных солдатах русской дивизии, попавших в 3 категорию, можно сказать, что они физически и морально пострадали больше других. Днем и ночью окруженные густой цепью чернокожих часовых, лишённые не только права отпусков, но и простого выхода за проволоку, они находились в положении гораздо худшем, нежели военнопленные. Работать приходилось по 6 часов в сутки, но работа была каторжная: приходилось гранить камни для проводимых союзниками в Македонии шоссе. За отказ от работы, хотя по болезни, за малейшую провинность дисциплинарного свойства их жестоко наказывали, причем наказание не только не соответствовало степени проступка, но носило характер инквизиционных приемов. Эта мрачная картина бледнеет, однако, перед описанием жизни в дисциплинарной роте, которую даже официальные бумаги называли «ротой каторжников». В жизни этой роты, по-видимому, не действовали никакие законы нормального времени и нормального положения... Из батальонов люди приходили в таком ужасном физическом и моральном состоянии, что я его ни с чем не могу сравнить, несмотря на то, что за время своей работы на Балканах в течение 7 лет был очевидцем всякого рода балканских зверств. Все мои протесты на месте обычно никакого успеха не имели.

Публикация
СВЕТЛАНЫ ПОПОВОЙ

КРАСКИ ВОЙНЫ

ТАНКИ И БРОНЕАВТОМОБИЛИ

Великобритания стала первой в мире страной, применившей танки в бою. *Первый сверху* (здесь и далее речь идет о машинах, расположенных на левой половине разворота) — тяжелый танк MkV

(со звездой) —

«самец». Танки серии «V» были самыми массовыми английскими танками (изготовлено 1032 штук); изображенная модификация отличалась наиболее мощным вооружением:

две 57-мм пушки и 4 пулемета.

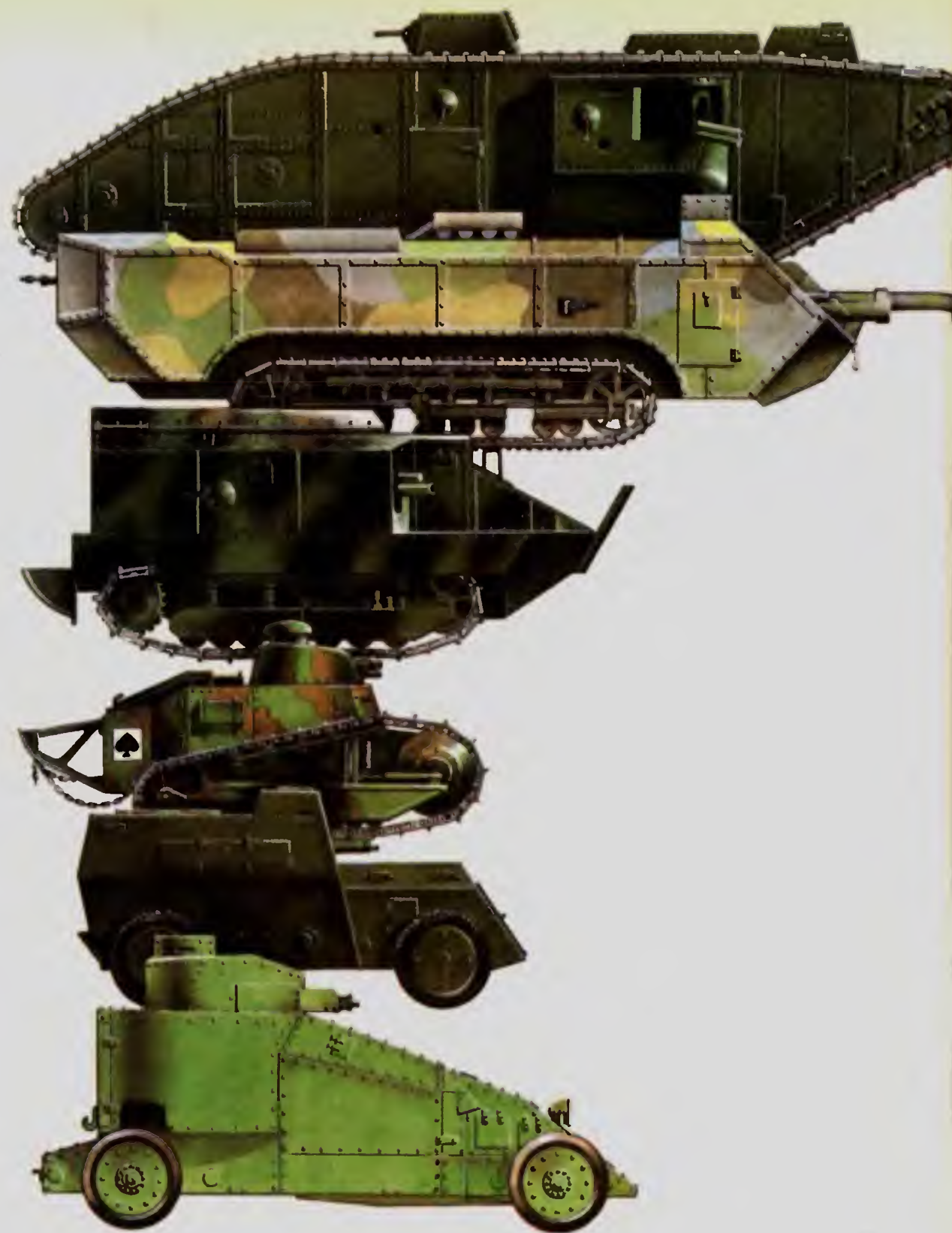
Второй сверху — средний танк «Сен-Шамон М.16» (Франция).

Вместе со средним танком «Шнейдер М.16, тип С. А.» (*третий сверху*) он впервые был применен французами 16 апреля 1917 года.

Ниже — самый массовый танк первой мировой войны: легкий танк «Рено FT» (Франция), начавший поступать в армию с марта 1918 года. До конца войны их было изготовлено 3177.

Россия, своих танков не производившая, представлена броневыми автомобилями отечественного производства: «Руссо-Балт М 1914» (*второй снизу*) и броневым автомобилем Мгеброва (*внизу*) (боевой вес 4,5 тонны и 3,5 тонны соответственно).

Германия (правая половина разворота) представлена единственным серийно выпускавшимся танком — тяжелым «A7V» (всего построено 20; первый бой — 21 марта 1918 года) и броневым автомобилем «Эрхард 1915».

А. Колесник, С. Щеглов
консультант А. Степанов

НА ЛИНИИ ОГНЯ И СМЕРТИ

В 1275 ГОДУ МАГИСТР ЛИВОНСКОГО ОРДЕНА ЭРНЕСТ ФОН РАТЦЕБУРГ ОСНОВАЛ НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ ДВИНЫ ЗАМОК ДИНАБУРГ.

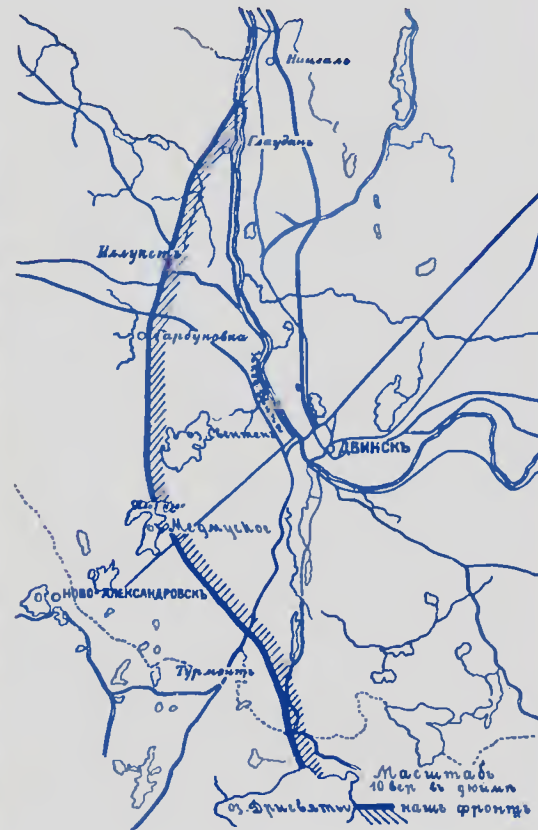

ИЗ КАЛЕНДАРЯ «ДВИНЧАНИН» НА 1914 ГОД:

...Князья Полоцкие и Литовские враждебно смотрели на вновь возведенный замок и всеми силами старались его разрушить. Едва окончена была постройка, как литовский князь Тройден напал на замок (1277) с намерением сжечь деревянную крепость. Усилия литовцев, которым помогали и русские, оказались тщетными...

...В 1481 году во время войны великого князя Московского Иоанна III с Ливонскими рыцарями в числе других был взят и Динабург. Гроссмейстер Кеплер, доведенный до крайности русскими, отдал (1559) несколько польских замков, в т. ч. и Динабург, под залог польскому Королю Сигизмунду Августу...

...Во время войны Иоанна Грозного с Королем Баторием русские войска, в числе которых находился сам царь, овладели и Динабургом. Некоторое время царь прожил в этом городе. В следующем году поляки взяли обратно Динабург, вследствие коварства коменданта полковника Плетера, который, напоив русских, ночью впустил в замок поляков...

В 1600 году Динабург был осажден и взят штурмом войсками герцога зюдерманландского, четверть века спустя чуть было не перешел в руки шведского короля Густава Адольфа, нападение которого было остановлено смоленским воеводой Александром Гонсевским.

Но уже в 1656 году город достался русскому царю Алексею Михайловичу, а ратные люди его, как сообщают разрядные книги, «дворы и костелы выжгли, а немецких людей высекли». Тогда же Динабург был переименован в Борисоглебск и назывался так в течение четырех лет, до 1660 года — времени заключения Оливского трактата, возвратившего Динабург Польше. В 1772 году город был присоединен к России, и только спустя столетие произошла повторная русификация названия: в 1893 году Динабург стал Двинском. За это время город принимал бои с корпусом французского генерала Марселина Марбо и войсками генерала Рикорда (1812), который, войдя в Динабург, приказал срыть укрепления и разрушить только что начатые постройки крепости. Впоследствии крепость была до-

строена русскими военными инженерами-архитекторами Геккелем и Климовым. В течение минувшего столетия она прославилась частыми посещениями коронованных особ (в особенности, сюда любил приезжать Николай I), а также своими знаменитыми узниками: в крепости четыре года отбывал заключение Вильгельм-Людовик Кюхельбекер, бежавший в Варшаву после восстания декабристов, а несколькими десятилетиями позже Н. А. Морозов* — народоволец, участник покушения на Александра II, впоследствии ученый.

Девять гербов сменил с XIII столетия этот переходивший из рук в руки город, оставаясь по воле истории неизменным перекрестком европейских войн. Не могла обойти его стороной и первая мировая...

«ПОЕЗЖАЙТЕ И СМОТРИТЕ САМИ...»

...В 1914 году уже не было Динабурга и еще не было Даугавпиля — был Двинск. «Город Эн», как назвал его писатель Леонид Добычин в одноименном романе. Город, в котором жило около 120 тыс. человек, располагавшихся 572 десятинами пахотной земли, 257 — сенокосной, 735 — леса, 528 — воды; где было 10 890 квартир стоимостью от 17 до 35 рублей в месяц; функционировал водопровод, канализация, значилось 350 телефонных номеров...

...Город, в котором я родился, я назвал милым не из чувства благодарности за то, что здесь я впервые увидел дневной свет, или за то, что здесь меня впервые выпороли. Он был милым, как выразился бы Кант, как «вещь в себе». Правильно распланированный, чистенький, с двумя бульварами (тогда еще не знали парков культуры и отдыха), с вместительной соборной площадью, с чудесной рекой и высокой — для защиты от наводнений — дамбой, усаженной аллеей разросшихся дубов, с... Да разве можно перечислить все «с»? Поезжайте и смотрите сами! Нет, лучше не смотрите, потому что вы увидите сейчас не то! Вы не узнаете вокзалов. Вы увидите трамвай, которого не было в помине, автомашины, о существовании которых тогда не подозревали, вы увидите много новых домов, но вместо нашего и некоторых других зияющие дыры — памятные знаки второй мировой войны. Вы не увидите вовсе извозчиков с бляхами, номерами и тощими клячами.

На другом берегу реки было захудалое местечко Гривка, уже в Курляндской губернии вне черты оседлости. Но когда зимой крепкий лед сковывал реки, на льду сходились интернациональные бригады с обоих берегов, и кулачный бой нередко кончался тяжелыми увечьями.

Я не был в своем родном городе 42 года. Но с каким удовольствием сейчас, глубоким стариком, я прошелся бы (насколько хватит ног и дыхания) по дамбе, этому излюбленному когда-то месту поэтических прогулок. Прошелся хотя бы для того, чтобы сравнить,

* С неопубликованным наследием Н. А. Морозова мы предполагаем познакомить читателей в последующих номерах журнала.

так ли скрипят длиннущие весла плывущих плотов, так ли трутся и кряхтят перевязанные бревна, так ли стоят на плотках шалаши и развеваются дымки огня на воде. До возвышенного берега, где я стоял и смотрел, доносились то песни, то ругань плотогонов, от которых требовалась не только большая сила, но и искусство. И не раз река несла по течению отдельные бревна плотов, разбивавшихся то о пороги, то о быки железнодорожного моста, то налетая друг на друга.

Для меня в потоке плотов, сменявших один другой, и в детстве, и в юности было что-то таинственное, манящее, притягательное. И сейчас на старости мне этот плывущий поток плотов представляется самой жизнью — с ее тяжелыми усилиями длинных весел и стонами трудящихся бревен.

Кой в каких учебниках можно было прочесть, что Двинск замечателен крепостью, построенной польским королем Стефаном Баторием. Признаться, я никогда не интересовался, какие приключения привели этого воинственного короля в Двинск и побудили его построить крепость, о которой можно было бы сказать очень много, прибавив лишь частицу «не». Крепость не подвергалась окружению сотысячной армии, не выдерживала ста дней осады, не питалась кониной, не делала опасных вылазок, но и не вывешивала, за ненадобностью, белого флага капитуляции. Эта старушка, которая хотела казаться молодецкой, нещадно дряхлая, но вал и ров были все-таки романтичны. Однако звание «крепость» щекотало самолюбие городских патриотов. Впрочем, она была еще достаточно крепкой, чтоб держать на хорошем замке особо избранных политзаключенных. Для обыкновенных политиков, так же, как и для многочисленных уголовников, была другая тюрьма: ослепительно красная, живописно расположенная, скроенная из добротного кирпича с высокой стеной вокруг и надежными решетками*.

Этот отрывок из воспоминаний о двинском детстве принадлежит перу Григория Викторовича Рочко (1886—1959) — выпускника экономического факультета Политехнического института в Санкт-Петербурге, впоследствии — литератора, критика, поэта, философа, корреспондента В. В. Розанова, который даже процитировал одно из писем Рочко в «Опавших листьях», обозначив, впрочем, его имя одним только инициалом — «Р (талантливый еврей в Москве)».

Первая мировая и прочие трагические события нашего века далеко разбросали жителей Двинска. И если архив Рочко хранится сейчас в Израиле, то мемуары другого двинчанина — Юделя Флиора — вышли в свет на английском языке в Йоханнесбурге. Одна из глав рассказывает о войне следующее.

«ПОЕЗДА РЕВЕЛИ ДЕНЬ И НОЧЬ...»

Война разразилась 27 июля 1914 года на восточном фронте. На стенах Двинска были развешены распоряжения, что все мужчины в возрасте до 43 лет должны

* Публикация Р. Тиенчика (Иерусалим).

явиться на мобилизационные пункты в течение трех дней. Всех, кто попытается избежать мобилизации, ждала смертная казнь. Отцы, сыновья, братья, возлюбленные — все шли на пункты. Евреи ждали третьего дня, который выпал на Тышебьев¹. Это расценивалось как плохое предзнаменование. И так и случилось, с этого самого дня у евреев начались бесконечные беды и напасти.

На каждом мобилизационном пункте был свой врач. Он быстро расправлялся с рекрутами; и слабые, и сильные, и высокие, и маленькие отправлялись как дееспособные на военную службу. Их направляли на склад, где им выдавали военную форму, и отправляли в Вильню, который стал главным сборным пунктом для этой части страны.

Перегруженные солдатами поезда проходили через вокзалы Двинска. За ними ехало их снаряжение: винтовки, пулеметы и пушки. Как и во время войны с Японией, русские правители были уверены в своих силах и заявляли, что они поставят Германию на колени за 3 месяца. Солдаты пели песни «На Берлин! На Берлин!» и танцевали под брэнчание балалаек.

А вот что рассказал солдат-еврей из российской армии, которому удалось спастись:

«Когда русские пробирались от Эткупена до Инсбурга, они не встретили ни единого немца. На полях созрел хлеб. Удиравшие немцы оставили свои дома и свой скот. Продвижение русских было таким быстрым, что в какой-то момент они поверили, что конец Германии очень близок. И тут русская армия дошла до Мазурских болот. Им был отдан приказ двинуться прямо в болото — это был приказ Ренненкампа.

В результате этого они потеряли 3/4 своей армии, так как немцы контратаковали и отрезали им путь к отступлению. Остальные были взяты в плен, за исключением нескольких тысяч, которым удалось убежать».

Ренненкампф был не единственным немцем среди верховного командования, были и другие высокие чины, приближенные царя, известные своими прогерманскими симпатиями. Главой Двинского гарнизона тоже был немец, фон дер Остен Дрезден. Островским полком командовал фон Флейшер, Юровским — барон Гетрович. Среди нижних чинов армии также встречались немцы, Двинск не был исключением.

После разгрома в Мазурии пала крепость Ковно, а с ней — огромные склады с оружием, амуницией и продовольствием. Немцы снова обратили свое внимание на город Вильню. Двинск стал важным стратегическим пунктом в войне и центром госпитализации раненых солдат. Солдат, которые пели и танцевали, когда ехали на фронт, теперь выносили с поля боя на носилках стонущих и кричащих от боли.

Двинский госпиталь находился внутри крепости. И он, и другие госпитали были до отказа забиты ранеными солдатами. Матрасы лежали на полу в коридорах. А когда положение на фронте ухудшилось, то многих клали просто на голую землю во дворе. В Двинск направляли артиллерию, кавалерию и пехоту. Он становился важным военным центром. Русский генерал, командующий 5-й армией (Плеве. — *Ред.*), находился в Двинске.

В результате скопления такого большого числа солдат в городе развилась торговля, он стал богатеть.

Между тем русская армия продолжала нести потери.

Теперь призвали всех белобилетчиков. Великий князь Николай Николаевич, известный антисемит, всячески содействовал тому, чтобы Ренненкампа оставили на посту главнокомандующего. Поражения на фронте Великий князь относил на счет России, в которой происходили еще большие катастрофы, чем на фронте. Екатерина как-то произнесла: «Люди рождаются, а земли нет». Кажется, Великий князь думал точно так же, когда жертвовал народом России на полях сражений со щедростью, дотоле неизвестной. Сто тысяч русских солдат отдали свои жизни за короткое время на полях сражений под Ковно и Вильню и на подступах к Двинску. На всем протяжении дорог, на сотни миль, на сколько мог видеть глаз, чернели могилы тех, кто погиб здесь. И среди них было разбросано несколько еврейских могил. Но нimalo не смущаясь, Великий князь призывал под свои знамена все новых и новых солдат. Казалось, он решил задержать наступление врага массивной стеной человеческих тел. Но враг не был остановлен.

Главнокомандующий решил найти козла отпущения. И как всегда, эта роль выпала на долю евреев. В один прекрасный день известная газета, субсидируемая правительством, вышла со статьей, где евреи жирным шрифтом были объявлены виновными в поражении России. Их обвинили в появлении прогерманских симпатий и в шпионаже в пользу врага. Появилась даже карикатура, изображающая еврея и немца, пожимающих друг другу руки, и еврея, набивающего свои карманы немецкими марками. Все больше и больше оскорблений посыпалось на евреев.

В 1915 году, вскоре после еврейского праздника Швуес, царь издал указ, обязывающий всех евреев покинуть Литву. Это вырывание с корнем массы людей, их отправку за тысячи миль от родного дома следует считать одним из самых больших бедствий, которые выпали на долю евреев. При этом вынужденном бегстве оставались дома и дела, а также урожай на полях, которым они владели в партнерстве с несевреями. Но полицией был отдан приказ, и евреи обязаны были тотчас его исполнить. Никаких уступок не делалось, и людям даже было отказано в праве посетить в последний раз могилы ушедших родных. Беженцам, однако, был предоставлен бесплатный проезд. Старые, молодые, женщины, дети — все несли столько узлов, сколько могли унести. Те счастливицы, которые имели подводу, предлагали помощь соседям и друзьям. Крестьянам оплатили перевозку евреев, живущих далеко от железной дороги, к поездам, которые ждали евреев, чтобы отвезти их далеко в глубь России. В 12 часов дня все евреи были собраны на вокзалах своих деревень и городов в соответствии с указом.

Среди уезжавших было 16 членов семьи моей жены. В Двинске евреи праздновали Швуес, не зная того, что рядом, через границу, в Литве, евреев тысячами загоняли в товарные вагоны и в другие средства транспорта и отправляли от линии фронта. Не слы-

шали они также заполнивших воздух криков и стенаний евреев, призывающих Господа защитить их от страданий.

Я находился в синагоге, когда меня вызвал молодой человек. В вестибюле я увидел свою жену, которая, дрожа от страха как осиновый лист, рассказала, что на Петербургском вокзале находится четыре тысячи беженцев-евреев, направляемых в глубь России, и что им необходимы чай, молоко и медицинская помощь. Когда я объявил об этом молящимся, они сняли «талесы» и сразу же бросились в свои дома за снедью и принесли узлы с едой и всем, что они могли принести из дома, чтобы облегчить участь беженцев. Когда я приехал на вокзал и увидел пеструю массу людей, то с отчаянием подумал о будущем человечества. В то время я еще не знал, что нас ждут еще большие несчастья и испытания.

Восемьдесят товарных вагонов стояло на одной из железнодорожных линий. Они были без крыш. Беженцы покрывались копотью. У одного вагона я увидел еврея, стоящего и читающего молитву. Слезы ручьем текли по его щекам. В другом вагоне я услышал: «Дайте дорогу, жида! Проявите уважение к мертвым!». Мимо проносили трупы. В других вагонах евреи, одетые в талесы, молились. Вагоны везли кучи нищенского еврейского тряпья.

Спустя час извозчики из Двинска устремились на Петербургский вокзал. Прибыли два врача. Была организована комиссия по наблюдению за распределением питания. Детям дали шоколад. Печники соорудили печь, на которой готовили пищу. Целый вагон хлеба прибыл из христианской пекарни Митрофанова. Здесь были буханки, бублики и даже лакомства. Митрофанова благословляли за проявленное им сострадание. Молодые еврейские девушки из Двинска вошли в вагоны и засучив рукава стали выметать мусор и наводить порядок. Врачи вакцинировали сотни детей. Выстирали белье; вымыли и расчесали волосы детям; а священники позаботились о мертвых.

Немцы подошли к Двинску, а на юге приблизились к Украине. Они увозили из России все, что могло помочь им в ведении войны, даже церковные колокола. Вильню и пригород были заняты немцами. В Двинске строились оборонительные укрепления, редуты, рылись траншеи. К городу подтянули огромное количество артиллерии, чтобы защитить Двину во что бы то ни стало.

Большинство богачей распродали свое имущество и бросились искать спасения в городах, удаленных от линии фронта.

По мере того как приближался фронт, военные госпитали в Двинске пополнялись больными и ранеными. Очень не хватало санитаров-носильщиков. На помощь пришла добровольная пожарная бригада. Она заняла позиции на вокзалах, куда должны были прибыть вагоны с ранеными.

Когда добровольцев уже не хватало, проводить определенное время на этих работах стало обязанностью каждого. Целые дома были вовлечены в это. Очень многие откупались взятками, чтобы не работать. Вообще, взяточничество стало характерной чертой жиз-

ни в то время. Город постоянно погружался в состояние беспокойства. В добавление ко всем несчастьям прибыли донские казаки. Они нагнали страху, особенно на женщин, грабили магазины. По мере того как война разрасталась, замирали торговля и производство.

Немецкая армия была остановлена в районе Ракешик, Камаи, Поидел, Поналунки и Траскун. У этих пунктов немцы собирали свои силы, чтобы сделать последний бросок на Двинск. И однажды новый кошмар обрушился на город. С неба послышались взрывы: Двинск пережил первый воздушный налет. Самолет летел на очень большой высоте, делая круги над городом. Бомбы падали на Петербургский вокзал, на крепость. Война все больше и больше проникала в жизнь двинчан. Во время первого налета немецкий самолет сбросил бомбу, которая упала как раз в середине базарной площади. Паника и крики, которые последовали за этим, закладывали уши. Христиане крестились, а евреи рвали волосы на голове. Вокруг бегали полицейские и санитары с носилками. В результате погибло пять человек, еще сорок было ранено. Тех, кто упал в обморок от страха, было бесчисленное множество.

Налеты привели в конце концов к началу эвакуации. Государственный банк вывез все свои деньги. Из муниципальных учреждений и крепости были изъяты все важные документы. Вывезли свои семьи офицеры. И вдруг случилось чудо — правительство предоставило поезда для эвакуации беженцев. Все, кто желал уехать, могли это сделать за государственный счет. Евреи радовались. Они упаковывали свои нищенские пожитки в узлы. Три четверти населения Двинска покинуло домашний очаг. Телеги, товарные вагоны, платформы для перевозки скота были забиты убегающими людьми, как бочки селедками... Поезда ревели день и ночь, и ни один человек в мире еще не знал, какова же будет его дальнейшая судьба*...

ЗАКАЗНИК ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

Итак, война выдвинула Двинск на линию огня и смерти. За три года, которые город был, по сути дела, прифронтовым, его население сократилось в четыре раза; предприятия, учебные заведения, даже электростанция и телефонная сеть были эвакуированы в глубь России. Вокруг города пылали пожары, сам он был почти полностью уничтожен артиллерийским огнем. Вот что вспоминал спустя 12 лет на страницах «Двинского голоса» один из очевидцев:

Участь Двинска была, казалось, решена. Жители, слышавшие день и ночь канонаду, которая с каждым часом становилась все слышнее и слышнее и подходила к Двинску все ближе и ближе, и, видя, как из-за Двины, длинными непрерывными лентами, тянулись через мосты обозы, артиллерийские парки и транспорты, в панике бросились к вокзалам железных дорог, бросая на произвол все свое имущество и добро.

* Пер. О. Подольской.

Оставшиеся и не подозревали, какой опасности они подвергали себя. Ведь если бы немцам удалось подойти к Зап. Двине, то Двинск постигла бы та же участь, что и города Суассон, Реймс или совсем близкий от нас Илукст.

Немцы не оставили бы камня на камне, и, помимо громадного количества новых жертв среди оставшегося в городе населения, мы видели бы теперь на месте почти восстановившегося города одни лишь жалкие груды развалин. Русское командование, между прочим, предвидело возможность такого исхода первого периода кампании и построило особую железнодорожную ветку в обход Двинска, соединив ею бывшую Ринго-Орловскую ж. д. с Варшавской через станции Малиновку и Вышки.

Итак, в исторические для Двинска дни начала осени 1915 года, когда германским полчищам оставалось сделать только один последний прыжок, чтобы прикончить с Двинском, из последнего все бежало в страхе и трепете. Обозы и тыловые учреждения начали размещаться уже за Двинском. Местечко Вышки и близлежащие от него деревни стали тыловыми пунктами отступавшей V русской армии, штаб которой в одну из ночей переместился в Режицу*. По ночам стало видимым зарево многочисленных пожаров. Неприятельские аэропланы стаями стали появляться над городом и сбрасываемыми бомбами вырывали из рядов обезумевших жителей десятки жертв убитыми и искалеченными.

Все было увезено и эвакуировано из ожидавшего с часу на час своей гибели города и лишь на Церковной площади несколько десятков солдат, держась за длинные канаты, бились над снятием большого колокола Александро-Невского собора. Отходили последние поезда. Город стал мертвым и жутким, особенно по ночам. Уже два-три дня длилась его предсмертная агония, и лишь престарелый генерал Плеве, командующий V армией, чего-то медлил с отъездом из Двинска в Режицу вслед за своим штабом и часто, выходя из вагонов полевого штаба армии, нервно подходил к телеграфному отделению Рижской станции, точно чего-то ожидая. Но, видимо, телеграф выстукивал не то, что надо было командующему армией, и он с печальным лицом и со следами тяжелой думы на нем опять возвращался к себе в поезд. Старик переживал тяжелые минуты. Одного его слова было достаточно, чтобы снять с позиций изнемогавших в борьбе солдат армии и тем самым подпустить к Двинску германцев и отдать его им на гибель и разрушение. Но старик Плеве сказал: «Пока я в Двинске, ни шагу назад». Об этом узнали все, и упорней стала канонада, часть обозов и транспортов вновь потянулась за Двину. В психологии воинов и оставшихся жителей произошел какой-то перелом, вселивший слабую искру надежды на что-то.

И это что-то свершилось на утро следующего дня, ночь перед которым генерал и его немногочисленная свита провели без сна, находясь все время у телеграфных аппаратов. И под самое утро аппарат стал наконец

выстукивать то, что с таким напряжением ждал четверо суток командующий армией. Телеграф передал: «В Полоцке погружен 12-й кавказский стрелковый полк и 4 эшелонами экстренно отправлен в Двинск».

Ожила как-то вдруг маленькая телеграфная комнатка, засветились радостною надеждою глаза старика Плеве и его окружавших, и понесся по проводам в разные стороны приказ: подать все автомобили армии к товарной станции Двинска.

Как только остановились красные вагоны, из них бросились к ожидавшим автомобилям кавказские стрелки с винтовками, пулеметами и лентами патронов. Все тяжелое и громоздкое было оставлено в поезде, и, будучи налегке, стройные кавказцы быстро стали рассаживаться по автомобилям. На первые машины сел оркестр, за ним распушенное знамя, а дальше... сотни автомобилей с лесом оцетишившихся штыков.

Короткая речь Плеве закончилась крестным знаменем его и всех стрелков. Заиграл оркестр, и автомобили, один за другим, срываясь с места, понеслись по дамбе в сторону железнодорожного моста и дальше, по Новоалександровскому шоссе, в сторону Меддума, откуда ясно доносились громовые раскаты орудийной стрельбы.

Через час с небольшим уехавшие со стрелками автомобили вновь вернулись к тому же месту у железнодорожного сада, но уже пустыми, чтобы вновь принять на себя новый батальон кавказцев, выгружавшийся из успевшего прибыть второго поезда.

И опять неслись машины туда, где решалась участь Двинска. Свежие колонны кавказцев прямо с автомобилями бросались в бой с германцами и, подбадриваемые словами своих начальников, короткими, но сильными контратаками выбивали немцев из Меддума и соседних с ним участков, туда, за озеро, к лесу, и, быстро окапываясь на возвышенности по обе стороны шоссе, отбивали в свою очередь бешеные атаки немцев, решившихся во что бы то ни стало выполнить приказ своего императора и прорваться к Двинску.

Но автомобили подвозили все новые и новые колонны кавказцев, смело бросавшихся в бой, и к вечеру того же дня Двинск был спасен. Немцам не дали ступить дальше и шагу вперед, и они, засев перед самым Меддумом в окопы, из них не смогли двинуться вперед до самого 1918 года.

Но зато в 4 верстах от Меддума, ближе к Двинску, недалеко от шоссе появилось новое большое кладбище, на могильных крестах которого пестрят дощечки с именами и фамилиями воинов 12-го Кавказского стрелкового полка, отдавших жизнь свою в бою за чуждый, далекий и неизвестный им Двинск. И это кладбище бесследно ныне исчезает. Пройдет еще немного времени, и сравняются могильные холмы над кавказцами, жившими когда-то в горах, на одной высоте с орлами.

В сегодняшнем Даугавпилсе, лишь в советские годы достигшем довоенной численности населения, о первой мировой не напоминает ничто. Разве что те самые холмы да группы одинаковых крестов на кладбищах. На православном, правда, их сохранн-

лось очень немного, о месте их прежнего расположения можно судить только по ровным, напоминающим вспаханное поле, рядам холмов и канавам между ними.

Совсем другое — на даугавпилсском лютеранском кладбище. В годы между войнами немцы привели могилы своих солдат в порядок, установили стелу, на которой падающе пересчитаны все здесь лежащие: 179 германцев, 4 австрийца, 3 турка, 72 русских...

О трагической посмертной судьбе почти трех тысяч русских защитников Двинска, похороненных здесь, нам с горечью рассказывает местный краевед и фотограф Александр Александрович Ковалев-Кривонос. Даже для этого города — перекрестка стран, народов и судеб — история его жизни поразительна: прямой потомок двинских старообрядцев, он родился во Франции, его мать замучил Клаус Барбье, досталось от которого и юному Александру; пройдя лагеря, оказался в Даугавпилсе — уже в Советской Латвии. Слушаешь его рассказ — и снова вспоминаются записки очевидца из «Двинского голоса».

...Немецкое кладбище расположено в тылу германских позиций, у самой польской границы, и на нем похоронено несколько сот солдат 352-го пехотного германского полка, простоявшего на позициях с 19 декабря 1915 года до самого окончания войны. Это кладбище, заросшее теперь травой и кустарником, носит на себе следы немецкой заботливости о павших воинах.

На всех без исключения могилах поставлены памятники, сделанные из цемента, некоторые из которых поражают своею художественностью и монументальностью. Каждая могила занумерована. Еще остались кусты чудных цветов. На этом кладбище имеются «жертвы наступления Керенского».

Некоторые из могил и памятников варварским об-

разом разрушены и побиты кем-то из местных жителей. Одна могила, например, совершенно открыта, и в ней виден скелет германского солдата.

Если полуразрушившиеся могилы и кладбища германских солдат оставляют тяжелое впечатление у каждого осматривающего их, то что же можно сказать о местах вечного упокоения русских воинов? Простые деревянные кресты у русских гораздо быстрее поддались разрушению, чем массивные надмогильные памятники на кладбищах германцев, и пройдет еще два-три года, и от тех, кто отдал жизнь свою за други своя, не останется на земле, политой их кровью, даже жалкого следа, в виде земляного холмика. На большинстве русских кладбищ на могилах уже нет крестов. Они в беспорядке валяются между могилами или стоят, покосившись, с оторванными частями. Дощечки с фамилиями и именами убитых и погребенных сорваны. Нет близкой и родной руки, которая берегла бы земной след тех, кого 12 лет тому назад под звуки музыки, осыпая цветами и напутствуя бодрыми и радостными пожеланиями, провожали на поле брани...

Увы, с тех пор здесь ничего не изменилось.

Публикацию подготовили
ИРИНА МАЗИЛКИНА,
ЮРИЙ ОРЛИЦКИЙ

В рассказе использованы материалы даугавпилских ученых М. Бодрова, Б. Волковича, А. Гулбе, А. Ковалева-Кривоносова, С. Кузнецова, Л. Трукшана.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. К 1 июля 1913 г. в Двинске проживало 112 848 человек, из них — 55 686 евреев, что составляло 49,3% населения. По оценкам, в результате войн и эмиграции на 1 января 1991 года в Даугавпилсе значилось 1373 еврея (1,1% населения), а в конце 1992-го в городе осталось 300 — 400 человек еврейской национальности.

* Ныне Резекне.

Клянусь честию офицера (солдата) и гражданина в общающую церковь. Богомъ и своею совѣстью быть вѣрнымъ и неизмѣнно преданнымъ Россійскому Государству, какъ своему Отечеству. Клянусь служить ему до послѣдней капли крови, неустойно покровительству славѣ и процвѣтанію Россійскаго Государства. Обяжусь повиноваться Временному Правительству, имѣя въ возмущающему Россійское Государство, впрелѣ до установленія общаго шренія Велика Нарада, ни при неострѣтѣ Учредительнаго Собранія. Возложенный на меня долгъ службы буду вынотитъ съ полнымъ пагиде- ниемъ силъ, имѣя въ помызлѣхъ исключительно пользу Государства и не щадя жизни ради блага Отечества. Клянусь повиноватися вѣхъ поставленнымъ надъ мною начальникамъ, чина имъ по- нное посаженіе по вѣхъ случаетъ, когда то требуетъ мой долгъ офицера (солдата) и гражданина передъ Отечествомъ. Клянусь быть честнымъ, добросовѣстнымъ, храбрымъ офицеромъ (солдатомъ) и не нарушать своей клятвы изъ за корысти, розни, дружбы и пражы. Въ заключеніе данной мною клятвы осязая себя крестнымъ шменіемъ и нидепопнущую

115

каны Бессарабского уезда. Противник бил по русским полкам тяжелыми снарядами и минами, сбрасывал с аэропланов бомбы, ручные гранаты и наивное по нынешним временам, но страшное оружие — дротики, пробивавшие насквозь всадника вместе с лошады. Людские резервы были на исходе. Уберечься от потерь можно было только одним способом — закапывать в землю как можно глубже. Сколько же солдатских жизней спас военный инженер Карбышев со своими бородачами из военно-строительных отрядов, носившими на фуражках или папах латунный крест, знак ратника 2-го разряда, ограниченно годного в военное время!..

В июне 1917 года начальник инженеров 8-й армии возбудил ходатайство «о даровании подполковнику Карбышеву одного года старшинства в чине, т.е. с 9 марта 1914 года». Мотивацией для такой награды послужила «усердно-выдающаяся служба» офицера. Вскоре ходатайство было уважено, и 8 ноября 1917 года Карбышев, по-прежнему находившийся с 8-й армией на Румынском фронте, получил телеграмму: «...приказом Армии и Флоту 20 сентября вам установлено старшинство 6 декабря 1914 года».

30 ноября 1917 года начальник инженеров 8-й армии генерал Н.Г.Рыдзевский направил рапорт в Главное военно-техническое управление: «Ходатайствую о производстве в полковники на вакансию за выслугу лет и.д. старшего производителя работ вверенного мне Управления, Военного инженера подполковника Карбышева, выполняющего к 6 декабря с.г. требования ст.344/1 книги VII Свода Военных Положений 1869 года (из-

дания 1907 г.)». Но этому представлению не суждено было сбыться — декрет ВЦИК и СНК от 16(29) декабря 1917 года уравнил всех военнослужащих в правах и упразднил чины в армии.

Похабный Брестский мир предусматривал демобилизацию русской армии. 1 февраля 1918 года генерал Рыдзевский представил начальнику штаба 8-й армии И.В.Малаховскому доклад о проведении демобилизационных мероприятий, где указывалось на возможность нападения со стороны румынской армии и военных формирований Украинской республики. Для проведения фортификационных работ, позволявших армии спокойно осуществлять отход в Россию, Рыдзевский предполагал «выделить часть управления — именно отдел военного инженера Карбышева».

Листок из полевой книжки:
«Начальнику штаба VIII армии.
1918 год 4/17 февраля
№93 из Могилева-Подольского
По прилагаемому предписанию начинжарм-8 за №001567, с отделом в составе производителя работ инженера Коляновского, делопроизводителя Домбровского, государственного контролера Оранского, 3-х солдат, 17-ти военнопленных обозных и 11 парных повозок в Ваше распоряжение прибыл.[...]

Старший производитель работ, военный инженер Карбышев».

С этого дня началась служба Карбышева и его боевых товарищей, пробывавшихся домой с Румынского фронта, в Красной Армии. Потом было 6-е Военно-полевое строительство на Восточном фронте, служба в других соединениях, учреждениях и штабах.

В начале августа 1941 года профессор Академии Генерального

штаба генерал-лейтенант инженерных войск Д.М.Карбышев попал в плен к немцам. Вместе со штабом 10-й армии он отходил с западной границы, где занимался осмотром старых укреплений и оценкой их пригодности в условиях новой войны. Уничтожили его за сорок дней до конца войны в концлагере Маутхаузен за отказ работать на гитлеровцев.

Генерал Карбышев был воином до последнего дня жизни. Он и в плен-то попал после неудачной попытки отбить с насоро сколоченным из отступавших бойцов отрядом переправу через речку Зельванку у маленького поселка Зельва на Гродненщине. Но силы были неравны...

И всегда, даже в страшном 37-м году, он указывал в анкетах, что, кроме советского ордена Красной Звезды и медали «XX лет РККА», был награжден орденами св. Владимира 4-й степени, св. Анны 2-й, 3-й и 4-й степени «За храбрость», св. Станислава 2-й и 3-й степени. Посмертный Герой Советского Союза, генерал Карбышев всегда служил Родине и бесчестью предпочел смерть.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Оружие называлось так, потому что на эфес отделанного золотом холодного оружия офицера накладывался знак ордена св. Георгия.

2. В те годы при производстве в очередной чин указывалось старшинство, т.е. дата, с которой отсчитывалось пребывание в данном чине. Для офицера это имело важное практическое значение — на основе старшинства осуществлялось производство в следующий чин, назначение на вакантную должность и т.п.

3. Мирный — значит, без дополнительного отличия: скрещенных мечей на знаке ордена, тем более без банта на орденской колодке, что служило признаком награды за участие в бою.

КРАСКИ ВОЙНЫ

ЕФИМ ЕРМОЛЕНКО

РЕКВИЕМ АНДРЕЕВСКОМУ ФЛАГУ

За всю войну (1914—1918) наш флот потерял 1 линейный корабль, 3 крейсера, 11 эскадренных миноносцев, 8 подводных лодок, 10 прочих судов. Приведенный ниже список кораблей, погибших в страшные годы первой мировой, напомним нам о той великой жертве, которую принесли русские моряки на алтарь победы. Так и не отпраздновала Россия эту победу, но не их в том вина. Они защищали Родину и заслужили лучшей участи. 251 офицер и 5134 матроса — таков общий список личного состава погибших судов...

Вечная им память!

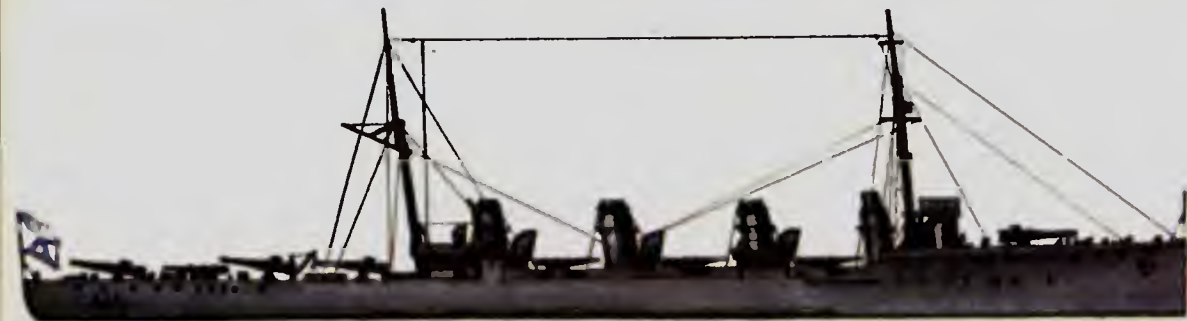
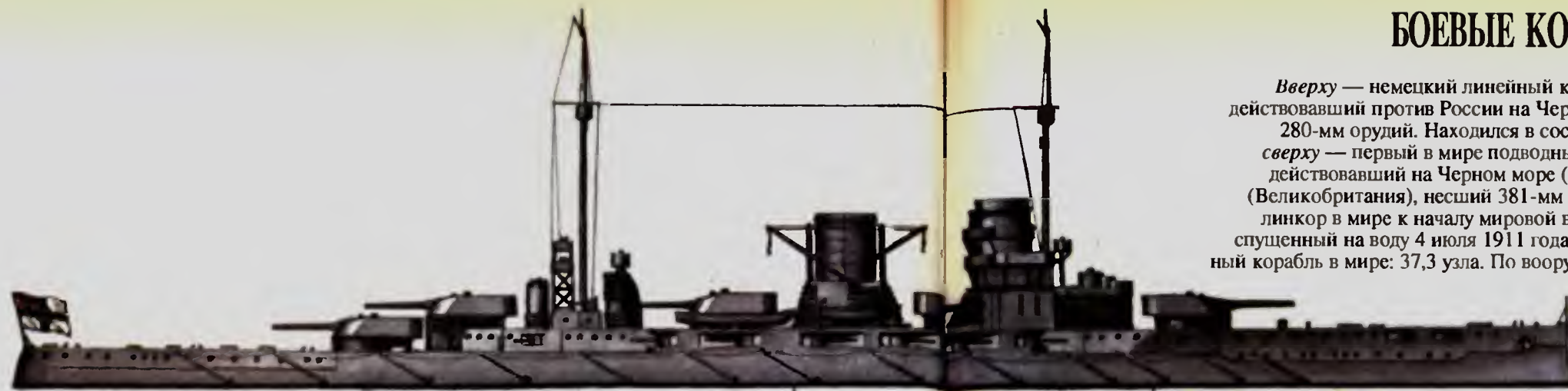
Наименование судна	Дата гибели	Водоизм.	Офицеров	Команды
1. тральщик «Проводникъ»	14.08.1914	—	—?	—?
2. тральщик № 7	9.09.1914	—	—?	—?
3. тральщик № 8	9.09.1914	—	—?	—?
4. крейсер «Паллада»	28.09.1914	7835 т	23	545
5. заградитель «Прутъ»	16.10.1914	5459 т	8	180
6. кан. лодка «Донецъ»	16.10.1914	1285 т	10	125
7. крейсер «Жемчугъ»	17.10.1914	3100 т	17	339
8. эсmineц «Исполнительный»	29.11.1914	300 т	4	61
9. эсmineц «Льтучій»	29.11.1914	330 т	4	61
10. заградитель «Енисей»	22.05.1915	2926 т	13	305
11. кан. лодка «Сивучъ»	6.08.1915	1100 т	10	130
12. эсmineц «Лейтенантъ Пушкинъ»	25.02.1916	350 т	4	60
13. подлодка «Акула»	1.03.1916	360 т	3	21
14. госп. судно «Рогтирай»	17.03.1916	—	—?	40
15. эсmineц «Живучій»	12.04.1916	350 т	4	60
16. подлодка «Сомъ»	10.05.1916	150 т	2	12
17. госп. судно «Впъредъ»	25.06.1916	—	—?	—?
18. эсmineц «Доброволецъ»	8.08.1916	570 т	5	89
19. линкор «Императрица Марія»	7.10.1916	22600 т	45	1055
20. эсmineц «Казанецъ»	15.10.1916	500 т	5	80
21. крейсер «Пересвѣтъ»	22.12.1916	12674 т	30	702
22. подлодка «Моржъ»	28.04.1917	900 т	2	22
23. подлодка «Барсъ»	13.05.1917	900 т	2	22
24. подлодка «Львица»	1.06.1917	900 т	2	22
25. подлодка «А. Г.-15»	8.06.1917	—	—?	—?
26. эсmineц «Зацаренный»	17.06.1917	605 т	5	80
27. эсmineц «Лейтенант Бураковъ»	30.07.1917	330 т	4	61
28. эсmineц «Громъ»	6.09.1917	1280 т	8	132
29. эсmineц «Охотникъ»	13.09.1917	615 т	6	92
30. эск. броненосец «Слава»	4.10.1917	13566 т	29	796
31. подлодка «А. Г.-14»	1.11.1917	—	—?	—?
32. эсmineц «Бдительный»	14.11.1917	350 т	4	60
33. подлодка «Гепардъ»	1.12.1917	900 т	2	22

БОЕВЫЕ КОРАБЛИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

Вверху — немецкий линейный крейсер «Гебен», в составе турецкого флота действовавший против России на Черном море. Основное вооружение — десять 280-мм орудий. Находился в составе турецкого флота до 1960 года! *Второй сверху* — первый в мире подводный минный заградитель типа «Краб», также действовавший на Черном море (Россия). *Ниже* — линкор «Куин Элизабет» (Великобритания), несший 381-мм орудия, — самый мощный и быстроходный линкор в мире к началу мировой войны. *Ниже* — эсминец «Новик» (Россия), спущенный на воду 4 июля 1911 года. Вплоть до 1917 года — самый быстроходный корабль в мире: 37,3 узла. По вооружению примерно вдвое превосходил самые крупные эсминцы той эпохи.

Внизу — броненосный крейсер «Рюрик» (основное вооружение — четыре 254-мм и восемь 203-мм орудий), активно участвовавший в боевых действиях на Балтике.

Рисунки Владимира Загороднева

«И СЕВОМ БОГАТЫМ В КАРПАТСКУЮ ЗЕМЛЮ СОЛДАТСКИЕ КОСТИ ЛЕГЛИ...»

Первая мировая... Песни ее, как и сама война, были преданы забвению. Сначала их перестали петь, положили в укромные уголки народной памяти до лучших времен. Но пока еще помнили — не записали, а что записали — забыли издать. Вот и выходит, что песнетворчество войны девятьсот четырнадцатого мы знаем хуже, чем песни восьмьсот двенадцатого.

...Как все начиналось? Позвал царь на войну — значит, так тому и быть. И вот уже звенит над уральским заводом готовый сорваться от слез и возмущения девичий голосок:

Что это такое?

Сразу три набора!

Взяли брата и отца,

Берут и ухажера!

А навстречу ему доносится охрипшая от выплаканных слез жалоба:

Проводила болю в бой.

Сорок суток водой!

В молоды его года

Охота ли ему туда?

Знамо дело, неохота. Потому и гуляют на всю катушку — в ostatний раз — молодые «некрута»:

Крутые берега, зачем вы осыпаетесь?

Молодые некрута, куды вы собираетесь?

Помните песню «Мы с тобой два берега у одной реки»? Устойчивый образ народной лирики, которому Бог знает сколько сотен лет, в одной связке с «некрутами» оказался не случайно.

Я под мерку становился,

Мерку вышиб головой.

Мне начальнички сказали:

— Ты — солдатик рядовой.

Был мальчишечка крут, а стал «некрут», и посыплются скоро кудерки на белую простынку полкового парикмахера, покроет крутые плечи серое солдатское сукно.

Все-те люди веселятца, нет печали никакой,

Один бедненькой мальчишка только ходит

как шальной.

Посмотрите-ко, ребята, што у наших некрутов!

Со калошам сапоги, со набором клабуки,

*У них тросточки в руках, паперёсы во устах.
Паперёса — слово тайно, я тебя не закурю,
Ты, табашный друг Наташа, я тебя не залюблю!
Полно милая сердитца, полно губу надувать,
Што нельзя-ли нам смиритца, за полиштофчиком*

*послать?
Полно, милой, пить, курить, нам недолго с тобой*

*жить!
Тебя, миленькой, забреют, мене взамуж отдадут,
Нас навеки разведут.
Разведут же нас с тобой, словно рыбочку с водой,
В поле ягодку с травой.*

И вот — следом по перрону, по насыпи вслед уходящему поезду:

Распроклятая машина, куда милого стащиyla!

Распроклятый тот вокзал, куда милого девал,

Что мне раньше не сказал?

Распроклятый паровоз, куда милого перевез?..

У машины шесть колес,

Машинист там — старый пес!

Вот так, крикнула, словно припечатала. И неважно, что в виноватых оказался не тот, кто действительно виноват в ее беде, а тот, кто первым под руку подвернулся. Такова уж человеческая природа. Это потом, на фронте, начинает шевелиться в стриженных солдатских головах догадка: «Что война? Купцы проворовались, а с нас шкуру дерут...» Вот уж чем-чем, а задним умом всегда был силен русский мужик. Что в первую мировую, что в гражданскую, что в последнюю «неизвестную войну» в Афганистане, которая на спирали нашей национальной истории должна располагаться аккурат где-то над первой мировой: уж слишком схожие следствия и в политике, и в экономике, и в настроениях людей вызвали два эти события. И вот песня, частушка, побасенка, присказка иногда вдруг так неожиданно высветит некую соотнесенность во времени:

Стали новые режимы,

Поослабило пружины,

Отдыхались с натугой,

На работу стали туги.

Пойди отгадай, про какое это время — то, предреволюционное, или наше, перестроечное, — спела, съязвила частушка...

О войне и солдатском житье-бытье могли рассказать и песни-письма — жанр народной лирики, популярный до сих пор:

Гудит колокол соборный

На чужой на стороне,

А мальчишечка проворный

Пишет к милой ко жене,

Пишет он цидулю

Про вражью пулю.

И про пулю, и про штык,

Про немецкий про язык...

Фольклор, задушевные разговоры в окопе в минуты затишья или на лазаретной койке были для солдат лучшей отдушиной. И в этих разговорах, записанных и опубликованных сестрой милосердия одного из полевых госпиталей Софьей Федорченко, и в песнях слышится чувство солдата по отношению к войне, которое можно выразить одним словом: «НАДОЕЛО!»

*Ты тоска, моя тоска,
Гробовая ты доска,
Куды глазом ни гляну,
Только видно, что войну!*

Традиционный, с тысячелетней историей, сюжет — гибель молодца на чужбине — обрел в первую мировую новые интонации:

*Я ранен, товарищ, шинель расстегни,
Подсумку скорее сними,
Дай вольно вздохнуть и в последний разочек
Ты крепче меня обними.*

*Да где ж ты, товарищ? Тебя уж не вижу...
Ты крест, что жена повязала, сними,
И, если не ляжешь со мною ты рядом,
Смотри, повидайся с детьми.*

*Скажи им: отец на далеких Карпатах
Засеял немало земли, —
И севом богатым в карпатскую землю
Солдатские кости легли.*

*Костями, да громом, да гневом безмерным
Засеял и кровью полил.
И в час свой предсмертный, о вас вспоминая,
Он с верой в посев свой почил.*

*И если он сам не собрал урожая, —
Скажи им, — пусть знают и ждут,
Что мертвые кости с далекого края
Еще за ответом придут.*

Стиль «книжный», а сюжет и центральный образ «битвы-пахоты» — очень древние. Однако в традиционном сюжете воин, готовый уже предстать перед Богом, мыслями был с теми, кого оставлял на земле:

Вы скажите, братцы,

Матушке с батюшкой низкий поклон,

Молодой жене мое почтеньице,

Малым родным моим детушкам

Вечное благословеньице...

Здесь же, в приведенной выше песне первой мировой войны, речь вроде тоже об отцовском благословении. Только вот христианское начало, человеколюбие война из солдатской души выжгла раскаленным свинцом, выколола штыком, вытравила ядовитыми газами.

«Все наново переучиваю, — услышала Софья Федорченко признание одного из солдат. — Сказал Господь, Сын Божий: «Не убий» — значит, бей, не жалей... Люби, мол, ближнего, как самого себя, — значит, тyani у него корку последнюю. А не даст добром — руби топором... Сказано: словом нечистым не погань рта, — а тут пой про матушку родную песни похабные, на душе от того веселее, мол. Одно слово, расти себе зубы волчьи, а коли поздно, не вырастут, — так на вот тебе штык да пушку, вгрызайся ближнему в ребро...»

Естественно, подобные настроения были благоприятной почвой для большевистских призывов...

Но то уже другое время и другие песни.

г. Екатеринбург

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ

ВТОРОЙ ГОД

*И год второй к концу склоняется,
Но так же реют знамена,
И так же буйно издевается
Над нашей мудростью война.*

*Вслед за ее крылатым гением,
Всегда играющим вничью,
С победной музыкой и пением
Войдут войска в столицу. Чью?*

*И сосчитают ли потопленных
Во время трудных переправ,
Забывших на полях потоптанных
И громких в летописях слав?*

*Иль зори будущие, ясные
Увидят мир таким, как встарь, —
Огромные гвоздики красные
И на гвоздиках спит дикарь?*

*Чудовищ слышны ревы лирные,
Вдруг хлещут бешено дожди,
И все затягивают жирные
Светло-зеленые хвои.*

*Не все ль равно? Пусть время катится,
Мы поняли тебя, Земля:
Ты только хмурая привратница
У входа в Божии поля.*

ГЛАВА III

Постоянные спутники N-ской батарее.

ЛЕВ + МЕДВЕДЬ

ЗА КОГО СРАЖАЛИСЬ АНГЛИЧАНЕ, КОГДА СРАЖАЛИСЬ ЗА РУССКОГО ЦАРЯ?

Участие Великобритании в войне в союзе с Россией для большинства англичан до августа 1914 года было делом немыслимым. Ну кто из них, находясь в здравом уме, мог представить гордого британского льва, сражающегося «за общее дело» бок о бок с сиволыным русским медведем?! Воображение рисовало, скорее, обратную картину, и в сознании рядового англичанина возникали стойко отложившиеся в исторической памяти поколений легендарные картины штурма Севастополя во времена Крымской кампании. Да и после Крыма между «царем зверей» и «хозяином тайги» не раз возникали острые дипломатические конфликты, едва не приводившие к новым войнам. За десятилетия соперничества двух империй в Азии английские публицисты-международники извели немало чернил, основательно втолковывая своим читателям, что «русская экспансия» представляет главную угрозу жемчужине британской короны — Индии. Правда, в 1907 году русский министр иностранных дел и британский посол в Петербурге подписали соглашение по трем спорным вопросам в Азии: о Тибете, Афганистане и Персии. Однако из этого документа вовсе не следовало (в отличие от франко-русского союза), что две державы связаны отныне каким бы то ни было союзным договором! Ревнивое отношение к восточной политике России сохранилось у англичан и после заключения петербургского соглашения.

Помимо того, что англо-русский союз противоречил традициям британской политики «блестящей изоляции», была и другая, не менее веская причина, заставлявшая рядовых англичан испытывать недоумение в связи со столь неожиданным альянсом. Благонравный Джон Булль готов был поверить (и действительно верил), что его страна вступила в войну с Германией, сражаясь за «Демократию, Свободу и Цивилизацию» против «милитаризма, деспотизма и реакции». Но, рассуждая дальше, англичанин неизбежно задавался вопросом: «А как быть с Россией?» В самом деле, присутствие царской России в одной компании с благородными защитниками идеалов европейской демократии и свободы выглядело по меньшей мере странным. У многих британцев оно вызывало откровенное чувство внутреннего протеста.

Дело в том, что Россия в массовом сознании английского общества уже давно представлялась оплотом тирании и азиатского варварства, или, если использовать известный штамп недавнего прошлого, «империей зла». Начиная с XIX века Британия давала убежище бежавшим от деспотизма царей и произвола их сатрапов многочисленным эмигрантам из России:

полякам, евреям, представителям всех поколений русских революционеров. Из уст последних с берегов Темзы разносилось по свету обличительное «вольное русское слово». Да и сами английские литераторы не раз использовали благодатную «русскую тему», легко приводя своих свободолюбивых читателей в состояние благородного негодования по поводу кошмаров сибирской каторги и жутких сцен антисемитских погромов.

В результате у многих англичан устойчивое враждебное отношение к царизму трансформировалось в неприязненное отношение к России в целом. Русские воспринимались как неевропейцы в том смысле, в каком понятие «Европа» обязательно включало в себя понятия «свобода» и «прогресс». И вот теперь эти «варвары» оказались в одной шеренге с защитниками европейской цивилизации. Словом, было от чего прийти в замешательство... Даже такой признанный мастер художественного парадокса, как Бернард Шоу, счел этот политический парадокс чересчур вызывающим. Известный драматург и социалист-фабианец дал волю своей едкой иронии в опубликованном в ноябре 1914 года памфлете «Здравый смысл о войне». В нем он утверждал, что для Англии помогать России и Японии в борьбе с Германией столь же самоубийственно, как Канаде помогать индейцам-апахам в войне против Соединенных Штатов Америки.

Конечно, сам Шоу, в отличие от иных своих соотечественников, видел разницу между русским царем и русским народом. «Мое сердце вместе с их Россией — Россией Толстого, Тургенева, Достоевского, Горького и Чехова», — писал он. Но от этого абсурд происходящего не становился меньшим. Скорее, наоборот. «Когда мы сражаемся за царя», — продолжал Шоу, — мы не сражаемся за Толстого и Горького, но за те силы, против которых Толстой гремел всю свою жизнь». И далее: «До тех пор, пока Россия не станет федерацией отдельных демократических государств, а место царя не будет либо преобразовано в почетный пост наследственного президента, либо вообще упразднено, восточная граница Лиги Мира должна быть восточной границей шведской, немецкой и итальянской цивилизаций». Отсюда следовал вывод автора «Здравого смысла о войне»: «Победа, недосягаемая без русской помощи, была бы поражением западноевропейского либерализма... Если мы не можем без помощи России победить Потсдам... тогда нам следует просто «отдать Германии лучшее» и рассчитывать на союз с Америкой ради нашего места под солнцем».

Шоу не был одинок в своей критике официального курса. Против правительственной политики выступила группа радикалов (Э. Д. Морел, Ч. Тревелиян, А. Понсонби и др.) и интеллектуалов Кембриджа, в числе которых был Бертран Рассел. (Любопытно, что всегдашний соперник Кембриджа — Оксфорд в годы войны специализировался, напротив, на защите правительственного курса.) Радикалы и пацифисты противопоставили официальному союзу с царизмом свою решительную моральную оппозицию. Они объединились в «Союз демократического контроля», проводили митинги, распространяли листовки и памфлеты, в которых осуждали альянс с Петербургом — Петроградом и всю политику Антанты. Морел издал книгу «Правда и война» и брошюру «Роль царизма в войне», а Рассел опубликовал памфлет «Политика Антанты», который он написал как ответ оксфордскому профессору Г. Марри, защищавшему правительственный курс в книге «Внешняя политика сэра Эдуарда Грея».

Неблагоприятное отношение многих англичан к царской России и энергичные выступления противников англо-русской антанты заставили сторонников блока с Россией срочно взяться за перья. В британской печати уже в первые месяцы войны стала разворачиваться невиданная доселе в Туманном Альбионе про-русская пропаганда. К делу искоренения вредных стереотипов общественного сознания были привлечены лучшие силы британского просвещения. Издательский комитет «Виктория-Лиги» предложил самому маститому эксперту сэру Дональду Мэкензи Уоллесу (свой главный труд «Россия» он опубликовал еще в 1877 году) сказать веское слово патриарха. Сэр Дональд откликнулся на эту «злобу дня» статьей «Наши русский союзник», которая тут же была издана в виде брошюры для массового читателя. Профессор Эдинбургского университета Чарльз Сароли, также задавшись целью рассеять русофобские предрассудки соотечественников, опубликовал книгу «Долг Европы России». По тематике и направленности с ней перекликалась популярная брошюра экс-профессора Оксфорда Дж. У. Макейла «Дар России миру». Другой профессор — Бернард Пэйрс, сменивший штатское платье на военный френч, выступил с книгой фронтовых зарисовок «День за днем с русской армией».

Вслед за патриотической профессурой в русофильскую кампанию включились даже детские писатели. Так, Джон Финнемор адресовал подрастающему поколению британцев книгу приключений «Бойскаут с русскими». А Фредерик Брэртон, до этого писавший то об английских десантниках, штурмующих Малахов курган, то об отважных самураях, громящих трусливых казаков в Маньчжурии, теперь живописал мальчишкам новые подвиги в книге «С нашими русскими союзниками».

Но самым активным участником военной пропаганды стал, пожалуй, молодой и полный писательских амбиций Стефан Грэхем. Этот автор, известный своими очерками странствий по России, успел за первые два с половиной военных года написать и издать четыре книги на «русскую тему»!

В первой своей «военной книге», многозначительно озаглавленной «Россия и мир», Грэхем решил дать отпор всем «недрузьям России». Естественно, что главной мишенью его огненных стрел стал Бернард Шоу, наделавший столько шуму своим «Здравым смыслом...». По убеждению Грэхема, цензор ни в коем случае не должен был разрешать к публикации этот зловерный памфлет. «Если бы какой-либо журнал в России осмелился напечатать подобные порицания в адрес Англии и союзников, — писал негодующий «друг России», — то журнал был бы конфискован, а редактор привлечен к суду и оштрафован». (По поводу этой тирады заметим: в своем праведном гнев Грэхем, видно, не заметил, что такой пример вряд ли мог расположить к России чтивших свободу печати англичан!) Грэхем обвинил Шоу в невежестве и абсолютном незнании России. Он призвал всех благонамеренных сограждан читать русских писателей-классиков, а также его собственные рассказы о странниках и «настоящей» России и «не читать Шоу и других пессимистов». Основываясь на одном негативном материале, даже если он и правдив, нельзя постигнуть истину о России. «Есть нечто более сильное, чем нагайки и погромы, на чем держится это царство», — утверждал Грэхем. Этой силой, по его мнению, был русский дух, душа патриархального мужика, его вера.

Конечно, далеко не все «друзья России» разделяли эту романтически-мистическую интерпретацию Грэхема. Такие эксперты, как Уоллес, были склонны, скорее, к прагматически-рационалистическим трактовкам реалий российской истории и политики. Но показательно, что при всех неизбежных различиях доводы «друзей России» оказались весьма схожими. Их можно было свести к трем основным аргументам, которые противопоставлялись «злопыхательству» недругов России.

Первый аргумент. Россия — это вовсе не ужасная азиатская деспотия, а замечательная самобытная страна с древними традициями общественного самоуправления. В качестве примеров из истории почтенные профессора британских университетов приводили новгородское вече и московские земские соборы.

Русские люди — это никакие не варвары, а наши братья-славяне. «Славяне, как и мы, — писал Макейл, — чистые арийцы: они являются двоюродными братьями романских и кельтских народов, имеют те же основания считаться европейцами».

Русские цари — это вовсе не кровавые тираны, а вполне цивилизованные, просвещенные монархи, которые радуют о благосостоянии своих подданных. Особенно много лестных слов было сказано в начале войны «друзьями России» в адрес Николая II. По словам Уоллеса, Николай «следует лучшим традициям своих предшественников». Он даже в чем-то превосходит их, так как проявляет в государственных делах «типично английскую любовь к компромиссу». В то же время он, без сомнения, честнейший политик (а ведь это такая редкость!) и надежнейший союзник. «Искренность и благородство царя станут залогом грядущей победы», — уверяли русофилы.

Второй аргумент. Все темные стороны российской

действительности (они, увы, есть, хотя и не в таком количестве, как принято считать) — это следствие неблагоприятных внешних воздействий, которым подвергалась Россия в своей многотрудной истории. Особенно вредоносным оказалось, как уверяли «друзья России», германское влияние, выразившееся в привнесении в Московию прусской чиновничье-бюрократической системы. Именно эта система породила произвол и все прочие безобразия, которые принес с собой «тевтонский дух». Поэтому Россия кровно заинтересована в войне с Германией, так как в ней она, по словам Грэхема, «борется за сохранение национальной жизни и религии». Победа приведет к окончательному освобождению России от порабощения «тевтонским духом» и позволит благополучно разрешить все внутренние проблемы страны.

Поэтому — и это третий аргумент — русский народ с энтузиазмом участвует в священной для него войне, а русская армия является той могучей силой, которая проложит союзникам путь к полной победе над общим врагом.

Последний тезис приобретал в глазах практичных англичан наибольший вес. Непомерно преувеличенные упования на военную мощь России являлись, пожалуй, самой характерной чертой прорусской пропаганды первых месяцев войны. Источник силы России интерпретаторы романтического направления усматривали опять-таки в мистическом «русском духе». «Война для русского солдата, — вещал Грэхем, — это великий религиозный акт... Готовность умереть — это религиозная сторона войны». По его словам, «русские солдаты идут на войну, движимые тем же духом, что и русские паломники, отправляющиеся в Иерусалим». На полях Восточной Пруссии и Польши русский мужик находит, по мнению Грэхема, тот же Иерусалим, который он искал до войны в Палестине. Причем путь через Мазурские болота даже короче. (Последнее утверждение звучало с оттенком цинизма, но сам автор, увлеченный объяснением загадочной «русской души», этого, по-видимому, не замечал.)

Даже военные неудачи восточного союзника поначалу не очень смущали трубадуров пропагандистской кампании. Сперва поражения русских просто замалчивались. Так, о сражении под Танненбергом в августе 1914 года британские газеты хранили молчание. Надо сказать, что и русская военная цензура старалась, как могла, чтобы не допустить «утечки информации». Русское военное командование, как правило, не допускало иностранных корреспондентов (даже союзников — англичан и французов) на передовую, а лишь от случая к случаю организовывало коллективные экскурсии по тыловым госпиталям и полям отгремевших батальи.

Когда же военные поражения России стали настолько очевидными, что их уже было невозможно не замечать, британские русофилы нашли новые аргументы для оправдания своего незадачливого союзника. Оказывается, сильную сторону русской армии составляло

ее непревзойденное умение вести оборонительную, а не агрессивно-наступательную войну, в отличие от германцев. Вот почему в отступлении русских ничего удивительного. Профессор Сароли приводил в качестве примера очередной урок истории, вспоминая на сей раз год 1812-й. Наполеон, устремившись на просторы России, погубил свою Великую армию; та же участь уготована и железным полчищам кайзера Вильгельма. И вообще: чем дальше на восток заманят русские противника, тем больше германских сил будет отвлечено с Западного фронта.

Конечно, английские журналисты в Петрограде (а у всех солидных британских газет здесь были собственные «глаза и уши»), хотя их и не очень пускали на фронт, видели, что дела обстоят далеко не так, как принято считать. Еще большие опасения внушало внутреннее положение в стране. Для любого объективного наблюдателя в 1916 году уже было ясно, что Россия стоит на пороге политических и социальных потрясений. Даже такой горячий сторонник англо-русского военного союза, как петроградский корреспондент «Таймс» Роберт Вильтон (его сын в начале войны в патриотическом порыве записался добровольцем в русский полк), забил тревогу в письмах к своему шефу — редактору международного отдела газеты. В письме, отправленном в Англию в ноябре 1916 года, он прямо писал, что династия Романовых находится под угрозой, моральный дух народа внушает опасения и вот-вот могут произойти ужасные события. Но редактор, которому из лондонского кабинета было «виднее», о чем должны сообщать «русские новости», попросту отмахнулся от панического письма корреспондента в Петрограде. Вместо этого в очередном номере «Таймс» от 11 декабря 1916 года была помещена передовая статья под заголовком «Россия тверда и едина». Вероятно, редактор «Таймс» больше доверял несправимому оптимисту Стефану Грэхему, который как раз в эти дни завершал подготовку к печати очередной своей бодрой «военной книги». Она называлась «Россия в 1916 году» и увидела свет в самом начале нового, 1917 года. (Авторское предисловие датировано 15 января.) Грэхем включил в книгу свой перевод полного текста Рождественского обращения русского царя к армии и обмолвился в постскрипуме к нему: «Удивительные вещи произойдут в 1917 году». Что ж, на сей раз нечаянному предсказанию суждено было исполниться, да еще как...

ИСТОЧНИКИ

1. Graham S. Russia and the World. London, 1915.
2. Graham S. Russia in 1916. London, 1917.
3. Morel E. D. Truth and the War. London, 1916.
4. Murray G. The Foreign Policy of Sir Edward Grey. Oxford, 1915.
5. Pares B. Day by day with Russian Army. London, 1915.
6. Russell B. The Policy of the Entente. Manchester & London, 1916.
7. Sarolea C. Europe's Debt to Russia. London, 1916.
8. Shaw B. Common Sense about the War/The New Statesman. 14.XI.1914.
9. Mackail Y. W. Russia's Gift the World. London, 1915.
10. Wallace D. M. Our Russian Ally. London, 1914.

XX век буквально пронизан вспышками ксенофобии, агрессивного отторжения чужой нации, веры, расы. Сценарий выдворения нежелательных инородцев и гонений на разномасштабных космополитов был талантливо выписан еще в первую мировую войну. В соавторах ходили обе воюющие группировки. Уже в речи императора Вильгельма II об объявлении войны содержалась идея превратить застрявших в Германии мирных русских граждан в военнопленных (соответствующую часть выступления кайзера не решилась напечатать полностью даже немецкая пресса [см. «Русские ведомости». 1914. 6 августа]). Другая сторона взяла под повышенный контроль прибалтийских и поволжских немцев. По указу, принятому в феврале 1915 года, у выходцев из Германии и Австро-Венгрии принудительно отчуждались земли во всем приграничном районе (на добровольную ликвидацию отводилось от 10 до 16 месяцев). Сенат постановил, что подданные враждебных государств не могут отныне пользоваться судебной защитой.

Разумеется, меры российских властей касались исключительно подданных стран противостоящей коалиции. Однако уличная толпа, всем известные «народные массы» рассудили по-своему. Эти настроения повели толпы московских обывателей в конце мая 1915 года на немецкие магазины и фабрики. Правдивые воспоминания об этих событиях, написанные в 1918 году, оставил правительственный чиновник Николай Петрович Харламов¹.

НИКОЛАЙ ХАРЛАМОВ

ИЗБИЕНИЕ В ПЕРВОПРЕСТОЛЬНОЙ НЕМЕЦКИЙ ПОГРОМ В МОСКВЕ В МАЕ 1915 ГОДА

Во второе лето Великой европейской войны, в конце мая 1915 года, в первопрестольной столице бывшего русского государства, в Москве, произошел грандиозный погром. Били немцев.

Погром продолжался три дня, с 27 мая по 29 мая, и сопровождался зверским убийством пяти лиц немецкого происхождения, в том числе четырех женщин. На лучших улицах Москвы: Тверской, Петровке, Кузнецком мосту, Мясницкой и многих других, а также и в роскошных зданиях торговых рядов были разгромлены все торговые помещения, имевшие иностранного происхождения: магазинов, складов, контор и даже частных квартир, с убытком, по определению тех из потерпевших, которые об убытках заявили, на сумму более 50 миллионов рублей.

От погрома пострадали, однако, предприятия только не одних лишь австро-немецких подданных. Наоборот, в числе потерпевших подданных воевавших с Россией держав было в процентном отношении менее, чем «русских» немцев или подданных нейтральных или даже союзных государств. Громили все магазины и конторы с иностранными вывесками, совершенно независимо от подданства или национальности их владельцев, а в некоторых случаях, по-видимому, по ошибке, даже чистокровных русских.

Петербургское правительство узнало об этом погроме... из газет. Московские власти не удосужились поставить своевременно Петербург в известность о происходивших в Москве событиях главным образом ввиду того, как затем объяснял тогдашний московский градоначальник генерал Адрианов², что телефон с Петербургом в первый день погрома бездействовал, а послать телеграмму он не успел, так как весь этот день находился безотлучно на улице. Назначенный же незадолго до погрома в Москву главноначальству-

ющий генерал-адъютант князь Ф. Ф. Юсупов, граф Сумароков-Эльстон³ не находил нужным оповещать Министерство внутренних дел, не считая себя состоящим в ведении этого министерства, ни тем менее его подчиненным. Низшие же чины администрации, как, например, начальник охранного отделения, также никому не сообщили, полагая, что это сделают высшие.

Но как бы то ни было, министр внутренних дел, которым тогда был гофмейстер Н. А. Маклаков, узнал о происходящем в Москве погроме из утренней газеты 28 мая — и вечером того же дня его товарищ и командир корпуса жандармов, свиты Его Величества генерал-майор В. Ф. Джунковский⁴ выехал в Москву. 30 мая генерал вернулся и в тот же день утром вызвал меня, занимавшего тогда должность члена Совета министра внутренних дел, к себе.

Владимир Федорович подробно мне рассказал все им виденное и слышанное в Москве и сообщил, что по приказанию министра я командируюсь в Москву, для расследования всего происшедшего. <...> 2 июня, рано утром, я приехал в Москву.

Проезжая с Николаевского вокзала <...> я был поражен видом московских улиц. Можно было подумать, что город выдержал бомбардировку вильгельмовских армий. Были разрушены не только почти все магазины, но даже разрушены некоторые дома, как оказалось затем, сгоревшие от учиненных во время погрома поджогов. В числе наиболее разгромленных улиц была между прочим — Мясницкая, на которой, кажется, не уцелело ни одного магазина, и даже с вывеской русских владельцев, как, например, контора Кольчугина. Во многих магазинах разбитые окна были заставлены деревянными щитами, на многих из которых были наклеены большие плакаты с довольно оригинальными надписями. Так, например, на одном из разгромленных магазинов в Камергерском переулке я

происходившее, упала перед рабочими на колени, умоляя пощадить ее отца. С теми же просьбами обращался к толпе полицмейстер Миткевич, который, указывая на дочь Карлсена, говорил: «какие же они немцы, раз его дочь наша «сестра». Но озверевшая толпа с криком «и ее забить надо» продолжала кидать камни. Лодка быстро наполнилась водою, Карлсен упал в воду и пошел ко дну. Было это в шестом часу дня.<...>

В доме [фабриканта Роберта] Шрадера, часть тех рабочих, манифестовавших с царскими портретами и национальными флагами, ворвались сначала в квартиру директора-распорядителя этой фабрики, уже выселенного с нее, германского подданного Германа Янсена, а затем в соседнюю квартиру русской подданной, потомственной дворянки Бетти Энгельс, два сына которой состояли прапорщиками русской армии. В квартире Энгельс пряталась жена Янсена — Эмилия Янсен, его сестра Конкордия Янсен — голландская подданная и теща Эмилия Штолле — германская подданная. Все четыре женщины были схвачены, причем двух из них — Бетти Энгельс и Конкордию Янсен — утопили в водоотводном канале, а двух остальных избили

так сильно, что Эмилия Янсен умерла на месте избивания, а 70-летняя старуха Эмилия Штолле скончалась в больнице, куда была доставлена отбившею ее полицией. Фабрику Шрадера толпа разгромила, а квартиру Энгельс подожгла, причем прибывшей пожарной команде не давали тушить пожара, а полиции убирать трупы убитых женщин. По словам полицейского пристава Диевского, пережившего ужасы московского вооруженного восстания 1905 года, он «ни тогда, ни вообще когда-либо в жизни не видел такого ожесточения, разъярения толпы, до какого она дошла к вечеру 27 мая. Это были точно сумасшедшие какие-то, ничего не слышавшие и не понимавшие».<...>

Ночью, вернувшись в градоначальство, генерал Адрианов сделал распоряжение, чтобы с фабрик были удалены все служащие на них немцы, а в полицейские участки, находящиеся в фабричных районах, были стянуты усиленные наряды полиции, причем, однако, никакого распоряжения о том, чтобы не допускать манифестантов собираться или идти в центр города, отдано не было.

День 28 мая начался с того, что с 7—8 часов утра в

Замоскворечье у разных фабрик собрались большие скопища рабочих, которые с царскими портретами, национальными флагами, пением гимна и криками «долой немцев» двинулись по направлению к городу, присоединяя по пути рабочих с других заводов и на ходу громя или пытаясь громить попадавшиеся по дороге немецкие предприятия или квартиры. Манифестирующие толпы, часто многочисленные, направлялись к Красной площади, и слышно было, что они идут к князю Юсупову просить выселить из Москвы всех немцев. Во втором часу дня вся площадь наполнилась народом, и начался грандиозный погром расположенных в Верхних рядах магазинов Эйнема и Цинделя. Все новые и новые скопища притекали сюда, а отсюда с флагами и портретами разливались по соседним улицам, где с третьего часа дня начались сплошные погромы магазинов, и притом не только немецких, но вообще с иностранными фамилиями, а иногда даже с русскими. К пяти-шести часам громили повсюду в центре города, громили и на окраинах, погромы стали сопровождаться открытым и самым беззастенчивым расхищением имущества, а к семи-восьми часам вечера вся Москва, за исключением самых отдаленных участков, была охвачена погромами и грабежами. Начались пожары — частью от поджогов, частью от неосторожного обращения с огнем громил, которые работали в разгромленных помещениях с самодельными факелами, причем с шести часов вечера до 12 часов ночи 28 мая пожары вспыхнули в тридцати местах.

Награбленные вещи совершенно открыто развозились на извозчиках и подводах по домам и за город, а также продавались тут же на улицах. Впоследствии очень много награбленных в Москве вещей было отобрано далеко за ее пределами, и не только в соседних деревнях, но и в др. городах, как, например, во Владимире, Рязани, Туле.<...>

Как и всегда бывает в подобных случаях, не обходилось и без юмористических сценок. В начале погрома, пока громилы не добрались до винных погребов и пока к ним не присоединились профессионалы с Хитрова рынка, погром сохранял некоторый как бы идейный характер: подходя к тому или иному магазину, манифестанты требовали предъявления им документов, удостоверяющих подданство или национальность владельца магазина. Некоторые из последних с сомнительными в этом отношении документами прибегали к разным уловкам, дабы удостоверить свою русскую подданность. Так, один иностранец простоял весь день в дверях своего магазина с бюстами государя и государыни в руках и при приближении каждой очередной толпы манифестантов ломаным русским языком начинал петь на всю улицу «Боже, Царя храни». Этот прием в течение целого дня спасал его магазин, но к вечеру, когда он, по-видимому, уже утомился от многочасового пения и ввиду наступившего на улицах спокойствия более не ожидал погромщиков и ушел домой вместе с бюстами, — следующая, какая-то запоздавшая манифестация разгромила его магазин дотла.

С другой стороны, к довольно оригинальному приему прибегла одна из манифестирующих групп. В этой группе несли портреты не только русского Императора и монархов союзных держав, но и портрет... Вильгельма. Я с большим удивлением выслушал это от одного из опрошенных свидетелей, который разъяснил, что портрет германского императора носили с целью

определения национальности сомнительных иностранцев. Заподозренному в немецком происхождении, но отрицавшему таковое предлагали плюнуть на портрет Вильгельма, и буде он не отказывался это сделать, — его магазин оставляли в покое. Отказавшихся не окazyвалось, и бескорыстные русские патриоты вернулись домой с совершенно заплеванным портретом Вильгельма и вполне удовлетворенным самолюбием, но зато без добычи. Среди дня манифестирующие погромщики разгромили на Ильинке большой винный магазин Вильборна, после чего погром значительно изменил свой идейный характер, приняв определенно пьяный. Кстати, было разгромлено еще несколько винных погребов, причем бутылки и бочки с вином разбивались, а содержимое их тут же на улице разливалось. На площади около Сухаревой башни разлитое вино образовало целое озеро, и очевидцы передавали, что около этого озера ползали на корточках люди, преимущественно бабы, пившие прямо с мостовой это вино. Поздно вечером 28 мая один из городских, обходя свой участок, случайно усмотрел в каком-то подвале шесть недвижных тел. Предположив, что в подвал сброшены либо убитые на погроме, либо умершие, городской решил ввиду позднего времени не беспокоить начальство и, заперев дверь подвала, ушел домой. Велико же было его изумление утром следующего дня, когда он, придя в этот подвал, оставленных им там накануне покойников не нашел, хотя дверь была попрежнему заперта. Зато окно оказалось выбитым.

По единогласным показаниям всех очевидцев погрома, полиция абсолютно бездействовала. Сами чины полиции, при допросе их, не отрицали этого обстоятельства, ссылаясь в свое оправдание частью на свою малочисленность, а частью и главным образом на целый ряд категорических воспрещений высшего начальства, вплоть до министра внутренних дел, — действовать оружием.<...>

Запрещение противодействовать погромам силою ставило классных чинов полиции, судя по их показаниям, в тяжелое положение. По словам пристава Керотича, он, участник турецкой кампании, в бою на Балканах чувствовал себя лучше, чем 28 мая в Москве, в роли чина полиции.<...> Поведение Адрианова и, главное, шествие его во главе погромщиков вселяло не только в толпу погромщиков, но и во все московское население, наблюдавшее это зрелище, полное убеждение, что Адрианов погромы разрешил. На многих местах погрома Адрианова встречали криками: «Ура!», а когда отдельные чины полиции пытались останавливать тот или другой погром, из толпы им кричали: «ты что за шишка, нам сам Адрианов ничего не говорит» или «Адрианов разрешил, так уж Вы не лезьте».<...>

Генерал Адрианов настолько розово смотрел на все происходившее, что когда князь Юсупов его спросил, может ли Великая княгиня проехать с Ордынки, где в Марфо-Марьиной обители она жила, на Тверскую, в генерал-губернаторский дом на назначенное в этот день заседание Красного Креста, Адрианов ответил, что он не видит оснований опасаться за эту поездку. Севенард не выдержал и сказал княгине Юсуповой вполголоса: «Ваше Сиятельство, это немыслимо. Великую княгиню по дороге убьют». Севенард, как, очевидно, и Адрианов, знал непопулярность Елизаветы

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементах должен быть проставлен оттиск кассовой машины

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементах проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Союзпечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Союзпечати.

Федоровны в Москве: еще утром того же 28 мая некоторые из манифестирующих групп направлялись на Ордынку с криками «бей немку» и лишь мерами полиции они не были допущены к обители. Княгиня Юсупова после слов Севенарда настойчиво потребовала, чтобы ее муж немедленно позвонил к Елизавете Федоровне и умолял ее отменить свою поездку. ...Князь пошел к телефону, и поездка Елизаветы Федоровны была отменена.<...>

Всю ночь на 29 мая погромы, грабежи и пожары продолжались, рано утром 29 мая из лагерей прибыли войска, которым в трех местах пришлось стрелять, причем жертв относительно было немного. После стрельбы беспорядки стали сразу стихать, и среди дня все успокоилось. Лишь в отдаленных участках Москвы, куда по забывчивости гражданского начальства войска не были вызваны, — Бутырском, Богородском и Петро-Разумовском, погромы продолжались до вечера этого дня. Погромная волна перекинулась и в губернию, но там она скоро была прекращена благодаря немедленно принятым графом Муравьевым мерам. Ни отдельных лиц, ни организаций, задумавших погром и им руководивших, обнаружено не было. Поэтому ли, что таковых и не существовало в действительности, или потому, что ревизоры не сумели их обнаружить, — судить не берусь. Могу утверждать лишь одно, что все возможные в этом направлении меры со всей педантичной добросовестностью Завадского и сыскной опытностью Кунцевича были приняты, но их старания не увенчались успехом.<...> Были даже проверены, насколько это, конечно, представлялось возможным, и сношения московского охранного отделения и его агентов. Но оказалось, что московский погром явился и для этого осведомленного учреждения столь же неожиданным, сколь и для всех прочих органов московской полицейской власти.

Таким образом, по-видимому, пришлось прийти к заключению, что сколько-нибудь серьезной, правильной организации погрома со стороны той или другой политической партии или отдельных лиц не было. Очевидно, погром принял такие огромные размеры совершенно стихийно, не вызвав к тому же в своем начале никаких мер противодействия. Начался же он под влиянием самых разнообразных причин, в числе которых далеко не последнюю, а может быть самую главную, роль сыграла... шестая великая держава — пресса. Она, конечно, подготовила и воспитала то чрезвычайное озлобление, которое немцы и все немецкое встречало в московских низах.<...>

...Московское население, как и вообще все русское, не только не делало никаких различий между эльзасцами и пруссаками, но и вообще между германскими или русскими немцами. Для него, как и для князя Юсупова, совсем не существовало вопроса о подданстве или принадлежности того или другого немца к данному немецкому племени. Все подданства и все национальности объединялись одним словом — немец. Народ совсем не вникал в то, что мы воюем не с немцами вообще, а только с германцами или австрийцами. Да и никто, не только пресса, но даже и правительство, не объявили народу этой существенной разницы. Травили и душили определенно немца, а отнюдь не германца, забывая при этом, что в России, начиная с Великих Княгинь и кончая Сарептскими колонистами, слыш-

ком много немцев, чтобы их всех можно было поместить в тот концентрационный лагерь «на острове за Волгой», о котором мечтал князь Юсупов.

Немцев же издавна не любили в России, и особенно в Москве, где их засилье чувствовалось, может быть, наиболее сильно, особенно в промышленности средней и мелкой. И притом, конечно, независимо от того, проявлялось ли это засилье германскими немцами или русскими. Если взять «Всю Москву» за 1914 год, то окажется, что в списке выборных Московского биржевого общества значились: Арнс, Арно, Бернс, Вогау, Гейс, Герман, Жиро, Киршбаум, бароны Андрей и Федор Кноппы, Крафт, Лист, Гуто, Мориц Маркс, Неф, Робек, Риш, Шен, Шлезингер. В числе шести старшин Биржевого комитета оказались Арно и барон Кноппи, гофмаклером Эрнст Цоппе, а биржевый нотариусом — Мельдер. Бюро хлопкового комитета состояло сплошь из немцев, так как заведующим им значился фон дер Мюлен, экспедиторами — Ален и Маршал и помощником их — Редлих.

Вот этих немцев и многих им подобных, независимо от их подданства, глубоко ненавидело все среднее и мелкое русское купечество, охотно в этом направлении поддерживавшее русскую интеллигенцию, всегда относившуюся отрицательно к немецкому, в основе консервативному, складу ума.

Всего этого совершенно не учло русское правительство. Вступив в войну с Германией, оно либо не сумело, либо не пожелало объяснить, что война объявлена Германии, а не немцам. Так же не уяснили себе этого ни главноначальствующий в Москве генерал-адъютант князь Юсупов, ни редакторы «Нового» и «Вечернего времени». Чего же было ожидать от московского масонского, разгромившего в достопамятные майские дни 1915 года свою первопрестольную?

8/21 июля 1918 года.

Публикация
ВАЛЕНТИНЫ ГРИГОРЕНКО

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Харламов Николай Петрович (р. 1871) — чиновник Министерства юстиции (1892—1906), чиновник особых поручений при Министерстве внутренних дел (с 1906), и. о. вице-директора Департамента полиции (1910—1911), член Совета министров; директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий (1916—1917).

2. Адрианов А. А. — генерал, градоначальник Москвы, после погрома уволен со службы.

3. Юсупов Феликс Феликсович старший — князь, граф Сумароков-Эльстон (1856—1928, 10 июня, Рим), генерал-адъютант; в 1914—1915 московский генерал-губернатор, владетель подмосковного имения «Архангельское», отец Юсупова Феликса Феликсовича младшего (1887—1967, IX. Париж), князя, графа Сумарокова-Эльстона, одного из организаторов убийства Г. Распутина.

После смерти последнего в роду Юсуповых, Николая Борисовича Юсупова (1890), высочайше разрешено именоваться князем Юсуповым, графом Сумароковым-Эльстоном зятю Н. Б. Юсупова — гвардии поручику графу Феликсу Феликсовичу Сумарокову-Эльстону, с тем чтобы княжеский титул и фамилия Юсупов переходила только к старшему в роде из его потомков.

4. Джунковский Владимир Федорович (1865—1938) — московский генерал-губернатор, товарищ министра внутренних дел, командир корпуса жандармов, после отставки в 1915 был направлен в действующую армию сначала командиром бригады, затем дивизии.

5. Елизавета Федоровна, вел. кн., старшая сестра императрицы Александры Федоровны, урожденная принцесса Гессен-Дармштадтская (1864—1918, Тобольск). С 1891 в супружестве с вел. кн. Сергеем Александровичем. В 1891 приняла православие. После убийства мужа террористом И. Калевым осталась жить в Москве, посвятив себя благотворительности. Основала Марфо-Мариинскую обитель в Москве.

АЛЕКСАНДР БОРДЮКОВ

В ПЛЕНУ У ТУРОК

...Погожим летним днем 26 июля 1917 года на Графской пристани группа жителей Севастополя встречала только что вернувшегося из турецкого плена русского военного моряка. Бывший корабельный врач надводного минного заградителя «Прут» не был дома почти три года — в первый же день войны на Черном море его корабль погиб буквально у самой базы в бою с турецким линейным крейсером «Явуз Султан Селим», более известным в России под старым немецким названием «Гёбен». Доктору Бурко было что рассказать собравшимся землякам — и о двух с половиной годах пребывания в турецком плену, и о возвращении на родину через территории, охваченные войной. Одним из его невольных слушателей был 15-летний севастопольский гимназист Александр Бордюков, сын военного моряка. Вернувшись домой, Александр не только поведал своим домашним об услышанном, но и записал рассказ корабельного врача.

16 октября 1914 года, в день объявления Турцией войны России, германо-турецкий крейсер-дредноут «Гёбен» с двумя миноносцами подошел к Евпатории, а затем к 6 часам утра подошел к Севастополю.

Начальник 1-го дивизиона миноносца князь Т[рубецкой] на «Лейтенанте Пушкине» бросился в атаку на «Гёбен», но благодаря случайному выстрелу, который попал в котел миноносца, последний принужден был вернуться в Севастополь.

После посещения Севастополя «Гёбен» отправился к Константинополю, но, увидав транспорт-заградитель «Прут»¹, направился к нему с явным намерением захватить его в качестве военного приза.

Встреча с «Гёбеном» произошла между Георгиевским и Херсонесским монастырями следующим образом. Сквозь туман мы заметили большой двухтрубный корабль. Сначала думали, что это броненосец «Три Святителя». Но когда туман рассеялся, все увидели, что это «Гёбен».

Увидав неприятеля, на корабле застопорили машины и начали выпускать пары, так как немисливо вступать в бой транспорту, имевшему в погребах 700 мин заграждения и вооруженному двумя маленькими 47-мм орудиями, с современным крейсером-дредноутом, вооруженным дальноточными 11-дюймовыми орудиями². Открыв книгстоны, командир лейтенант Рагузский на сигнал с «Гёбена» «Сдавайтесь!» велел поднять стеньговый Андреевский флаг³. О сдаче не было и речи.

Как только был поднят Андреевский флаг, с «Гёбена» грянуло два залпа из шестидюймовых орудий всего борта. Была сбита корабельная мачта и разворочен борт. В трюмах находилась уже вода. После второго залпа матросы, офицеры и я попрыгали в воду, но уже в воде попали в зону падающих осколков, как, например, мичман Б., и там погибли.

«Прут» стал погружаться кормой в море. В это время подошел турецкий миноносец, выпустил в него торпеду, но она, к счастью, прошла мимо кормы и затонула. То же самое пытался сделать другой миноносец, но успех был одинаков. Наконец «Прут» начал быстро погружаться в воду, нос судна высоко поднялся на воздух; легкий корпус «Прута» не выдержал это, и «Прут», переломанный пополам, под Андреевским флагом погрузился в воду под громкое «ура» плавающих на воде русских.

К плавающим, пробывшим в холодной воде более получаса (дело происходило во второй половине октября) и уже продрогшим, подошли шлюпки с турецкого миноносца и начали их подбирать. На воде оста-

вались еще я и матрос, и нас последних подобрал второй турецкий миноносец.

После того как турки подобрали наших плавающих, последних перевезли на «Гёбен»; затем всех разместили по каютам, поставили часовых и объявили нам, что мы — военнопленные.

К вечеру «Гёбен» подошел к Босфору, где сдал всех нас на старый броненосец «Хайреддин Барбаросса»⁴. На этом броненосце нашелся такой немецкий доктор, который велел снять с меня ботинки. Это тронуло даже немецкого матроса, давшего мне свои старые опорки, в которых мне пришлось проходить еще три месяца. По приезде в Константинополь нас отправили в город N, находящийся на азиатском берегу. Вследствие того, что у наших офицеров и у меня было еще немного денег, нас поместили в одну дрянную гостиницу, а матросов — в бывшую овчарню, из которой не был вынесен даже навоз. Положение пленных матросов и солдат было невыносимым.

За малейшее ослушание их били палками по пяткам, что многих приводило к сумасшествию или еще хуже — к смерти. Вот один случай из обращения турок с пленными.

В 1915 году один английский сержант при атаке союзниками Дарданелл⁵ был так сильно изранен штыками, что на спине его обнажились нервные узлы. В бесчувственном состоянии он был взят в плен. Малейшее дотрагивание до спины вызывало у него нестерпимую боль.

За весь год пленных выводили на прогулку раз-два, не больше. Во время одной такой прогулки раненый сержант утомился скорой ходьбой и начал отставать.

Бесчеловечный турок-офицер начал бить его по спине длинной плетью. Человеку, испытывающему страшные страдания при прикосновении к ранам, эти удары производили страшную боль. Он машинально дернул рукой и попал офицеру кулаком в подбородок. Последний же, думая, что раненый дает ему сдачи, хотел бить его еще, но сержант стал в такую оборонительную позу, что офицер струсил и велел отвести пленного в лагерь.

Там его присудили посадить в земляной погреб на месяц и два раза в день бить палками по пяткам. Я с офицерами заявил протест против этого бесчеловечного поступка, но сержант хотя через неделю был выпущен, все-таки несколько раз подвергался истязаниям.

При таких условиях, как содержались пленные, начали появляться болезни — например, тиф. В здании, в котором поместили тысячу восьмисот [пленных]!

Восьмисот человек лишших при недостатке воздуха! Последствия ясны: при ужасном питании и без воздуха через три месяца перемерло от тифа тысяча двести человек. Одна только треть несчастных перенесла эту страшную болезнь.

Болезни усиливались еще жестоким обращением с пленными. Например, зимой 1915 года турки повели пленных в баню, и когда те мылись, турки унесли их белье и одежду; и пленные принуждены были разгоряченные и голые пройти три версты зимой при трехградусном морозе. После этого варварского обращения более половины пленных заболело тифом и умерло.

Медицинская помощь как нашим пленным, так и нашим союзникам была самая плохая. Наконец, я попросил коменданта лагеря — чеха — послать просьбу о разрешении мне смотреть за пленными и лечить их. Эта просьба прошла через несколько рук и дошла до Энвер-паши⁶, который и разрешил. Были присланы медикаменты, и я начал смотреть за здоровьем наших раненых и пленных.

В 1916 году прибыл эшелон русских пленных — солдат человек 100 и один прапорщик, командир этого отряда. Попали они в плен в ужасном безвыходном положении: несколько наших рот, шедших в атаку, были сметены ураганным огнем засевающего повсюду противника, и только около полуроты солдат с одним прапорщиком уцелели от гибельного огня. Туркам показалось и этого мало: они бросили в атаку кавалерию в числе нескольких эскадронов на эту горсточку храбрецов.

Прапорщик решился на последнее усилие. «Товарищи! — сказал он. — Угостим их как следует. Стреляйте все сразу, по команде, не торопитесь!» И храбрецы приготовились. Кавалерия неслась во весь опор. 600 шагов оставалось до русских. «Огонь!» — командовал офицер. Один за другим раздалась залпы, и через пять минут от атакующих турок осталась куча мертвых тел.

У русских все патроны были израсходованы. Де-

ваться было некуда. «Братцы! — сказал прапорщик. — Мы свое дело сделали. Теперь я не волен в вашей смерти. Сдаемся! Ружья в козлы!» Все плакали от досады, но с голыми руками на огонь не полезешь, и русские были взяты в плен благодаря такой несчастной случайности. Потом, приблизительно в марте 1916 года, турки отделили офицеров от солдат по неизвестной причине, и до апреля 1917 года в лагере не произошло ничего особенного; все было по-старому.

В феврале меня обменяли на турецкого доктора, находившегося у нас в плену, и я был отправлен в Константинополь, откуда только через три месяца поехал по железной дороге в Россию. Когда проезжал по Австрии и Германии, был изумлен отличным настроением наших врагов благодаря их соединенной энергии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Прут» не являлся военным кораблем специальной постройки. В 1895 году он был приобретен Морским ведомством у Добровольного флота как пароход «Москва», переименован и в дальнейшем входил в состав Черноморского флота последовательно как учебное судно, транспорт и минный заградитель.
2. Согласно официальным данным, на борту «Прута» к моменту его гибели входил полный минный магазин (750 ед.), а его вооружение состояло из восьми 47-мм, двух 37-мм орудий и трех пулеметов. «Гёбен» был вооружен десятью 280-мм, двенадцатью 150-мм и столькими же 88-мм орудиями и четырьмя 500-мм торпедными аппаратами.
3. Стеньговый Андреевский флаг на кораблях Российского Императорского флота поднимался в бою.
4. Устаревший турецкий линейный корабль «Хайреддин Барбаросса» (бывший немецкий «Курфюрст Фридрих-Вильгельм» 1894 года постройки) в операциях в открытом море не участвовал и оставался в базе для обороны пролива Босфор.
5. Имеется в виду Дарданельская (Галлипольская) десантная операция вооруженных сил Великобритании и Франции 1915 года.
6. Энвер-паша (1881—1922) — в годы первой мировой войны военный министр и фактический главнокомандующий турецкой армией.

Публикация и примечания
КОНСТАНТИНА СТРЕЛЬБИЦКОГО

Штурм кавказскими и сибирскими войсками
форты Каракубек.

ТРИ ПАЙКИ ХЛЕБА

Еженедельный рукописный журнал «Вестник пленных» в немецком лагере Фридрихсфельд (близ г. Везель) предназначался для внутреннего пользования. В нем публиковалась информация с театра военных действий, взятая из немецких газет, материалы о внутренней жизни лагеря, а также разнообразная корреспонденция читателей.

Походная церковь.

К сведению отправляемых на работы.

По постановлению Гаагской конференции запрещается назначать пленных на следующие работы: рыть окопы, делать укрепления, готовить орудия, снаряды, пули и вообще производить другие работы, результаты которых направлены против своих соотечественников. От всяких прочих работ пленные не имеют права отказываться.

Пасха русских пленных в Фридрихсфельде.

Недели за три до св. Пасхи мы, русские пленные,

примирившись с тем горьким фактом, что этот Великий Святой праздник придется провести на неприветливой чужбине, решили обставить встречу его по возможности так, чтобы хотя бы в миниатюре напомнить нашу милую, дорогую родину в этот день всепрощенья, в этот великий праздник торжества жизни над смертью.

Было решено пропеть хором по возможности полнее все то, что можно петь на Богослужении вообще и в Великий четверг, кроме того, прочитав положенные 12 Евангелий. В Великую же пятницу кроме пения произнести еще вечную память русским воинам,

павшим на поле брани, и многолетие в первый день Пасхи Российскому Царствующему Дому, Верховному Главнокомандующему русской армии и всему доблестному русскому воинству.

Конечно, нот у нас никаких для разучивания не было, книг, из которых можно было бы позаимствовать порядок и текст богослужения, тоже не было. Из нужных на этот раз единственным оказалось Евангелие, и то в русском переводе...

Такое своеобразное богослужение, богослужение в плену, без священника, без книг, с одним Евангелием в руках, пришлось совершить в самом обыкновенном дощатом бараке, в каких жили все пленные. Если же и существовала разница в сравнении его с другими бараками, то лишь в том, что он был необитаем, и в одном его конце помещался импровизированный римско-католический алтарь, или, правильнее сказать, престол, покрытый обыкновенным коленкором. На престоле стояли распятие и два медных подсвечника. Все это помещалось на достаточном возвышении — эстраде. С левой стороны среди барака, у боковой стены его, стояла старая фисгармония, заменявшая собою орган. Вот это помещение служило церковью для французов пленных, имевших в своей среде священнослужителей — ксендзов. Комендант нашего лагеря разрешил и русским воспользоваться этим помещением на время праздников...

Но вот пришел и Великий четверг. В назначенные 5 часов вечера хор, доктора и другие собрались в помещении библиотеки и отсюда, захватив свечи, три маленькие иконки, раздобытые среди русских пленных, и Евангелие, отправились в церковь-барак. Пришли, расставили иконы, зажгли свечи, начали богослужение...

Кто-то из нашего общества предложил устроить пасхальный стол, и это неожиданное предложение нас всех сразу поставило в тупик...

После переговоров и соображений... решили убрать стол так, как могли. Раздобыли пайки три хлеба, избравшего кулич, имевшееся одно яйцо окрасили суриком, служившим для грима в нашем театре, написали на нем буквы «Х. В.», порезали сыр и ветчину, купленные в лавке пленных, приготовили селедку. Стол накрыли простыней, и все вышеупомянутые яства поставили на своего рода тарелки, тут же вырезанные из белой бумаги. После этого уже могли отправиться в церковь с сознанием, что в плену в Германии лучшего стола ни за какие деньги не приготовить...

Вслед «Азарту»*.

Не могу смолчать, не могу не высказать и своей горечи сердечной, которую приходится переживать, видев некоторые картины, характеризующие дурные стороны человека.

Одно из них, как уже указывал в своей статье г. Дикий, — это картежная игра на деньги и опять-таки игра на те же гроши, гроши жалкие, в «Пузе-

мизе» на дешевой толкучке, так называемой «Хитровый рынок»...

Господа, войдите в положение проигравшего последние гроши товарища, не говоря о том, обобрали ли его ловкие руки или не повезло ему... Он готов изрубить себя на куски за свою вчерашнюю глупость, он теперь только одумался, вспомнил, откуда эти деньги, как достались они дома... Но страсть к игре, эта пагубная страсть влечет его опять в пропасть. И что же он делает, как вы думаете? Находясь как в чад, опьяненный своим горем, продает товарищу еще даже не полученную нашу маленькую пайку хлеба за гроши или занимает под присланные, но не выданные еще ему на руки деньги и опять садится в надежде отыграться, но проигрывает...

Обращаюсь к вам всем, друзья... давайте общими усилиями искоренять это зло... Исходы, выходы из этого положения мы попробуем изыскать. При нашем общем содействии у нас имеется следующее:

1. Библиотека, возникшая на добровольные пожертвования и вырученные средства от концертов, пока, конечно, малая по количеству книг, но она, не забудьте, будет с каждой полученной лептой дохода увеличиваться выпиской книг.

2. Школа для мало- и совсем неграмотных.

3. Чтение рассказов с объяснением по воскресным дням с 3 часов дня.

4. Курсы французского языка, преподаваемые г. Лематье.

5. Спектакли и концерты, дающие возможность некоторым проявлять свои чувства, способности, проверять их, а большинству за небольшую плату развлекаться на короткое время, не забывая главного... на что идут и будут расходоваться полученные с них деньги... Из чистого дохода с них будет отчисляться часть на покупку разных пособий для школы, часть на библиотеку, малая часть на удовлетворение собственных нужд принимающих в них участие, а вся остальная большая часть на покупку самых необходимых предметов для всех русских пленных, как-то: мыла, сахару и пр.

6. Издание журнала «Вестник пленных», в котором каждому предоставляется право высказывать свои взгляды, делиться, обмениваться мыслями с нашим русским обществом, возражать на затронутые сотрудниками вопросы, не задевая только в резкой, грубой форме интересов воюющих с нами держав, и наконец,

7. Работа для выставки, на которую каждый может делать все что хочет... За хорошие изделия по чистоте и сложности их работы комиссией будут присуждаться премии. Французы, большинство, все люди со средствами, и лишь бы только был объявлен конец войны, каждый охотно приобретет одно из изделий русской работы в память нашего совместного пребывания в плену...

Да поможет нам Бог в этом благом начинании.

П. Яровой

Публикуемые в сокращении тексты взяты из журнала «Вестник пленных», 1915, № 1—7, хранящегося в ОПИ ГИМ. Ф. 424. Д. 119. Л. 1—107.

* Имеется в виду статья Н. Дикого «Азарт», опубликованная в предыдущем номере.

СОСТРАДАНИЕ

ЖЕНЩИНЫ ЦАРСКОЙ ФАМИЛИИ НА ВОЙНЕ

Великая княгиня Ольга Александровна в форме сестры милосердия. Киев, 1915 г.

Развитие и поощрение искусства и науки, здравоохранение, женское образование, призрение неимущих, инвалидов, сирот, вдов, стариков, а во время войн помощь раненым и семьям призванных на войну, погибших или изувеченных, поддержка и помощь военнопленным — вот чему отдавались душевные силы и время русских императриц, великих княгинь и великих княжон. Для них это были не только долг и обязанность, естественно налагаемые общественным и госу-

дарственным положением, но веление сердца, внутренняя нравственная потребность служения ближнему, любовь и милосердие к страждущим.

С первых же дней объявления войны все находившиеся в России женщины Дома Романовых принялись за организацию лазаретов, санитарных поездов, складов белья и медикаментов, приютов и мастерских для увечных воинов, помощь семьям солдат. Уже к декабрю 1914 года в Москве было открыто 800 лазаретов.

Вдовствующая императрица Мария Федоровна учредила госпитали в Минске, Киеве и Тифлисе, 2 военно-санитарных поезда на 100 и 400 человек, 5 лазаретов, перевязочно-питательный отряд, санаторий в Крыму для выздоравливающих офицеров, убежище для увечных воинов при Максимилиановой лечебнице. Со склада в Аничковом дворце, где она жила, отправили на фронт с 1 августа 1914 года по 1 августа 1915 года: 398 793 штук белья, 56 116 — теплых вещей, 133 428 образков, 77 350 Евангелий, 524 пуда табака, 1 640 014 папирос, 1 059 1/2 пуда мыла, 28 888 яиц, 274 окорока, 2 783 пуда съестных припасов, 10 100 банок консервов... Общий расход по складу составил за год 1 246 567 рублей 55 копеек.

Лазареты организовали и все великие княжны. При содействии супруги известного русского поэта в. к. Константина Константиновича (К. Р.) в. к. Елизаветы Маврикиевны в Павловске открыли 4 лазарета на 150 кроватей, склад вещей, детские ясли. В. к. Милица Николаевна и Анастасия Николаевна работали в комитете помощи раненым, больным и выздоравливающим офицерам и нижним чинам, а их дочери Марина Петровна и Надежда Петровна и герцогиня Елена Георгиевна трудились сестрами милосердия в лазарете при Киево-Покровском женском монастыре, основанном в конце XIX века их бабушкой в. к. Александрой Петровной (в монашестве Анастасией). В Пскове в прифронтовом лазарете работала сестрой милосердия в. к. Мария Павловна (младшая), вернувшаяся в Россию после развода с шведским принцем.

В. к. Елизавета Федоровна (родная сестра императрицы) основала Комитет по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, «призванных на войну как из запаса, так и из ополчения», который координировал деятельность свыше 4000 мелких благотворительных учреждений и местных отделений. Комитет организовал снабжение солдатских семей семенами, продовольствием по заготовительной цене или бесплатно, устраивал дешевые столовые, приюты для детей, ясли.

Но блестящие светские дамы не ограничивались по-

печительством и ассигнованием денег. Они работали. Когда началась война, императрица Александра Федоровна вместе со старшими дочерьми Ольгой и Татьяной прошла кратковременные курсы ухода за ранеными. Простыми сестрами милосердия они ежедневно трудились в царскосельском лазарете — на операциях подавали инструменты, делали перевязки, в том числе самые сложные, требовавшие большого профессионального мастерства, ухаживали за ранеными, чистили инструменты, работали на складе — делали бинты, готовили к отправке на фронт одежду и медикаменты. В сохранившихся дневниках великой княжны Ольги Николаевны, в письмах ее сестер и матери постоянно упоминается работа в лазарете. В этих документах, не предназначенных для постороннего, особенно чувствуется неподдельный интерес, любовь и сострадание к людям. Татьяна Николаевна писала подруге О. К. Вороновой 8 августа 1915 года: «...Вчера мы видели с Папа несчастных наших раненых, бедные, которых привезли из плена. Масса из них без обеих ног или без рук, но большею частью без ног. Они говорили, что пемцы просто бросали их в землянки (у тех, которых был брюшной тиф) и они там лежали без всяких перевязок, и в конце концов у них все отмораживалось, и ноги сами отпадали, а потом, конечно, приходилось делать ампутации. Ужасно было грустно на них смотреть. Сегодня еще партия прибывает. Это будет теперь несколько раз в неделю. У нас есть довольно тяжелые раненные в лазарете, прострелен в легкое, ему делали операцию и вынули кусок ребра, теперь немного полегше, но перевязки очень мучительные. Теперь в Зимнем Дворце будут устраивать лазарет на 1000 нижних чинов». Ольга Николаевна непременно перечисляла в своем дневнике фамилии всех раненых, которым она делала перевязки, оказывала помощь.

Императрица Александра Федоровна сообщала мужу, что работа в лазарете для нее утешение. Она писала о перевязках, которые делала, о состоянии подопечных раненых, о смерти тех, к кому успела привязаться и кого успела полюбить. «Я подавила свои слезы, поспешила уехать в лазарет и усердно проработала там в течение двух часов. Были тяжело раненые. В первый раз побрила солдату ногу возле и кругом раны — я сегодня все время работала одна, без сестры и врача, одна только княжна <хирург лазарета княжна В. И. Гедройц> подходила к каждому солдату, смотрела, что с ним. Я у нее справлялась, правильно ли то, что я намеревалась делать... И вообще сколько горя кругом! Слава Богу за то, что мы, по крайней мере, имеем возможность принести некоторое облегчение страждущим и можем им дать чувство домашнего уюта в их одиночестве. Так хочется согреть и поддержать этих храбрецов, и заменить им их близких, не имеющих возможности находиться около них!»

О младшей сестре Николая II великой княгине Ольге Александровне много лет спустя великий князь Александр Михайлович писал так: «...самые заклятые враги династии не могли сказать ничего, кроме самого хорошего, о ее бескорыстной работе по уходу

за ранеными. Женщины с душевными качествами великой княгини Ольги представляют собою редкое явление. Всегда одетая как простая сестра милосердия и разделяя с другой сестрой скромную комнату, она начинала свой рабочий день в 7 часов утра и часто не ложилась всю ночь подряд, когда надо было перевязать вновь прибывших раненых. Иногда и солдаты отказывались верить, что сестра, которая так нежно и терпеливо за ними ухаживала, была родною сестрою Государя и дочерью императора Александра III».

В письмах к брату, сестре Ксении, племянницам Ольга Александровна подробно, с присущим ей юмором описывает быт и нравы прифронтового лазарета в Ровно (в котором она начинала как простая сестра милосердия), а затем военного лазарета в Киеве. Скромная, с веселым и открытым характером, она привлекала простотой и естественностью поведения, искренним уважением к окружающим ее людям.

Тяжелые годы войны для Ольги Александровны оказались и годами счастья. Первый ее брак с принцем А. П. Ольденбургским был неудачным. Она давно любила ротмистра Николая Александровича Куликовского, служившего сначала в Лейб-Гвардии Его Императорского Величества Кирасирского полку, а воевавшего в Ахтырском гусарском. Лишь в 1916 году Николай II дал разрешение на этот неравный брак, и 4 ноября того же года великая княгиня венчалась в Киево-Васильевской церкви. В августе 1917-го у нее родился первенец — Тихон, а в 1919 году — сын Гурий.

Судьба пощадила царственную сестру милосердия — ей удалось уехать за границу.

Из писем великой княгини Ольги Александровны племянницам — дочерям императора Николая II

1914 г. Ровно

...Мой душкинский Швыбзик¹. Спасибо за твое письмо очень. Так было хорошо видеть Папа² здесь и показать его моим солдатыкам. Скажи Мама³, что я очень благодарю за те колпаки для ног, которые она прошлый раз прислала — и если можно еще. Я буду страшно рада. Они очень необходимы, и если их сделать из теплого — еще лучше, т. к. многие не могут сапог надеть на раненую ногу. Крепко целую. Идет большой снег. Мы получили приказ остаться, опять разложиться и принять несколько сот раненых...

До свидания, моя душка. Всех целую, времени нет всем написать.

1. Так в семье называли великую княжну Анастасию Николаевну.

2. Император Николай II.

3. Императрица Александра Федоровна.

6 сентября 1914 г. Ровно

...Меня доктор зовет всегда поласкать больного во время трудных перевязок, ибо во время сильной боли я их обнимаю, глажу и ласкаю, так что им совестно, вероятно, кричать и ему легче перевязывать в это время!

Такой сильный ветер, что моя любимая тарелка вылетела из окна и разбилась. Я купила тарелку здесь, там вокруг было написано: «Боже, дай счастье», а

внутри были цветы. Сижу часто на кровати прелестного урядника Оренбургского 2-го полка Ник. Суворова. Мы очень любим друг друга — и поэтому, может быть, он ужасно конфузится в перевязочной и отворачивает лицо и краснеет. Такие все милые и любимые солдатики. Наши стрелки 4-го полка были те самые, которые «на плечах у неприятеля перешли через Сан», преследуя их. Наверно, ты слыхала — было написано в телеграммах, — ну вот, это были наши стрелочки-душки.

В перевязочной помогает ужасно миленький солдатик Дионисий, которому сперва ужасно не нравилось все, что ему приходилось видеть, теперь он привык и помогает мне в перевязках — подает, что нужно, а я барином работаю и иногда спрашиваю совет хирурга, как лучше сделать. Очень хорошо теперь стало, когда чувствуешь, что знаешь немного. Казанцев¹ больше не было здесь. Вероятно, подвинулись куда-нибудь дальше, откуда их сюда не доставляют. Ветер невыносимый! 6 раз дверь открывалась, и все полетело по моей комнате — бумаги, письма, карта войны, полотенца и т. п. Несносно! Сегодня две пули сами вылетели из ран! Так смешно было. А вчера тоже: одна из жопочки, другая из животика и третья из ляжки, конечно, из разных солдат — как-то их повернули раной вниз — и вытекли пули сами и с треском упали в тазы!.. Только что была в перевязочной с моим другом урядником Суворовым. У него разбито правое бедро, и вот сейчас <он> под хлороформом — тащила ногу и накладывала гипсовую повязку. Днем каталась с Сандро² — хорошее шоссе и довольно гористая красивая местность, но почему-то мне не по нутру — напоминает заграницу, что наводит маленькую тоску! Спешу кончить письмо, так как ждет человек к дяде Сандро и возьмет сие послание. Только что приехали к нам и чай пили два молодых, «состоящих при главноуполномоченном», и с ними Хоперского полка граф Адлерберг, бывший Мама улан. Он едет в Львов искать свой полк почему-то — он, кажется, прикомандировался к хоперцам! Они на моторе ездят.

Ну, до свиданья. Помни, что я жажду ваших писем и рассказывай мне про всех знакомых. От Мама и от Татьяны письма шли 27 дней! Несносно. Я их ужасно благодарю, еще благодарю Тат<ьяну> за милое последнее письмо (с Фогелем), а Мама за книги.

Целую вас всех нежно и крепко, любимые мои души и ваши душки. Родители тоже. Кланяюсь няням Деревенько и М. Жильяру³.

Господь с тобою. Твоя тебя любящая Тетя Ольга.

1. Великая княжна Мария Николаевна была шефом 9-го Казанского драгунского полка.

2. Великий князь Александр Михайлович (1866—1933), сын в. к. Михаила Николаевича, внук Николая I, был женат на сестре Николая II в. к. Ксении Александровне.

3. Деревенько Андрей Еремеевич, дядька наследника цесаревича Алексея. Жильяр Пьер (р. 1879), швейцарец, преподаватель французского языка у детей царя.

24 ноября 1914 г. Ровно

Мои милые душки, дорогие, спасибо вам все 4 за милые ваши письма. Живу себе очень хорошо и

спокойно на душе, т. к. Кукушкин¹ мой любимый еще со мною. Опять стало много работы, у нас 250 раненых и все хорошо. Раненые со всех концов — есть из Венгрии, из-под Кракова, из-под Кельцы и т. д. Несколько сибирских стрелков — с папахами огромными и потом несколько чудных стрелков так называемой «Железной бригады» 13 и 14 полков. Это удивительные люди — когда перебиты были все офицеры, они сами продолжали идти в атаку и командовали сами собою... Все их здесь на нашем фронте знают и уважают и — увы! — их мало осталось. Такие милые — все эти раненные, что ужас. Сегодня душка милая тетя Ольга² приехала. Я была чрезвычайно рада ее видеть и долго и много давила ее и целовала. Она так мило и уютно беседовала со всеми почти, что мы все умилялись. Вот прелестный человек! Офицеров у нас в данный момент 3, а было на днях 15 человек — все веселые и любезные. Один бедный мальчик имел отмороженные ноги! Они вечером после ужина приехали, и мы не ожидали их — это был последний вечер Аглаимова³, и поэтому он и Ник<олай> Алек<сандрович> оба ужинали у нас, а затем Татьяна Андреевна и я пошли с ними в их палату и уютно уложили их обоих, а затем она массирувала ноги Аглаимчика, а я натерла Н. А. спиртом — от чесания — и вот после этого внесли одного офицера. Мы обе стали его раздевать и «наши мальчики» тоже встали и помогали, а затем еще и еще — пока все койки не были заняты. Компания была веселая и шумная и не дала нам идти спать до 1 часа ночи. Они только 1½ сутки оставались и из них осталось лишь пор<учик> Фогель Перевологинского полка. Вчера утром принесли еще офицера Курского полка, который в августе у нас лежал и ранен в ту же ногу опять! Мы заметили, что все раненные по 2 раза, и это сами же офицеры говорят: кто раз вначале был ранен, обязательно второй раз опять. Почти все вкусные вещи, присланные прошлый раз Мамой вашей, я отдала Аглаимову, и он повез их в полк! Эта дорогая душка уехала вот уже 4 дня в 6 ч. утра. Мы с ним поцеловались — ужасно хотелось плакать, — я его перекрестила и он мне сказал, что я ему как мать родная и разные трогательные вещи; провожали мы его до станции; а до этого я пошла в палату, где спали 15 офицеров и присутствовала в последний раз при его туалете при свете одной свечи. Он пил чай и дул в стакан и грустно было этой душке уехать из уютной обстановки — опять в сражение. Храни его Бог! Я сегодня получила трогательную посылку из Воронежа от одной учительницы — очень бедной — 2 пакета для солдат — сама сшила их... Я получаю много трогательных писем вообще от многих неизвестных мне лиц. Да, вчера, гуляя по улице (между прочим в Ровно 11 тысяч солдат) с Н. А. встретились два молодых солдата — один отдал кое-как честь, но другую руку не вынимал из кармана, — и был удостоен милостивым словом Н. А. — «вынь руку из кармана, ж...». Он огрубел сильно на войне, как вы видите. Уезжает он <во> вторник в 6 ч. утра на границу Венгрии — где теперь стоят мои дорогие Ахтырцы⁴. Очень он вам всем кланяется. Еще забыла написать одну смешную

штуку: сегодня утром, когда душка старая тетя Ольга приехала, как раз шли перевязки, и она непременно желала остаться со мною там, «чтобы не отрывать от дела»; ну пришел молоденький солдатик и подошел ко мне (он прострелен насквозь ниже живота с правой стороны — и вышло в ягодицу). Т<етя> Ольга сидела рядом на скамейке, и вот он, не долго думая, просто и трогательно снял штаны — она вскочила со скамеечки и стала рассматривать на стене пятно, не скоро села обратно и уютно стала с ним беседовать, пока я его не перевязала. Вообще она была аппетитна и мила. Со всеми говорила, позавтракала — все ее безумно полюбили и в 2¼ она и <...> уехали. После этого Н. А. и я гуляли много верст и было очень уютно и хорошо. Я много шью в свободные минуты теплые чехлы на раненные ноги (фасон Мама) — 3 пары в день можно сделать, а я очень мало работаю — лишь вечером. В данную минуту Татьяна Андр<сеевна> и Ник<олай> Алек<сандрович> ужасно шумят бумагой и вещами и укладывают разные вещи для Ахтырцев — да и остающиеся вещи (целый склад) — у меня в комнате остаются в больших ящиках. Я же устала почему-то (ноги) от перевязок, я 3 часа работала усиленно, и приятно сидеть посреди комнаты и писать и ожидать, что меня скоро накормят обедом.

Больше нечего писать. Целую крепко и нежно и ужасно люблю вас всех пятерых и Мама душку, всех...

1. Речь идет о ротмистре Куликовском Николае Александровиче (1881—1958), втором муже в. к. Ольги Александровны.

2. Греческая королева Ольга Константиновна (1851—1926), дочь в. к. Константина Николаевича, с 1867 г. супруга греческого короля Георга I. Во время войны содействовала открытию лазаретов в Павловске, организовывала помощь семьям раненых и погибших воинов, способствовала сотрудничеству Русского и Греческого Красного Креста по проблемам военнопленных после вступления России в войну с Турцией.

3. Аглаимов — офицер Ахтырского гусарского полка.

4. В. к. Ольга Александровна была шефом Ахтырского гусарского полка.

6 октября 1915 г. Киев.

Здравствуй, Мария, моя душка, и спасибо тебе за твои открытки. У нас новая очень милая красивая сестричка 19-ти лет, которую зовут Ольгой — она мне ужасно нравится и мы с нею подружились, и на ночь она ко мне приходит перекреститься, как маленькая девочка к своей мамаше; между прочим, ее мать умерла, когда ей было несколько месяцев, и она ее не помнит, но почему-то ужасно любит ее в своих мыслях. Подумай, Бабушка¹ сюда приезжает скоро! Я очень рада, и ей будет хорошо повидать что-нибудь новое и уехать из поганого Питера, где она сидит безвыездно 1½ года. Она будет жить в своем вагоне. Не знаю, надолго или нет. Маленькая сестричка имеет привычку говорить все время «забавно! забавно!», такая, вообще, душка она. Кажется, она не нравится Татьяне Андреевне почему-то, и мне это жалко. У нас солнечная погода, но не особенно тепло. Так как у нас очень много раненых и мало санитаров — берем денщиков и офицеров, и они помогают в отделениях и носят на перевязки. На днях один денщик посадил

одного раненого на судно, не сняв с него предварительно Т-образную повязку (если не знаешь — спроси у сестер — они, может быть, знают), ну и, конечно, все осталось в повязке, и пришлось долго и много мыть больного и хорошую повязку выбросить! У нас много офицеров. Есть хорошие. Один казак очень веселый и веселит всех у себя в палате. Здесь так много перевязок, что я очень мало бываю у офицеров и все чаще и чаще дни, когда совсем времени нет выходить на воздух. Вчера 8 часов перевязывали, а третьего дня 10½ часов работали и только наскоро проглатывали свою еду в неурочные часы. Я люблю, когда много-много работы. Наверно, интересно вам было съездить в Ставку и вообще уехать из Царского. Пишу эту минуту в перевязочной (где я гораздо больше времени, чем у себя в комнате), а рядом сидит казак хорунжий Степанов, и его другая сестра перевязывает, и он ужасно много болтает! Ему от коменданта вчера прислали бумагу (для отпуска) и там ужасно смешно было написано: «Хор. Степанов одержим сквозным огнестрельным ранением головы и шеи». Как будто «одержим» бесом! Теперь кончаю это письмо. Целую тебя, мою душку. Всех целую очень крепко. Господь с тобою.

Твоя любящая Тетя Ольга.

1. Вдовствующая императрица Мария Федоровна (1847—1928).

24 июля 1916 г. Киев

Моя душка Мария. Не знаю, как вышло, но я совершенно позабыла твоих именин! Извиняюсь, валяюсь у твоих ног, катаюсь в пыли — только прости свою тетю! Понять не могу, как это так случилось. Вероятно, я стала забывчива до всего, что не лежит у меня в госпитале, ведь у нас ужасно много работы и можно забыть все остальное. Ну вот, первая ¼ письма закончена. На днях был у нас утром профессор глазник Шимановский. Такого смешного человека трудно найти. Но, кроме того, он еще грубые шутки шутил — прямо-таки неприличные, т. ч. мы не смеялись, а он один хохотал. В общем было весело. Это было как раз в день твоих именин, и я прямо из операционной полетела к Бабушке (позабыв подарок дома в столе), опоздала, т. ч. встретила ее мотор на улице, выскочила из своего к ней и доехала до губернаторского дома, где был молебен. Там я упала на лестнице — долго и шумно падала. Все смеялись, кроме детей гр<афа> Игнатьева — очень хорошо воспитанные 4 мальчика и девочка (аппетитные дети), затем был большой завтрак. Ужасно смешно для меня видеть столько элегантных дам и «мусью». Познакомилась хорошо с Нагайцем. Да, он очень милый. Скажи от меня Швыбзику, что я его нахожу милым, но отбивать не стану от нее по двум причинам: 1) Потому, что он не в моем духе. 2) Потому что, т. к. я теперь старая, это, пожалуй, не удастся. Ну вот-с. Вчера привезли мне сильно раненого в 2 ноги, 2 руки и еще в грудь. Ужасно жаль его, бедного, у него жар большой и страдает. Много пуль шрапнели в нем сидят. Затем 2 ахтырских офицера лежат, опять раненные 16-го, и много гвардейских солдат. Огромные дорогие существа — все им малю — шины, кровати, ванны, костыли и

т. п. Мы не приспособлены для гвардии! Мы для армейцев все время работали. Ну, я ужасно рада видеть тех огромных душек. В Киеве имеется очень и очень много чехов — одетых уже в нашу форму и обучающихся нашему строю. Они ходят на учение с своими песнями, очень красивые песни и мотивы — мы уже знаем 4 или 5 разных. Слова более или менее по-русски звучат. Все утро перевязывала совершенно в одиночестве, т. к. всех забрали на операции. Я это довольно люблю. Т<ети> Ксении¹ почти не вижу, а поговорить с нею еще не удалось, хотя она здесь уже неделю... Жара ушла и теперь довольно прохладно, и дожди идут несколько раз в день. Жду послезавтра милую старуху Татьяну Андреевну. Видела фотографию в каком-то журнале новых казарм, где теперь ваши лазареты. Очень симпатичный дом. Ну вот до свиданья, моя дорогая душка Мария.

Кланяюсь всем няням. Целую тебя и всех сестер и Мама крепко. Храни вас Господь. Сегодня меньше часа отдыха для обеда, сейчас опять идти на работу. Теперь 3 час. Начали в 8¼ до 1¼. Твоя любящая тебя тетя Ольга.

1. В. к. Ксения Александровна (1875—1960), дочь императора Александра III, супруга в. к. Александра Михайловича.

<1916 г. Киев>

Мои душки дорогие, любимые, Ольга, Татьяна, Мария и Швыбзик.

Страшно благодарю за ваши дорогие письма, получила я их всех вместе. Смеялась над описанием освящения в Петрограде в письме Татьяны. Ужас, как неуютно вам было, бедным.

Такая великая у меня здесь случилась радость, что не знаю, что и делать!!! Приехал мой душкинский Н<иколай> А<лександрович> на маленькую «побывку» — их отпустили 6 человек, т. к. полк наконец отдыхает. У него что-то вроде чесотки, и я его усиленно лечу. Втираю мазь ему с ног до головы — и он блаженствует и я тоже. Аглаимов тут же валяется и Т<атьяна> А<ндреевна> ему массаж задней ноги делает и очень нам уютно всем вместе. Я ужасно испугалась третьего дня в 8 ч. утра, получив от Н. А. телеграмму, что он в 8 ч. будет, конечно, я думала, что он нарочно пишет «здоров» (ведь я знаю, как офицеры нарочно врут, чтобы не пугать своих родственников), и в эту самую минуту вижу его издали — идет мне навстречу! Такого счастья я почти никогда не испытывала! Ну вот. У нас лежат только 2 офицера, а третий с ними Н. А. спит, а днем он, Аглаим и я гуляем иногда и сидим у меня после обеда в комнате. Очень изредка приглашаются к нашему столу — чай

пить. Маленькому безрукому Семенову опять операцию сделали ног. 2 дня очень мучился и плакал и был такой жалкий. Т. Елла¹ вдруг сюда приехала четырнадцатого (Бабушкино рождение), утром подкатила к молебну и, вместо того, чтобы уехать сейчас же после, она сказала только заехать за ней в 2 ч., т. ч. с 11-2 ч. я была оторвана на все это время от Кукушкина, а я дорожу каждой минуткой! Он ведь скоро опять уедет. Я не была особенно в восторге, как можешь себе представить. Но я свинья и вообще родственников не так люблю — они почти все могли бы не жить! Аглаимов тоже находит, что родственники могли бы не жить. Эта душка вчера с ума сошла утром и стояла трижды на голове на кровати, после чего у него заболело в животе и он грустным лежал до вечера! Он такой чудный мальчик и хороший и невероятно храбр — так говорит Н. А. и так мне писал Панаев и адъютант полка. Он послезавтра уедет обратно и свежет от меня много вещей моим душкам — славным Ахтырцам. Вот молодцы они — здесь все хвалят их и если что-нибудь особенно трудное — посылают Ахтырцев!! Мне будет очень и очень грустно после отъезда моих дорогих мальчиков, но я так счастлива, что Бог привел так увидаться хорошо. У нас совсем дела нет теперь уже несколько дней — я перевязываю 2-х с ½ человек утром, а затем свободна целый день — и это удачно, конечно, именно теперь! Вчера я нарочно рано пошла в перевязочную, потребовала своих больных и до врачей перевязала одна. Они ужасно радовались, душки, и смеялись и сами торопились — один с разрывной раной в икре, другой с вырванными кусками между обеих ног, левая нога заживает, а правая нет еще, а я именно хорошо бинтовала тазы и задние ноги — гладко и аппетитно, а пальцы не люблю — очень мелко и обыкновенно некрасиво выходит. Головы ужасно люблю бинтовать. Н. А. ужасно сердечно кланяется всем вам. Он верхом приехал из Турции (в Карпатах) до Самбора, а оттуда на машине через Львов сюда.

До свидания², мои милые хорошие душки. Целую крепко и нежно и очень люблю.

Всегда любящая ваша любимая Тетя Ольга.

1. В. к. Елизавета Федоровна (1864—1918), урожденная принцесса Гессенская Елизавета-Александра-Луиза, вдова в. к. Сергея Александровича, основательница Марфо-Мариинской общины милосердия в Москве.

2. В подлиннике на английском языке.

ГА РФ. Ф. 683. Оп. 1. Д. 8. Л. 88; Ф. 685. Оп. 1. Д. 42. Л. 44 об.—45 об., 68—70 об., 66—67 об., 75—76 об., 89—90 об.

Предисловие и публикация кандидата исторических наук

ЛЮБОВИ ТЮТЮННИК

Её Императорское Высочество великая княгиня Мария Павловна раздает подарки нижним чинам в действующей армии

ЛЕОНИД КАРЛОВ

С ПРОФИЛЕМ ФРАНЦА ИОСИФА И БРАВОГО СОЛДАТА ШВЕЙКА

За 75 лет было выпущено огромное количество знаков почтовой оплаты, посвященных первой мировой войне. На снимках — часть почтовых марок, поступавших в обращение в период 1914—1918 годов, а также марки, которые издавались и продолжают издаваться по случаю юбилейных дат или в память о тех или иных исторических лицах. К числу интересных филателистических экспонатов следует отнести марки Боснии и Герцеговины, выпущенные в 1917 году, к 3-й годовщине убийства австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда и его жены. А вот почтовые миниатюры Франции с портретами Жана Жорреса — память о человеке, который поплатился жизнью за то, что боролся против войны. По маркам можно судить, где и когда сражались войска, какие территории или государства были оккупированы. Нередко это делалось посредством типографских надпечаток на марках, например: «БЕЛГИЯ», «РУССКАЯ ПОЛЬША», «ГЕН.-ГУБ. ВАРШАВА», «РУМЫНИЯ», свидетельствовавших о действиях германской армии. Почтовые марки Австро-Венгрии имеют надпечатки: «СЕРБИЯ», «ЧЕРНОГОРИЯ». Точно так же поступали почтовые власти стран Антанты.

На марках воюющих стран запечатлены портреты монархов того времени: Георга V, Николая II, Франца Иосифа I, Карла I, Альберта I, Виктора Эммануила III, Петра I Сербского, Мохаммеда V, а также Ж. Клемансо, Р. Пуанкаре, В. Вильсона, Э. Венизелоса, только начинавших тогда карьеру У. Черчилля, Ф. Рузвельта, Ш. де Голля, военачальников Ф. Фоша, Ж. Жоффра, Ж. Галлиени, Ф. Петена, Ф. Франше д'Эспере, Д. Першинга, П. Гинденбурга, К. Гетцендорфа. Единственным воюющей самой низшего звания был храбрый солдат Швейк, изображение которого можно увидеть на почтовой марке Чехословакии, выпущенной в 1970 году. Почтовые марки отразили также конечные результаты первой мировой войны: капитуляцию Германии и ее союзников, распад Австро-Венгрии и Османской империи.

КУМИРЫ ПУБЛИКИ

Иван Мозжухин

В кино с 1908 года, снялся в 65 фильмах. В годы первой мировой снимался в главных ролях в фильмах: «Николай Ставрогин», «Пиковая дама», «Злая ночь», «Ревность», «Руслан и Людмила», «Сестра милосердия», «Слава — нам, смерть — врагам», «Таинственный некто», «Тайна германского посольства», «Гримасы жизни большого города», «Кто без греха, кинь в нее камень», «Право любить», «Отец Сергей» и многих других.

Вера Холодная

Первое выступление Холодной в кино — эпизод в фильме режиссера В. Гардина «Анна Каренина» (1914). В 1914—1917 годах снялась в 22 фильмах. Играла главным образом в салонных драмах и мелодрамах, создавая образы красивых, обаятельных героинь, обманутых или непонятых. Исполнила главные роли во многих фильмах, пользовавшихся феноменальным зрительским успехом (Елена — «Песнь торжествующей любви», Марианна — «Миражи», Дама полусвета — «Шахматы жизни», Цирковая актриса — «Позабудь про камин, в нем погасли огни», королева экрана Вера Северная — «Тернистый путь славы»).

Ольга Преображенская

Дебют в кино состоялся в 1913 году в одном из самых кассовых фильмов тех лет — «Ключи счастья» (по одноименному роману А. Вербицкой). В 1914—1916 годах снялась в 14 фильмах, среди них — главные роли в экранизациях русской классической литературы: Лиза («Дворянское гнездо»), Наташа Ростова («Война и мир»), княгиня Вера («Гранатовый браслет»). Одна из первых режиссерских работ Преображенской — фильм «Барышня-крестьянка» (по А. С. Пушкину, 1916, совместно с В. Гардиным).

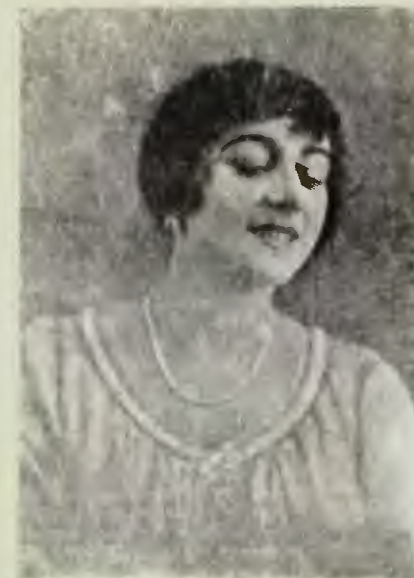
Витольд Полонский

Актер Малого театра. Первая роль в кино — князь Андрей («Наташа Ростова», 1915). В 1915—1918 годах снялся в 34 фильмах. Исполнял главным образом роли великосветских героев-любовников (Евгений — «Песнь торжествующей любви», Владислав Зарицкий — «Тени греха», князь Баратынский — «Жизнь за жизнь», князь Мирский — «Жертва вечерняя», Ланин — «У камина»).

Алиса Коонен

Актриса Московского Камерного театра. Первое выступление в кино — комедия «Дикарка» (реж. В. Гардин, 1915). В фильме-экранизации народной песни «Ванька-ключник» («Быль про молодую княгиню и Ивана-ключника», 1916) Коонен исполнила роль княгини Насти. Снималась в фильмах «Черная шаль» (экранизация одноименного стихотворения А. С. Пушкина, 1917), драме из польской жизни «В угоду молоху любви» (1917).

Вера Каралли

Прима-балерина Большого театра. В 1914—1918 годах снялась в 22 фильмах. Исполняла главные роли в фильмах крупнейших режиссеров тех лет: Якова Протазанова («На скамье подсудимых»), Евгения Бауэра («Набат»). В фильме П. Чардынина «Наташа Ростова» (по «Войне и миру» Л. Н. Толстого) исполнила роль Наташи.

Александр Вертинский

Артист эстрады. В кино дебютировал в 1912 году. В комедии о ревнивой жене «Медовый месяц» (1915) исполнял роль художника. Снимался в фильмах: «Неврастеники» («Мученики страсти», 1915), о жизни актеров, и «Дочь Нана» (история из светской жизни, 1916).

Ряд фильмов, в которых в эти годы снимался Вертинский, были весьма выразительными по названиям: «Золотой вихрь», «На грани трех проклятий», «Обломки крушения», «От рабства к воле».

Наталья Лисенко

Актриса московского Театра Корша. Лучшие роли в кино сыграны в экранизациях русской классики: главная роль в фильме «Катюша Маслова» (по «Воскресению» Л. Н. Толстого, 1915), Кручинина («Без вины виноватые», по пьесе А. Н. Островского, 1915), купчиха Маковкина («Отец Сергей», по Л. Н. Толстому, 1918).

Осип Рунич

Первая роль в кино — Николай Ростов («Война и мир», 1915). В 1915—1918 годах снимался в фильмах: «Песнь торжествующей любви», «Родные души», «Дело доктора Мореля», «Измена идеалу». В фильме «Живой труп» (по пьесе Л. Н. Толстого, 1918) исполнил роль Виктора Каренина.

Зоя Баранцевич

Дебют в кино — Китти («Анна Каренина», по роману Л. Н. Толстого, 1914). Играла главным образом роли девушек, беспомощных, склонных к самопожертвованию, мистическим настроениям, в фильмах «Жизнью смятые души» (1916), «Черная любовь» (1917), «Поэт и надшая душа» (1918).

Мария Андреева

Актриса МХАТа. Дебют в кино в 1916 году — фильм «Ничтожные» (экранизация романа Е. Нагродской «Борьба микробов»), где Андреева исполнила роль миллионерши Ракипиной. В 1917 году снялась в драме «Могла ли она так поступить?» (экранизация пьесы Н. Лернера «Преступление»).

Наталья Кованько

Артистка кино. В 1917 году снималась в комедии «Антоша-спекулянт», фривольном фарсе из курортной жизни «Козы... козочки... козлы», драмах «Жемчужный венец», «Белеет парус одинокий», «Борцы за свободу» («Революционер и провокатор»).

Владимир Максимов

Актёр Малого театра. Один из самых популярных актеров ранних лет русской кинематографии. Исполнял роли героев-любовников в салонно-психологических драмах «У камина», «Позабудь про камин, в нем погасли огни» и «Молчи, грусть, молчи...» Одна из лучших ролей — Федор Протасов («Живой труп», по пьесе Л. Н. Толстого, 1918). Принес в кинематограф высокую театральную культуру исполнения.

СТУДЕНТЫ В ОКОПАХ

Война, даже в ее изначальный момент патриотического вихря в российском обществе, не принесла «внутреннего мира» расколотому политически студенчеству, хотя и оно в абсолютном большинстве желало победы над внешним врагом и горело стремлением встать грудью на защиту Родины. Только малочисленные студенческие группы, шедшие за большевиками, безоговорочно поддержали лозунг своего вождя о поражении российского правительства во имя победы пролетарской революции. Но и среди них нашлись отступники, не согласившиеся с этим лозунгом. Член большевистской фракции Петроградского горного института В. Бажанов вспоминал: «Нам не пришлось долго обсуждать и растягивать прения — платформа нашего ЦК была безоговорочно принята нашей фракцией, ее активным ядром. С этого времени отошли от нас убежденные «оборонцы», которые оставались большевиками до этого решительного момен-

та...»¹. Сторонники «оборонческой» позиции обнаружались среди большевиков Московского коммерческого института², а также и в других высших учебных заведениях. Отношение к войне стало почвой для идейной конфронтации между антивоенным меньшинством и патриотически настроенным большинством студенчества. И. И. Дингельштедт, в 1914 году представитель социал-демократической фракции Петроградского горного института в редакции большевистской «Правды», вспоминал: «Атмосфера в это время была подавленная (у революционных работников). Кого ни встретишь — у всех на лицах вопрос: «а как смотрите на войну?». Некоторые даже руки не подавали, как только узнавали, что присоединился к тезисам Ленина. Особенно плохо было в среде студенчества: добровольчество, лазареты, манифестации — все это занимало патриотическую массу студентов»³.

Прокламируя свою приверженность защите отечества, студенты-революционеры, демократы, либералы стремились отмежеваться от ура-патриотов черносотенного толка, рьяно демонстрировавших безмерную преданность царю. Резкое осуждение студенческой массы вызвало участие последних в промонархическом шествии 9 октября 1914 года в Петербурге. «...Позорна вчерашняя картина коленопреклоненного студенчества перед Зимним дворцом, на площади, где 9 лет тому назад расстреляны наши товарищи. Но этот позор не может лечь на нас пятном. Мы пойдем на войну, но останемся с тем же ясным сознанием наших задач, с той же верой в торжество нашего дела. Мы пойдем, но гимном нашим будет Марсельеза»⁴, — писали в своей листовке студенты-эсеры 10 октября 1914 года.

Осудив попытки академистов толкнуть учащуюся молодежь «на дорогу рабского патриотизма и угодничества», студенты-трудовики призывали своих товарищей оставаться верными «заветам старого студенчества и возвысить свой голос за честь и достоинство родины»⁵.

Принимая решение защищать Россию, «левое студенчество» требовало от царского правительства амнистии политическим заключенным.

Антисамодержавный патриотизм имел и такое выражение: «Я бы вступил в бельгийскую армию — защищать ее независимость, вступил бы во французскую армию — защищать свободу Франции, но в ряды русской армии вступить считаю невозможным, потому что русская армия защищает свое правительство, которое в прошлом достаточно показало себя и даже арестует... готовых сражаться за Россию»⁶. Это заявление студента Каминского прозвучало 13 октября 1914 года на митинге в Петербургском политехникуме.

Неоднозначно к войне относилась и беспартийная студенческая масса, в которой также сильны были демократические устремления. Умонастроения беспартийных демократов, думается, точно передал в своих воспоминаниях академик Н. М. Дружинин, тогда студент последнего курса историко-филологического факультета Московского университета: «С одной стороны, я понимал, что война неизбежно вызовет у нас революцию, которая покончит с самодержавием, с другой стороны, я считал, что при сложившейся обстановке необходимо защищать родину от германской агрессии. Мне были неясны империалистические истоки войны; тактические споры в рядах революционных партий доходили до меня в заглушенной форме; ленинские статьи против социал-шовинизма, опубликованные в зарубежной прессе, остались мне тогда неизвестны»⁷.

А между тем высшая школа стала едва ли не основным источником пополнения таявшего в боях младшего командного состава офицерского корпуса. Российская империя начала воевать без необходимого командного резерва. Военное ведомство вынуждено было даже закрыть свои академии, направив в действующую армию всех их слушателей и преподавателей.

Положением Совета Министров от 30 сентября 1914 года (возобновлялось ежегодно) отменялись отсрочки от военной службы для студентов, исключая выпускников. Они мобилизовывались «нижними чинами» в запасные полки с последующим распределением соответственно специальностям и потребностям. «Достойных и способных» направляли на краткосрочное обучение (4—8 мес.) в военные училища, после чего они обретали первый офицерский чин прапорщика. Менее «достойные» призывники из студентов определялись в войска унтер-офицерами. И уже совсем «недостойные» — рядовыми. Читаем в воспоминаниях бывшего студента Московского университета М. Воронкова о тех, кто не имел права на производство в офицерский чин: «Это — в большинстве евреи, два-три поляка и несколько человек русских, утерявших политическую благонадежность. Они сообщили новичкам потрясающие подробности о том, как их откомандировали рядовыми солдатами в полки и издевались там над ними. Общие нары, кишевшие паразитами; льющаяся сверху в дождливое время вода и по целым неделям — сон под мокрыми одеялами; пренебрежительное, издевательское отношение не только офицеров, но главным образом фельдфебелей»⁸.

А впереди их ждал фронт, в огне которого ежедневно и ежечасно сгорали жизни студентов-новобранцев — рядовых, унтер-офицеров, прапорщиков. С 1915 года поминальные списки погибших в боях и от ран помещаются в годовых отчетах высших учебных заведений, и не только с относительно демократическим составом учащихся, таких, как университеты и народнохозяйственные институты, а и привилегированных, таких, как Александровский лицей и Училище правоведения. Имея в виду и эти скорбные поминовения, В. И. Вернадский писал: «Тысячи талантливых людей пали на полях битв и в лазаретах, среди них были и те, которые при отличном ходе жизни явились бы крупными учеными. Должно быть, среди них и есть такие, которые рождаются раз в поколение»⁹.

Бессмысленное растрачивание молодых интеллектуальных сил тревожило и министра народного просвещения П. Н. Игнатьева. 3 сентября 1915 года он писал в Совет Министров, что привлечение студентов в войска должно иметь место «только в крайнем случае», исключительно для пополнения офицерского корпуса, поскольку «необходимо предусматривать, что с окончанием военных действий для восстановления нормального хода государственной работы потребуется весьма значительное число образованных работников»¹⁰.

Предостережение Игнатьева осталось без последствий. Студенческие мобилизации следовали одна за другой через каждые два-три месяца. Об их масштабах можно судить по таким цифрам: Петроградский политехникум в 1915—1916 годах направил в армию 1615 студентов; малолюдный Петроградский институт инженеров путей сообщения только в 1915 году — 400 человек; Московский коммерческий институт в 1916 году — 1800 человек. Дабы удовлетворить все возраставшие потребности во врачах действующей ар-

мии и тыловых госпиталей, медицинские факультеты университетов были переведены на сокращенную четырехлетнюю (вместо пятилетней) программу. Студенты и курсистки составляли немалую часть низшего и среднего персонала полевых, стационарных госпиталей и поездов для раненых воинов Союза городов. На один из таких поездов в 1914 году попал студент-филолог Московского университета К. Г. Паустовский. «Почти все санитары тылового поезда были добровольцы-студенты. Мы носили солдатскую форму. Нам только разрешили оставить студенческие фуражки. Это обстоятельство много раз спасало нас от грубости и «цуканья» военных комендантов»¹¹, — вспоминал он.

Командировались студенты и на работы в оборонной промышленности в качестве и. о. инженеров, конструкторов, а также техниками-инструкторами и просто техниками, токарями-инструкторами и просто токарями и т. д. Только в январе—августе 1917 года на военных предприятиях Москвы и губернии работали 200 студентов Московского технического училища¹². Все чаще и все в большем числе студенты привлекались к общественным работам, например к разгрузке дров.

Военные поражения, фатально преследовавшие Россию в текущей войне, постоянные наборы студентов в армию, на оборонные предприятия и общественные работы, каждодневные вести с фронта об убитых и искалеченных товарищах, тяготы повседневного быта — все это в совокупности умеряло ратоборческий пыл учащейся молодежи, все более погружавшейся в настроения житейского уныния и разочарованности. «Странные, неприятные чувства волнуют учащуюся молодежь, читающую объявления (о мобилизации в действующую армию. — А. И.), — вспоминал М. Воронков. — Война в высшей степени непопулярна. Многих душит злорадия, другие — прощаются с прошлым беззаботным временем, третьим грустно от неудавшейся жизни, сорванной на первых порах. Энтузиазма не заметно даже у тех, кто «принимал» и «оправдывал» войну. Большинство удручено тем, что воевать нужно идти за Сухомлиновых и Распутиных»¹³. Если в 1914 году студенты-добровольцы мгновенно заполнили все 2,5—3 тысячи курсантских вакансий в военных училищах, то в 1916 году таковых насчитывались уже единицы.

Только черносотенное меньшинство студенчества продолжало рьяно демонстрировать свою воинственность. Весной 1915 года оно участвовало в спровоцированных полицией погромах немецких магазинов в Москве, вызвавших крайнее негодование большинства учащихся высших учебных заведений.

Глухое недовольство уставшего от войны студенчества бездарной самодержавной властью, не способной организовать отпор врагу, уже в 1915 году стало переливаться в массовые антиправительственные беспорядки. Ректор Московского университета М. К. Любавский доносил 21 марта 1916 года местному градоначальнику: «...Волнения, происходившие в последнее время в высших учебных заведениях — Коммерческом институте, Сельскохозяйственном и на Высших женских курсах, в конце концов перекинулись и на университет. Общее впечатление от них таково: какие-то подпольные силы во что бы то ни стало хотят поднять учащуюся молодежь, прибегая к агитации. Сначала были выдвинуты лозунги: «Долой войну!», «Долой самодержавие!», «Да здравствует вторая российская революция!». Когда же эти лозунги не нашли большого сочувствия, стали агитировать за учинение протеста против осуждения трамвайных служащих и расчета рабочих Путиловского завода. На Женских курсах обеспокоились положением евреев — студентов, призываемых в армию, и внесли, поскольку мне известно, резолюцию о том, чтобы студенты-евреи наравне с русскими призывались для пополнения офицерских кадров. В университете забастовка пропагандировалась уже в виде протеста против ареста каких-то товарищей и ввода полиции в Коммерческий институт»¹⁴.

К 1917 году студенчество было охвачено уже антивоенными настроениями, кстати, не имевшими ничего общего с большевистскими. Оно желало не поражения своей Родине во имя пролетарской революции, а скорейшего и почетного выхода ее из войны во имя мира гражданского.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. На пути к победе. Из революционной истории Горького института. Л., 1925. С. 155.
2. Островитянов К. В. Думы о прошлом. М., 1967. С. 88.
3. На пути к победе. С. 155.
4. РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 64. Л. 53 об.
5. Там же.
6. РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 883. Л. 56.
7. Дружинин Н. М. Избранные труды. Воспоминания, мысли, опыт историка. М., 1990. С. 16.
8. Воронков Мих. Из жизни дореволюционного студенчества. М., 1947.
9. Вернадский В. И. Война и прогресс науки//Очерки и речи акад. В. И. Вернадского. Пг., 1922. С. 134.
10. РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 1369. Л. 4.
11. Паустовский К. Собр. соч. Т. 3. М., 1958. С. 342—343.
12. ЦГИА г. Москвы. Ф. 372. Оп. 6. Д. 2. Л. 11.
13. Воронков Мих. Указ. соч. С. 1.
14. Красный архив, 1933. Т. 3 (58). С. 114.

СОЛДАТСКАЯ ИСТОРИЯ

В Великобритании, в городе Лидсе, при местном университете существует уникальный архив личной истории войны. В нем тщательно собраны и систематизированы различные свидетельства участников и очевидцев военных действий. Мы попросили рассказать об этой неординарной коллекции ее основателя — известного в Британии историка профессора Питера Лидлла.

Начало архиву положено почти 30 лет назад, когда я, будучи молодым школьным учителем, пытался применять различные методы, чтобы донести до своих учеников магическую привлекательность познания прошлого. Мы изучали историю, играя в нее: шили костюмы, ставили пьесы, пели и танцевали, готовили пищу по старинным рецептам, ночевали в монастырях и даже «штурмовали» средневековые замки. Во время этих «исторических» походов мы встречались с различными людьми старшего поколения, которые рассказывали нам о прожитой жизни. Постепенно мы пришли к убеждению о необходимости записывать эти воспоминания, чтобы сохранить их для последующих поколений.

Неожиданно для себя я вдруг обнаружил, что многие наши собеседники очень часто обращаются к периоду первой мировой войны. Так я столкнулся с огромным пластом человеческой истории, мало знакомым моим соотечественникам. Поэтому я решил целенаправленно собирать воспоминания о 1914—1918 годах, и вскоре это стало делом моей жизни.

В поисках участников войны я обратился за помощью к прессе — давал интервью, рассказывал о своей работе, просил людей писать мне. Получив первые адреса ветеранов, отправился в поездки по стране. Каждый новый собеседник давал мне новые адреса. Таким образом, очень быстро география исследований расширилась. Я посетил США, Канаду, Францию, Турцию, Австралию, Новую Зеландию и привез оттуда много ценных материалов, существенно пополнявших коллекцию. И лишь с бывшим

Советским Союзом ничего не получилось, несмотря на личное вмешательство британского посла. Советская бюрократическая организация ветеранов войны на корню заморозила попытки сотрудничества с кем бы то ни было в Советском Союзе. Не знаю, как обстоят дела сейчас, но тогда это была большая и, полагаю, взаимная потеря.

В настоящее время коллекция включает в себя самые разнообразные материалы, охватывающие личный опыт войны более чем 6 тысяч мужчин и женщин. Это не только пленки с интервью и рукописные мемуары, но и личные вещи, униформа, фотографии, карты, значки, медали и т. д. К счастью, мне сразу удалось выработать основные принципы комплектования архива и создания справочного аппарата.

Во-первых, вся структура коллекции базируется на истории личности, которая не должна потеряться в горах документации. Принцип сохранения личных поступлений в одном месте (фонде) ставится во главу угла. Если же, в силу необхо-

димости, воспоминания и вещи хранятся в разных фондах, то они каталогизируются таким образом, что их можно быстро и легко собрать вместе.

Второй принцип — это система перекрестных ссылок, то есть значительная часть документов распределяется одновременно по разным рубрикам каталога. К примеру, воспоминания британского офицера, участника интервенции на севере России, можно найти: по

году (1918), по месту (Архангельск), по номеру части, по фамилиям других очевидцев событий. Подобный принцип существенно облегчает поисковую работу ученого.

И в-третьих. Раз коллекция создавалась на основе британского опыта войны, то я стремился к тому, чтобы архив был всеохватывающим. Военные действия фронтов, истории английских формирований, работа в тылу, помощь

населения фронту — эти и многие другие аспекты в разной степени нашли отображение в архиве через призму личного восприятия. Разумеется, мемуары всегда субъективны, и к ним как к историческому источнику необходимо относиться с известной долей осторожности. Но когда в одни и те же события вовлечены тысячи людей, воспоминания которых записаны специалистом, то это уже достаточно серьезный источник, способный перевернуть общепринятые представления. На базе собранных материалов я опубликовал серию книг, рассказывающих о человеческом восприятии первой мировой войны: «Война глазами моряков», «Война глазами пилотов», «Солдатская война» и другие. Буду рад, если мои скромные усилия найдут отклик в России и ваши ученые также займутся изучением аналогичных проблем.

Адрес для контактов:
Peter Liddle
Liddle Collection
Edward Boyle Library
University of Leeds
Leeds, LS2, 9 J T, U. K.

В ЗАЛЕ НЕСУЩЕСТВУЮЩЕГО МУЗЕЯ

И. Н. Воросов. Портрет, сохранившийся в фонде «комиссии».

5 марта 1911 года по инициативе П. И. Белавенца при Военно-походной канцелярии¹ была учреждена «Комиссия по описанию боевых трофеев русского воинства и старых русских знамен» во главе с полковником Шенком. Она занялась описанием имевшихся знамен и трофеев прошлых войн. В ходе работы комиссии издавались ее труды, в которых помещались описания и рисунки знамен. С началом первой мировой войны многие члены комиссии оказались на фронте. В конце 1915—начале 1916 года было принято решение об увековечении памяти героев этой войны. На фронт были посланы художники, фотографы, литераторы. В их задачу входил сбор сведений о Георгиевских кавалерах: рядовых, имеющих 4 Георгиевских креста², и офицерах, награжденных орденом св. Георгия или Георгиевским оружием. Записывались их подвиги, делались зарисовки боя и фотографии героев. В феврале 1916-го начали выпускаться брошюры с описанием таких подвигов. Их присылали в части, а также высылали на родину героев. Всего за год было собрано 1554 описания подвигов, написано 1000 картин, сделано свыше 1000 фотографий. Но работа долгое время проводилась без определенной системы. Лишь 22 июня того же года была высочайше утверждена «Трофейная комиссия для сбора, переписи и хранения трофеев настоящей войны и увековечения ее в памяти потомства». Были также утверждены временные штаты комиссии и положение о ней.

После октября 17-го вопрос о продолжении деятельности комиссии долгое время оставался открытым. Лишь летом 1919 года были утверждены штаты и «Положение о комиссии по организации народного музея войны 1914—1918 годов». Предполагалось закончить работу по организации музея и сис-

тематизации имеющихся трофеев и материалов в течение 5 лет. В комиссии работали артиллерийско-технический, интендантско-санитарный, документно-литературный, художественно-фотографический и знаменный отделы. Однако музей так и не был создан. Материалы документального и изобразительного характера оказались в Государственном историческом и Артиллерийском музеях, а также в Российском государственном военном-историческом архиве (РГВИА).

В настоящее время в РГВИА в фонде комиссии хранятся многочисленные фотографии и описания подвигов солдат в годы войны. Небольшая галерея этих портретов предлагается вниманию наших читателей.

Сухов Василий Степанович (род. 1 августа 1889 года, из крестьян с. Единовова, Кудрявцевской вол., Корчевского у., Тверской губ.) — ефрейтор 169-го пехотного Новоторжского полка. 26 августа 1915 года рота, в которой служил Сухов, заступила в сторожевое охранение. Во главе 17 добровольцев Сухов отправился в разведку. Перед ним была поставлена задача обнаружить противника. Противник был обнаружен в непосредственной близости от Мазурских озер³. Послав донесение на главную заставу, В. С. Сухов с товарищами занял оборону и задерживал наступление противника, чтобы дать полку возможность вернуться в боевой порядок. 18 смельчаков выдержали несколько атак неприятельских разведов, значительно превосходящих их по силе, и спасли свою роту от внезапного нападения. За это В. С. Сухов был награжден Георгиевским крестом 4-й степени. Этот подвиг художник запечатлел на рисунках (РГВИА. Ф. 16180. Оп. 1. Д. 77. Л. 456—458).

Павлов Никифор (род. 7 февраля 1880 года в д. Константиново, Поникульской вол., Бельского у., Смоленской губ.) — ефрейтор 169-го пехотного Новоторжского полка. 19 августа 1915 года в Сувальской губ.⁴ в 6 верстах от г. Кальварии полк вел бой. В бою был убит командир, и Павлов взял на себя командование отделением. Он

повел людей в атаку, чем избавил полк от флангового удара и обратил наступавшего неприятеля в бегство. За храбрость и находчивость Н. Павлов награжден Георгиевским крестом 4-й степени. Этот эпизод боя запечатлен на рисунках (Ф. 16180. Оп. 1. Д. 77. Л. 453—455).

Святинский Яков (д. Аршипитовка, Бобринская вол., Балтский у., Каменец-Подольская губ.) — подпрапорщик 2-й роты 42-го запасного пехотного батальона. Кавалер Георгиевского креста четырех степеней. 3 мая 1915 года он был назначен командиром разведчиков. В разведке была обнаружена и захвачена неприятельская засада. Разведчики пробрались близко к окопам противника и выяснили его расположение, чем была обеспечена успешная атака полка. За это Я. Святинский награжден Георгиевским крестом 3-й степени. Во время боев в Галиции он со своим взводом предпринял удачный маневр, захватил противника врасплох на сильно укрепленной позиции у Красной горы и выбил его из окопов. В боях при г. Ярославле⁵ Я. Святинский получил крест 2-й степени. Его полк отступал за Вислу. Противником были наведены мосты через реку и переброшены крупные силы. Полку было приказано атаковать неприятельские части. Во время наступления был ранен ротный, и Святинский принял на себя командование и повел роту в атаку. Задача была выполнена. В ходе атаки захвачено много пленных. 3 мая 1915 года рота предпринимала обходной маневр. Ротный был ранен. Тогда Я. Святинский принял на себя командование и продолжил операцию. По неприятелю был открыт убийственный огонь. Противник дрогнул и отступил. Рота Святинского захватила в плен 10 офицеров, 150 солдат и 2 пулемета. Этот подвиг был оценен Георгиевским крестом 1-й степени (Ф. 16180. Оп. 1. Д. 71. Л. 131—132об).

Воросов Ивай Никанорович (род. 7 января 1980 года в ст-це Быркинской, пос. Саво-Борзинского) — старший урядник⁶ 1-го Читинского казачьего полка Забай-

кальского казачьего войска. Кавалер трех Георгиевских крестов и французской военной бронзовой медали. Все три креста получены им в октябре—ноябре 1914 года: Георгиевский крест 4-й степени — за успешную атаку противника 11 октября у д. Недабиль, в результате которой противник был выбит из этой деревни. 19 октября 1914 года во время конной атаки Воросов во главе своего взвода бросился на прусский эскадрон, увлек за собой казаков, чем способствовал успеху атаки. В бою 4 ноября, будучи окружен вдвоем, превосходящими силами противника, оборонял мост на р. Варте до подхода частей Гренадерского корпуса. Французской военной бронзовой медалью награжден как лучший казак полка (Ф. 16180. Оп. 1. Д. 124. Л. 1—3). Сохранился портрет героя.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Военно-походная канцелярия его императорского величества — основана Павлом I, упразднена в 1812 году, воссоздана в 1832-м. С 1866 года находилась в ведении командующего императорской главной квартирой. Занималась делами, «разрешавшимися Высочайшими приказами».
2. Орден св. Георгия — учрежден в 1769 году для награждения офицеров и генералов за боевые заслуги и подвиги. Имел 4 степени. Непосредственное отношение к ордену имело «Золотое оружие», с 1913 года носившее официальное название «Георгиевское оружие». Офицеры, награжденные им, приравнялись к кавалерам ордена св. Георгия. Для награждения солдат и унтер-офицеров в начале XIX века учрежден особый Георгиевский крест. В середине XIX века он был подразделен на четыре степени (1 и 2-я — золотые, 3 и 4-я — серебряные). Лица, имевшие Георгиевские кресты всех четырех степеней, являлись полными Георгиевскими кавалерами.
3. Мазурские озера — группа озер на северо-востоке Польши, соединены протоками и каналами, имеют сток в реки Висла и Преголя. В годы первой мировой войны район ожесточенных боев находился вблизи этих озер.
4. Сувальская губ. — ныне Сувальское воеводство — область на северо-востоке Польши.
5. Ярослав — город в Польше на р. Сан.
6. Старший урядник — солдатский чин в казачьих войсках, соответствующий чину старшего унтер-офицера (что-то вроде старшего сержанта).

БРЕСТСКИЙ МИР

*С Россией кончено... На последях
Ее мы прогалдели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях.*

*Распродали на улицах: не надо ль
Кому земли, республик да свобод,
Гражданских прав? И родину народ
Сам выволок на гноище, как падаль.*

*О, Господи, разверзни, расточи,
Пошли на нас огонь, язвы и бичи:
Германцев с запада, монгол с востока.*

*Отдай нас в рабство вновь и навсегда,
Чтоб искупить смиренно и глубоко
Иудин грех до Страшного Суда.*

1917

В 1919 г. белые и красные, беря по очереди Одессу, свои прокламации к населению начинали одними и теми же словами моего стихотворения «Брестский мир». Эти явления — моя литературная гордость, т. к. они свидетельствуют, что в моменты высшего разлада мне удавалось, говоря о самом спорном и современном, находить такие слова и такую перспективу, что ее принимали и те, и другие.

Максимилиан Волошин.
Автобиография. 1925.

ГЛАВА IV

ИСЧЕЗНУВШИЙ МОНУМЕНТ

Летом 1916 года на имя начальника Штаба Верховного Главнокомандующего генерала М. В. Алексеева пришло красиво оформленное письмо, в котором сообщалось, что «в гор. Вязьме в целях поддержания и создания соответствующего настроения среди населения и для войск, в нем расположенных, на только что посаженном против бариков бульваре поставлен памятник героям войны», на который предполагалось «заносить имена героев, Георгиевских кавалеров, по мере того как Особый комитет будет выяснять имена и фамилии этих лиц, а также имена героев-вязьмичей». Особо в письме оговаривалось, что монумент строился исключительно на деньги, собранные жителями Вязьмы во время войны, чтобы уже тогда вызывать у населения и войск местного гарнизона гордость за русских героев.

Увы, загруженность работой в Ставке не позволила Михаилу Васильевичу Алексееву приехать на открытие памятника. Неизвестна и дальнейшая судьба обелиска. Возможно, теперешние вязьмичи откликнутся на эту публикацию сообщениями о том, что случилось с монументом, а может быть, станут первыми, как когда-то их земляки, в сооружении храма-памятника русскому солдату, напрочь забытому в угоду политической трактовке первой мировой войны как империалистической, несправедливой.

«Спит мировая совесть. Пожелаем увидеть ее пробуждение», — сказал генерал А. И. Деникин в мае 1937 года на открытии во Франции памятника русским солдатам, павшим во время первой мировой. Пожелаем и мы того же.

ЮРИЙ ТРАМБИЦКИЙ

«МНОГИЕ ЖАЖДАЛИ ВОЙНЫ»

Профессор Вильгельм Дайест (Германия) и Питер Лиддл (Великобритания) — авторы многочисленных книг по истории первой мировой войны, признанные специалисты в этой области. Узнав о намерении редакции подготовить спецномер о первой мировой войне, они любезно согласились ответить на наши вопросы.

— Какое место в бурной истории XX века вы отводите первой мировой войне и значит ли что-нибудь эта война для нынешнего поколения немцев и британцев?

Вильгельм Дайест: Да, первая мировая война оставила глубокий след в сознании людей, и это не пустая фраза. Я считаю, что XX век начался именно в 1914 году. Эта война заложила основы современной цивилизации.

Несомненно, Германия несет ответственность за две мировые войны, и поэтому результаты этих войн самым непосредственным образом сказались именно на ней. И хотя в самой Германии первая мировая война во многом заслоняется второй мировой, тем не менее в обществе сохраняется устойчивый интерес к 1914—1918 годам. Изучение истории первой мировой войны, на мой взгляд, позволяет понять истоки многих острых проблем современности.

Питер Лиддл: Согласен. Первая мировая война, без всякого преувеличения, оказала огромное влияние на Европу и ее последующее развитие. Впервые в современной истории мой народ стоял перед угрозой порабощения, и воспоминания о тех годах невзгод и лишений до сих пор бережно сохраняются во многих семьях.

— Была ли первая мировая война неизбежна и существовали ли, на ваш взгляд, возможности предотвратить ее?

П. Л.: Вопрос требует изучения и привлечения новых документов. К примеру, в какой степени дипломатам удалось и не удалось воздействовать на ход событий, обладали ли они необходимым опытом и навыками, чтобы договориться друг с другом? Необходимо также учитывать определенные национальные тенденции в самом германском обществе, которые провоцировали военное разрешение политических и экономических противоречий.

В. Д.: Мне кажется, что для историка вообще не должно быть ничего неизбежного в истории. Если же мы станем на точку зрения, что какие-то события были неизбежны, то это равносильно фатальному взгляду на события. Всегда существуют какие-то дру-

гие возможности для развития ситуации. Другое дело, что эти возможности в той конкретной ситуации 1914 года не могли реализоваться. События лета 1914 года показывают, что за редким исключением все политические лидеры были настроены чрезвычайно решительно. Многие жаждали войны.

— Марксисты утверждают, что первая мировая война была результатом империалистической стадии развития капитализма...

В. Д.: Думаю, что империалистические устремления Франции и Великобритании сыграли свою роль в разрывании войны. Никто из них не хотел иметь в лице Германии мощного политического и экономического конкурента. В этом плане в какой-то степени я разделяю марксистскую точку зрения. Но, говоря о марксистской концепции, я никогда не соглашусь с принципом детерминированности исторических событий.

П. Л.: Не хочу вдаваться в споры по поводу марксистской терминологии, но замечу, что при осмыслении причин войны нельзя не учитывать стремлений держав к господству и наживе.

— Профессор Дайест, как немецкий историк, не могли бы вы ответить на школьный вопрос: зачем вообще Германия напала на Россию?

В. Д.: Вопрос только внешне прост. Истоки русско-германской конфронтации имеют длинную историю. И если мы посмотрим на немецкое общество кануна войны, то легко заметим, какое сильное предубеждение против России существовало в политических, военных и экономических кругах. Все боялись огромной военной мощи России. Будущее Германии многим виделось в низвержении Франции и Великобритании. Было ясно, что Россия поддержит Францию. А так как сама Германия к оборонительной войне была не готова, то в генштабе возобладал подход, что единственный выход — это быстро окружить и уничтожить русскую армию. Правда, планов эксплуатации оккупированных территорий, подобно нацистским, в то время не существовало.

— Но насколько реальны были шансы Германии?

В. Д.: Вероятно, с военной точки зрения шансов выиграть войну у Германии практически не было. А после вступления в войну США поражение стало лишь вопросом времени. С политической же точки зрения у Германии были шансы достойно выйти из войны, чтобы не доводить ее до полной национальной катастрофы.

П. Л.: Конечно, зная результаты, легче отвечать на этот вопрос. Но в принципе, сравнивая соотношение сил коалиций, можно утверждать, что Германия должна была проиграть. И то, с какими трудностями столкнулись немцы буквально через год войны, подтверждает эту точку зрения.

— *Насколько решительно немцы и британцы были настроены воевать? Какой образ врага сложился у тех и у других?*

П. Л.: Настроения в Великобритании были очень решительные. С таким врагом надо бороться до победного конца — это главный лейтмотив того времени. В сознании людей в лице немца сложился образ коварного, циничного и жестокого противника, которому, как считали многие, необходимо преподать урок. Разумеется, свою роль сыграла и целенаправленная пропаганда. Однако не будем забывать, что немцы своей жестокостью по отношению к мирному населению и пленным сами играли на руку антигерманской пропаганде.

В. Д.: В начале войны германское общество было в состоянии своеобразной эйфории. Ждали быстрой победы. К тому же важно подчеркнуть, что эту войну многие считали войной в защиту Отечества. Никто и мысли не допускал, что это была агрессия со стороны Германии. Отрезвление пришло слишком поздно. Что касается образа врага, или точнее врагов, то здесь «хорошо» поработала пропаганда. Интересно заметить: если французы и англичане рассматривались как традиционные противники, то русские уже в то время считались врагом более опасным и гораздо менее культурным, чем немцы. Именно в годы первой мировой войны закладывались основы будущей геббельсовской пропаганды и теории расового превосходства немцев.

— *Ваше мнение в целом о действиях противоборствующих армий, включая российскую.*

П. Л.: Не вдаваясь в моральную сторону вопроса, необходимо признать, что постановка и организация военного дела в немецкой армии стояли на высочайшем уровне. В умении наступать, преследовать и окружать противника с немцами мало кто мог сравниться. Что касается военных усилий России, то прежде всего хочу подчеркнуть, что их ни в коей мере нельзя преуменьшать. Русский союзник был чрезвычайно важен для нас. Учитывая трудности, с которыми пришлось столкнуться России, ее достижения нельзя оценивать иначе как выдающиеся. Из наступательных операций я бы особенно выделил Брусиловский прорыв. На мой взгляд, в западной историографии ему уделяется слишком мало внимания.

В. Д.: Действительно, германской армии было чем гордиться. Но и она не была лишена недостатков. И в

первую очередь на ее действиях по ходу войны сказывалась ограниченность ресурсов. Как бы великолепно ни была организована армия, но при нехватке боеприпасов, снаряжения она не в состоянии решать поставленные задачи. Согласен с профессором Лиддлом в оценке России. Хотя судьба войны решалась на Западном фронте, Россия существенно влияла на события. Оборонительные и наступательные операции русских армий на Восточном фронте помогли союзникам измотать Германию и приблизили ее поражение. Думаю, что история участия России в первой мировой войне еще ждет своих исследователей.

— *Как вы считаете, в какой степени война повлияла на революционные события в России?*

П. Л.: В большой. Глупо отрицать тесную связь между войнами и революциями. Я убежден, что в 1917 году большевики пришли к власти исключительно благодаря войне. Не будь ее, ситуация сложилась бы совсем иная.

В. Д.: Да, большевики блестяще воспользовались предоставленным шансом и захватили власть. Но я не берусь предсказывать, что было бы, если бы не война. Правда, можно считать доказанным, что война послужила своеобразным катализатором революционных процессов.

— *В России до сих пор не утихают споры по поводу Брест-Литовского мирного договора. Придерживаетесь ли вы какой-то определенной точки зрения?*

П. Л.: Я разделяю мнение тех ученых, которые полагают, что Брест-Литовск стал наилучшим оправданием устремлений союзников (Франции, Британии и США) довести войну до полной победы.

В. Д.: При всех спорах о Брест-Литовском договоре мне кажется, что стратегически позиция Троцкого была очень разумной. С одной стороны, он позволял своей партии «не запачкаться» договором с «империалистами», с другой — давал возможность Германии выйти из войны. Правда, в Брест-Литовске немцы сами хотели мирного договора, который позволял бы им получить новые территории на востоке. Думаю, что германское руководство допустило большую ошибку, начав внешне успешное наступление на востоке. Это был временный успех, который, как ни странно, еще больше ускорил поражение Германии, так как и без того скудные силы распылялись.

— *А как тогда вы оцениваете вмешательство Антанты во внутренние дела России?*

П. Л.: Считаю, что с военной точки зрения высадка британских сил на Севере России в тех условиях была абсолютно целесообразной. Крайне необходимо было заставить немцев держать фронт, и мы заставили их сделать это. Им не удалось переправить значительную часть своих сил на Запад. Другое дело, что в силу идеологических и моральных убеждений союзники стали вмешиваться в русские проблемы. Но это уже обратная сторона вопроса.

В. Д.: На мой взгляд, интервенция ни в коей мере не помогла Антанте достичь быстрой победы. Разговоры о необходимости поддерживать Восточный фронт были всего лишь предлогом. Антанте не хотелось терять сильного союзника, и поэтому интервен-

ция осуществлялась не столько из военных, сколько из политических целей.

— *Согласны ли вы с утверждением, что фашизм — это детище первой мировой войны? И почему, на ваш взгляд, это произошло?*

В. Д.: Война породила множество самых различных течений, и фашизм был одним из них. В условиях постоянных трудностей люди разуверились во всем, а на этой почве быстро появляются политики, которые, эксплуатируя национальные чувства, обещают золотые горы в короткий срок. Уставшие, разочаровавшиеся люди верят им. Думаю, что изучение того времени должно помочь таким странам, как Россия, избежать этой опасности сейчас.

П. Л.: Несомненно, фашизм вырос из войны. И я бы хотел отметить, что первая мировая война показала в целом, что демократическим государствам очень сложно вести войну. Необходимо мощное государственное управление для концентрации усилий всего общества. Это подпитывало идейные основы фашистского течения.

— *Ваше отношение к Версалию. Был ли это мирный договор или подготовка к новой войне?*

В. Д.: Я считаю, что Версальский договор был чрезвычайно жестким в отношении Германии. И эта жесткость не соответствовала интересам самих держав-победительниц. В Версальском договоре слишком заметно стремление унижить побежденных, что в свою очередь провоцировало новую вражду. Так и произошло.

П. Л.: Конечно же, очень просто, сидя в кресле и рассматривая карты, судить политических и военных лидеров тех лет. Сегодня легко критиковать Версаль-

ский договор, зная о последующих событиях. Но давайте попытаемся быть честными до конца и постараемся встать на сторону людей, подписавших мирный договор. Они столкнулись с колоссальными трудностями. Как-никак это была первая мировая война, и заключить мир, который бы устроил многих, было невероятно сложно. Да, Версальский договор не безупречен, он, может быть, даже слишком жесткий, но мог ли кто-то тогда сделать его абсолютно безупречным? Думаю, что нет, и поэтому я не желаю становиться в позу судьи.

— *И последний вопрос. Историография первой мировой войны насчитывает тысячи томов, казалось бы, многое уже известно. Какие аспекты, на ваш взгляд, требуют дальнейшего изучения?*

П. Л.: Мне кажется, что главные усилия современных ученых должны сосредоточиться на осмыслении войны с позиций всех наций, участвовавших в ней. Это требует солидной подготовки и знания нескольких иностранных языков. Предшествующая историография, при всех прочих достоинствах, отличается как раз одноязычным подходом, что затрудняет постановку общих проблем.

В. Д.: В первую очередь это касается социальной истории, истории оккупационной политики и, как я уже сказал, деятельности России. К тому же сейчас известно, что значительная часть документов по первой мировой войне была захвачена Красной Армией после победы над нацистской Германией. Десятки лет они тайно хранились в московских архивах. Так что историки получили новый импульс к изучению первой мировой.

Вел беседу Сергей КУДРЯШОВ

Австрийские военнопленные в русском плену. Лагерь Дарница.

MEIN KAMPF

ВОЙНА В КОРИЧНЕВЫХ ТОНАХ

В дни моей зеленой юности ничто так не огорчало меня, как то обстоятельство, что я родился в такое время, которое стало эпохой лавочников и государственных чиновников. Мне казалось, что волны исторических событий улеглись, что будущее принадлежит только так называемому «мирному соревнованию народов», т. е. самому обыкновенному взаимному коммерческому облапошиванию при полном исключении насильственных методов защиты. Отдельные государства все больше стали походить на простые коммерческие предприятия, которые конкурируют друг с другом, перехватывают друг у друга покупателей и заказчиков и вообще всеми средствами стараются подставить друг другу ножку, выкрикивая при этом на всех перекрестках каждое о своей честности и невинности. В пору моей зеленой юности мне казалось, что эти нравы сохранятся надолго (ведь все об этом только и мечтали) и что постепенно весь мир превратится в один большой универсальный магазин, помещения которого вместо памятников будут украшены бюстами наиболее ловких мошенников и наиболее глупых чиновников. <...>

В эту мою молодую пору я частенько думал: почему я не родился на сто лет раньше. Ах! Ведь мог же я

родиться, ну, скажем, по крайней мере в эпоху освободительных войн, когда человек, и не «занимавшийся делом», чего-нибудь да стоил и сам по себе.

Так частенько грустил я по поводу моего, как мне казалось, позднего появления на земле и видел незаслуженный удар судьбы в том, что мне так и придется прожить всю жизнь среди «тишины и порядка». Как видите, я уже смолodu не был «пацифистом», а все попытки воспитать меня в духе пацифизма были впустую. <...>

Прошло много лет. То, что раньше казалось мне гнилой агонией, теперь начинало казаться затишьем перед бурей. Уже во время моего пребывания в Вене на Балканах господствовала душная атмосфера, которая предсказывала грозу. Уже не раз появлялись и вспыхивали там отдельные зарницы, которые, однако, быстро исчезали, снова уступая место непроницаемой тьме. Но вот разразилась первая балканская война, и вместе в ней первые порывы ветра донесли до изнервничавшей Европы. Полоса времени непосредственно за первой балканской войной была чрезвычайно тягостной. У всех было чувство приближающейся катастрофы, вся земля как бы раскалилась и жаждала первой капли дождя. Люди полны были тоски ожидания и говорили себе: пусть наконец небо сжалится, пусть судьба скорее шлет те события, которые все равно неминуемы. И вот, нако-

пец, первая яркая молния озарила землю. Началась гроза, и могучие раскаты грома смешались с громыханием пушек на полях мировой войны.

Когда в Мюнхен пришла первая весть об убийстве эрцгерцога Франца Фердинанда (я сидел как раз дома и через окно услышал первые недостаточно точные сведения об этом убийстве), меня сначала охватила тревога, не убит ли он немецкими студентами, у которых вызвала возмущение систематическая работа наследника над славянизацией австрийского государства. С моей точки зрения, не было бы ничего удивительного в том, что немецкие студенты захотели бы освободить немецкий народ от этого внутреннего врага. Легко представить себе, каковы были бы последствия, если бы убийство эрцгерцога носило именно такой характер. В результате мы имели бы целую волну преследований, которая была бы, конечно, признана «обоснованной» и «справедливой» всем миром. Но когда я узнал имя предполагаемого убийцы, когда мне сказали, что убийца безусловно серб, меня охватил тихий ужас по поводу того, как отомстила эрцгерцогу неисповедимая судьба.

Один из самых видных друзей славянства пал жертвой от руки славянских фанатиков.

Кто за последние годы внимательно следил за взаимоотношениями между Австрией и Сербией, тот не мог теперь ни на минуту сомневаться в том, что события будут развиваться неудержимо.

Теперь частенько осыпают венское правительство упреками за тот ультиматум, который оно послало Сербии. Но эти упреки совершенно несправедливы. Любое правительство в мире в аналогичной обстановке поступило бы так же. На своей восточной границе Австрия имела неумолимого врага, который выступал с провокациями все чаще и чаще и который не мог успокоиться до того момента, пока благоприятная обстановка не привела бы к разгрому австро-венгерской монархии. В Австрии имелись все основания предполагать, что удар против нее будет отложен максимум до момента смерти старого императора; но там были основания также предполагать, что к этому моменту монархия вообще уже лишится способности оказать сколько-нибудь серьезное сопротивление. В течение последних лет монархия эта до такой степени олицетворялась дряхлеющим Францем Иосифом, что в глазах широких масс смерть этого императора неизбежно должна была представляться как смерть самого отживающего австрийского государства. Одна из самых хитрых уловок славянской политики заключалась в том, что она сознательно сеяла ту мысль, что «процветание» Австрии целиком обязано мудрости ее монарха. На удочку этой лести венские придворные круги попадали тем легче, что эта оценка совершенно не соответствовала действительным заслугам Франца Иосифа. Венский двор совершенно не понимал, что в этой лести скрыта насмешка. При дворе не понимали, а может быть, и не хотели понимать, что чем больше судьбы монархии связываются с государственным разумом этого, как тогда выражались, «мудрейшего из монархов», тем более катастрофичным станет положение монархии, когда в один прекрасный

день безжалостная смерть постучится в дверь Франца Иосифа.

Можно ли было тогда вообще представить себе Австрию без этого старого императора?

Не повторится ли тогда сразу та трагедия, которая некогда приключилась с Марией Терезией?

Нет, совершенно несправедливы упреки, направленные против венского правительства за то, что оно в 1914 году пошло на войну, которой, как иным кажется, можно было еще избежать. Нет, войны избежать уже нельзя было; ее можно было отсрочить максимум на один-два года. Но в этом и заключалось проклятие немецкой и австрийской дипломатии, что она все еще старалась оттянуть неотвратимое столкновение и в конце концов вынуждена была принять бой в самый неблагоприятный момент. Не подлежит сомнению, что если бы войну удалось еще на короткий срок оттянуть, то Германии и Австрии пришлось бы воевать в еще более неблагоприятную минуту.

Нет, дело обстоит так, что кто не хотел этой войны, тот должен был иметь мужество сделать необходимые выводы. А выводы эти могли заключаться только в том, чтобы пожертвовать Австрией. Война пришла бы и в этом случае, но это не была бы война всех против одной Германии. Зато при этом был бы неизбежен раздел Австрии. Перед Германией стоял бы тогда выбор: либо принять участие в дележе, либо вернуться с дележа с пустыми руками.

Те, кто сейчас больше всего ворчит и бранится по поводу обстановки, в какой началась война, те, кто сейчас задним числом так мудр, — именно они летом 1914 года больше всего толкали Германию в эту роковую войну. <...>

Я и сам испытал в эти дни необычайный подъем. Тяжелых настроений как не бывало. Я несколько не стыжусь сознаться, что, увлеченный волной могучего энтузиазма, я упал на колени и от глубины сердца благодарил господ бога за то, что он дал мне счастье жить в такое время.

Началась борьба за свободу такой силы и размаха, каких не знал еще мир. Как только начавшиеся события приняли тот ход, который они неизбежно должны были принять, самым широким массам стало ясно, что дело идет уже не о Сербии и даже не об Австрии, что теперь решается судьба самой немецкой нации.

После многих лет теперь в последний раз открылись глаза народа на его собственное будущее. Настроение было в высшей степени приподнятое, но в то же время и серьезное. Народ сознавал, что решается его судьба. Именно поэтому национальный подъем был глубок и прочен. Эта серьезность настроения вполне соответствовала обстоятельствам, хотя в первый момент никто не имел представления о том, как неизменно долго протянется начинающаяся война. Очень распространена была мечта, что к зиме мы кончим дело и вернемся к мирному труду с новыми силами.

Чего хочется, тому верится. Подавляющему большинству народа уже давно успело надоесть состояние вечной тревоги. Этим и объясняется тот факт, что никто не хотел верить в возможность мирного улаживания австро-сербского конфликта, и все кругом надеялись на то,

что вот наконец грянет война. Мое личное настроение было таким же.

Как только я услышал в Мюнхене о покушении на австрийского эрцгерцога, две мысли пронизали мой мозг: во-первых, что теперь война стала неизбежной, а во-вторых, что при сложившихся обстоятельствах габсбургское государство вынуждено будет сохранить верность Германии. Больше всего я в прежние времена боялся, что Германия будет ввергнута в войну в последнем счете из-за Австрии и тем не менее Австрия останется в стороне. Могло ведь случиться так, что конфликт начался бы непосредственно не из-за Австрии и тогда габсбургское правительство по мотивам внутренней политики наверняка попыталось бы спрятаться в кусты. А если бы даже само правительство решило остаться верным Германии, славянское большинство государства все равно стало бы саботировать это решение; оно скорее готово было бы разбить вдребезги все государство, нежели позволить Габсбургам остаться верными Германии. В июле 1914 года события, к счастью, сложились так, что подобная опасность была устранена. Волей-неволей старому австрийскому государству пришлось ввязаться в войну.

Моя собственная позиция была совершенно ясна. С моей точки зрения, борьба начиналась не из-за того, получит ли Австрия то или другое удовлетворение со стороны Сербии. По-моему, война шла из-за самого существования Германии. Дело шло о том, быть или не быть германской нации; дело шло о нашей свободе и нашем будущем. Государству, созданному Бисмарком, теперь приходилось обнажить меч. Молодой Германии приходилось заново доказывать, что она достойна тех завоеваний, которые были куплены в героической борьбе нашими отцами в эпоху битв при Вейсенбурге, Седане и Париже. Если в предстоящих битвах народ наш окажется на высоте положения, тогда Германия окончательно займет самое выдающееся место среди великих держав. Тогда и только тогда Германия сделается несокрушимым оплотом мира, а нашим детям не придется недоедать из-за фантома «вечного мира».

Сколько раз в свои юношеские годы мечтал я о том, чтобы пришел наконец то время, когда я смогу доказать делами, что преданность моя национальным идеалам не есть пустая фраза. Мне часто казалось почти грехом, что я кричу «ура», не имея на это, быть может, внутреннего права. Кричать «ура», по моему мнению, имеет моральное право лишь тот, кто хоть раз испытал себя на фронте, где никому уже не до шуток и где неутомимая рука судьбы тщательно взвешивает искренность каждого отдельного человека да и целых народов. Сердце мое переполнялось гордой радостью, что теперь наконец я смогу себя испытать. Сколько раз я шел громким голосом «Дойчланд юбер алес», столько раз из глубины сердца кричал я «да здравствует!» и «ура!». Теперь я считал своей прямой обязанностью перед всевышним и перед людьми доказать на деле, что я искренен до конца. Я давно уже решил для себя, что, как только придет война (а что она придет, в этом я был совершенно уверен), я отложу книги в сторону. Я знал, что с началом войны мое место будет там, где укажет мне мой внутренний голос.

Я уехал из Австрии прежде всего по соображениям политическим. Те же политические соображения требовали, чтобы теперь, когда война началась, я занял свое место на фронте. Я шел на фронт не для того, чтобы сражаться за государство Габсбургов, но я в любую минуту готов был отдать свою жизнь за мой народ и за то государство, которое олицетворяет его судьбы.

3 августа 1914 года я подал заявление его величеству королю Людовику III с просьбой принять меня добровольцем в один из баварских полков. У канцелярии его величества в эти дни было, конечно, немало хлопот; тем более был я обрадован, когда уже на следующий день получил ответ на свое прошение. Помню, дрожащими руками раскрывал конверт и с трепетом душевным читал резолюцию об удовлетворении моей просьбы. Восторгу и чувству благодарности не было пределов. Через несколько дней надел я мундир, который пришлось потом носить почти целых 6 лет подряд.

Теперь для меня, как и для каждого немца, началась самая великая и незабвенная эпоха земного существования. Все прошлое отступило на десятый план по сравнению с событиями этих небывалых битв. Теперь, когда исполняется первое десятилетие со дня этих великих событий, я вспоминаю эти дни с великой скорбью, но и с великой гордостью. Я счастлив и горд, что судьба была милостива ко мне, что мне дано было участвовать в великой героической борьбе моего народа.

Живо вспоминаю я, как будто это было только вчера, как впервые появляюсь я среди своих дорогих товарищей в военном обмундировании, затем как наш отряд марширует в первый раз, затем наши военные упражнения и, наконец, день нашей отправки на фронт.

Как и многих других, меня в это время угнетала только одна мучительная мысль: не опоздаем ли мы? Эта мысль прямо не давала мне покоя. Упиваясь каждой вестью о новой победе германского оружия, я вместе с тем тайно страдал от той мысли, как бы лично я не опоздал явиться на фронт. Ведь с каждой новой вестью о победе опасность опоздать становилась более реальной.

Наконец пришел желанный день, когда мы покидали Мюнхен, чтобы отправиться туда, куда звал нас долг. В последний раз глядел я на берега Рейна и прощался с нашей великой рекой, на защиту которой теперь становились все сыны нашего народа. Нет, мы не позволим старинному врагу осквернить воды этой реки! Утренний туман рассеялся, выглянуло солнышко и осветило окрестности, и вот из всех грудей грянула великая старая песня «Вахт ам Рейн». Пели все до одного человека в нашем длинном бесконечном поезде. Сердце мое трепетало, как пойманная птица.

Затем припоминается влажная холодная ночь во Фландрии. Мы идем молча. Как только начинает рассветать, мы слышим первое железное «приветствие». Над нашими головами с треском разрывается снаряд; осколки падают совсем близко и взрывают мокрую землю. Не успело еще рассеяться облако от снаряда, как из двухсот плотов раздается первое громкое «ура»,

служашее ответом первому вестнику смерти. Затем вокруг нас начинается непрерывный треск и грохот, шум и вой, а мы все лихорадочно рвемся вперед навстречу врагу и через короткое время мы сходимся на картофельном поле грудь с грудью с противником. Сзади нас издали раздается песня, затем ее слышно все ближе и ближе. Мелодия перескакивает от одной роты к другой. И в минуту, когда кажется, что смерть совсем близко, родная песня доходит и до нас, мы тоже включаемся, и громко, победно несется: «Дойчланд, Дойчланд юбер алес».

Через четыре дня мы вернулись в исходное положение. Теперь даже наша походка стала иной. 16-летние мальчишки превратились во взрослых людей.

Добровольцы нашего полка, быть может, еще не научились как следует сражаться, но умирать они уже умели, как настоящие старые солдаты.

Таково было начало.

Далее потянулись месяц за месяцем и год за годом. Ужасы повседневных битв вытеснили романтику первых дней. Первые восторги постепенно остыли. Радостный подъем сменился чувством страха смерти. Наступила пора, когда каждому приходилось колебаться между велениями долга и инстинктом самосохранения. Через эти настроения пришлось пройти и мне. Всегда, когда смерть бродила очень близко, во мне начинало что-то протестовать. Это «что-то» пыталось внушить слабому телу, будто «разум» требует бросить борьбу. На деле же это был не разум, а, увы, только трусость. Она-то под разными предлогами и смущала каждого из нас. Иногда колебания были чрезвычайно мучительны, и только с трудом побеждали

последние остатки совести. Чем громче становился голос, звавший к осторожности, чем соблазнительнее пашентывал он в уши мысли об отдыхе и покое, тем решительнее приходилось бороться с самим собой, пока наконец голос долга не брал верх. Зимой 1915/16 года мне лично удалось окончательно победить в себе эти настроения. Воля победила. В первые дни я шел в атаку в восторженном настроении, с шутками и смехом. Теперь же я шел в бой со спокойной решимостью. Но именно это последнее настроение только и могло быть прочным. Теперь я в состоянии

был идти навстречу самым суровым испытаниям судьбы, не боясь, что голова или нервы откажутся служить.

Молодой доброволец превратился в старого закаленного солдата.

Эта перемена произошла не во мне одном, а во всей армии. Из венских боев она вышла возмужавшей и окрепшей. Кто оказался не в состоянии выдержать эти испытания, того события сломили.

Только теперь и можно было по-настоящему судить о качествах нашей армии; только теперь, после двух, трех лет, в течение которых армия шла из одной битвы в другую, все время сражаясь против превосходящих сил противника, терпя голод и всевозможные лишения, только теперь мы видели, каковы бесценные качества этой единственной в своем роде армии.

Пройдут века и тысячелетия, и человечество, вспоминая величайшие образцы героизма, все еще не сможет пройти мимо героизма германских армий в мировой войне. Чем дальше отходят в прошлое эти времена, тем ярче сияют нам образы наших бессмертных

воинов, являя образцы бесстрашия. Покуда на земле нашей будут жить немцы, они с гордостью будут вспоминать, что эти боины были сынами нашего народа. <...>

Я был в ту пору солдатом и политикой заниматься не хотел. Да, это время было не для политики. Еще и сейчас я убежден, что последний чернорабочий приносил в те времена гораздо большую пользу государству и отечеству, нежели любой, скажем, «парламентарий». Никогда я не презирал этих болтунов сильнее, как в пору войны, когда всякий порядочный человек, кто имел что-либо за душой, шел на фронт и сражался с врагом и, во всяком случае, занимался не ораторством в тылу. Всех этих «политиков» я просто ненавидел, и, если бы дело зависело от меня, мы дали бы им в руки лопаты и образовали бы из них «парламентский» батальон чернорабочих; пусть бы они тогда дискутировали промеж себя сколько их душе угодно — они по крайней мере не приносили бы вреда и не возмущали бы честных людей.

Итак, я в ту пору и слышать не хотел о политике; однако по поводу отдельных злободневных вопросов все-таки приходилось высказываться, раз дело шло о таких проблемах, которые интересовали всю нацию и имели особенно близкое отношение к нам, солдатам.

В ту пору меня внутренне огорчали две вещи.

Одна часть прессы уже непосредственно после первых наших побед начала исподволь и, быть может, для многих даже незаметно вливать понемногу горечи в общую чашу народного подъема. Это делалось под маской известного доброжелательства и даже известной озабоченности. Эта пресса стала выражать свои сомнения по поводу того, что народ наш, видите ли, слишком шумно торжествует первые победы.

И что же? Вместо того чтобы взять этих позор за их длинные уши и заткнуть им глотки, чтобы они не смели оскорблять борющийся народ, вместо этого стали широко говорить о том, что действительно наши восторги «чрезмерны», производят неподходящее впечатление и т. д.

Люди совершенно не понимали, что если теперь энтузиазм поколеблется, то его не удастся по желанию вызвать вновь. Упущение победой надо было, напротив, поддерживать всеми силами. Можно ли было в самом деле выиграть войну, требовавшую величайшего напряжения всех душевных сил нации, если бы не было силы энтузиазма?

Слишком хорошо знал я психику широких масс, чтобы не понимать, насколько неуместны здесь все так называемые «эстетические» соображения. С моей точки зрения, нужно было быть сумасшедшими, чтобы не делать все возможное для еще большего разжигания страстей — до точки кипения. Но что люди хотели еще снизить энтузиазм, этого я попросту понять не мог.

Во-вторых, меня чрезвычайно огорчала та позиция, которую у нас заняли в эту пору по отношению к марксизму. С моей точки зрения, это доказывало, что люди не имеют ни малейшего представления о том, какое губительное действие производит эта чума. У нас, казалось, всерьез поверили, что заявление «у нас

больше нет партий» действительно оказало какое-то влияние на марксистов.

У нас не понимали, что в данном случае дело идет вообще не о партии, а об учении, всецело направленном на разрушение всего человечества. Как же, ведь этого «мы» в наших обьевреившихся университетах не слышали. А известно, что многие из наших высокопоставленных чиновников книгами интересуются очень мало, и то, чего они не слышали на университетской скамье, вообще для них не существует. Самые крупные перевороты в науке проходят совершенно бесследно для этих «голов», чем, кстати сказать, объясняется тот факт, что большинство наших государственных учреждений зачастую отстает от частных предприятий. Отдельные исключения и здесь только подтверждают правило.

Отождествлять в августовские дни 1914 года немецкого рабочего с марксизмом было неслыханной нелепостью. В августовские дни немецкий рабочий как раз вырвался из цепких объятий этой чумы. В ином случае он вообще оказался бы неспособным принять участие в общей борьбе. И что же? Как раз в это время «мы» оказались достаточно глупы, чтобы поверить, будто марксизм превратился теперь в «национальное» течение. Это глубокомысленное соображение только еще раз доказало, что наши высокие правители никогда не давали себе труда сколько-нибудь серьезно познакомиться с марксистским учением, иначе подобная нелепая мысль не могла бы прийти им в голову.

В июльские дни 1914 года господа марксисты, ставящие себе целью уничтожение всех нееврейских национальных государств, с ужасом убедились, что немецкие рабочие, которых они до сих пор держали в своих лапах, теперь прозрели и с каждым днем все более решительно переходят на сторону своего отечества. В течение каких-нибудь нескольких дней растаяли чары социал-демократии, гнусный обман народа развеян был в прах. Одинокой и покинутой осталась шайка еврейских вожakov, как будто от их 60-летней антинародной агитации не осталось и малюго следа. Это была тяжелая минута для обманщиков. Но как только эти вожаки поняли, какая опасность им угрожает, они сейчас же надели новую личину лжи и стали делать вид, будто они сочувствуют национальному подъему.

Казалось бы, тут-то как раз и наступил момент решительно прижать всю эту изолгавшуюся компанию отравителей народного сознания. Тут-то как раз без дальних слов надо было расправиться с ними, не обращая ни малейшего внимания на плач и стенания. Жупел международной солидарности в августе 1914 года совершенно выветрился из голов немецкого рабочего класса. Уже всего несколько недель спустя американские шрапнели стали посылать нашим рабочим столь внушительные «братские приветствия», что последние остатки интернационализма начали испаряться. Теперь, когда немецкий рабочий опять вернулся на национальный путь, правительство, правильно понимая свое задачи, обязано было беспощадно истребить тех, кто натравливает рабочих против нации.

Если на фронтах мы могли жертвовать лучшими своими сынами, то совсем уж не грех было в тылу покончить с этими насекомыми.

Вместо всего этого, его величество император Вильгельм лично протянул этим преступникам руку и тем дал возможность этой шайке коварных убийц перевести дух и дожидаться «лучших» дней. <...>

Ясно как божий день, что нужно было тогда сделать. Надо было немедленно посадить под замок всех вожakov этого движения. Надо было немедленно осудить их и освободить от них нацию. Надо было тотчас же самым решительным образом пустить в ход военную силу и раз навсегда истребить эту чуму. Партии надо было распустить, рейхстаг надо было призвать к порядку при помощи штыков, а лучше всего совершенно упразднить его сразу. Если республика ныне считает себя вправе распускать целые партии, то во время войны к этому можно было прибегнуть с гораздо большим основанием. Ведь тогда для нашего народа стоял на карте вопрос: быть или не быть?

Перевод с немецкого А. Буторина

«МЫ НА ГОРЕ ВСЕМ БУРЖУЯМ МИРОВОЙ ПОЖАР РАЗДУЕМ...»

Летом 1918 года левые эсеры собирались убить Клемансо, Вильсона, Ллойд Джорджа и кайзера Вильгельма...

Почти все, иногда самые фантастические, интерпретации событий 6—7 июля 1918 года (так называемого «мятежа левых эсеров») по-прежнему покоятся на материалах небезызвестной «Красной книги ВЧК», вышедшей в свет в 1920 году.

Предлагаем вниманию читателей «Родины» новые сенсационные подробности июльского «мятежа», приведенные в выступлениях активнейших участников событий Якова Блюмкина и Владимира Карелина на заседании Исторической секции московского Дома печати в 1921 году. Лакомные записи этих докладов были сделаны известным историком и литературоведом Борисом Павловичем Козьминым (1888—1958), исполнявшим в то время обязанности ученого секретаря секции¹.

Убийца германского посла Вильгельма фон Мирбаха Яков Григорьевич Блюмкин (1898 [по другим данным, 1900]—1929) принадлежал к числу замечательных авантюристов своего времени. Яркая, трагикомическая фигура Блюмкина и его полная самых разнообразных приключений жизнь привлекали всеобщее внимание. Образ Блюмкина запечатлен в мемуарах Надежды Мандельштам и Владислава Ходасевича, Льва Троцкого и Анатолия Мариенгофа, Бориса Бажанова и Георгия Агабекова. В последнее время много пишут о загадочных взаимоотношениях Блюмкина с Осипом Мандельштамом, о его странной дружбе с Сергеем Есениным. Ирина Одоевцева рассказывала о том, как встретила Николая Гумилева с Блюмкиным. «Огромный рыжий товарищ в коричневой кожаной куртке, с наганом в кобуре», следовал за поэтом по пятам и декламировал его стихи. Узнав, что этот детина не кто иной, как сам Блюмкин, холодный и надменный Гумилев вдруг сразу изменился в лице: «Блюмкин? Тот самый? Убийца Мирбаха? В таком случае — с большим удовольствием. — И ой, улыбаясь, пожимает руку Блюмкина. — Очень, очень рад...»² Эту сцену из воспоминаний Одоевцевой можно было бы поставить под сомнение, если бы не существовало известного гумилевского стихотворения «Мои читатели»:

*Человек, среди толпы народа,
Застреливший императорского посла,
Подожел пожать мне руку,
Поблагодарить за мои стихи.*

Возникает естественный вопрос о правдивости публикуемых высказываний Блюмкина. Вне всякого сомнения, его рассказы требуют критической оценки. Но по большому счету, думается, они могут ее выдержать. По крайней мере, выступавший за Блюмкиным Карелин не стал его опровергать. Бывший нарком по охране имущества Республики, член ВЦИК 2—4-го созывов, участник Брестских переговоров Владимир Александрович Карелин (1891—1938) был одним из ведущих идеологов партии левых эсеров-интернационалистов (ПЛСР), членом ее ЦК.

Интересна, однако, реакция московской нелегальной организации левых эсеров на выступления «provokatora» Блюмкина. «С одной стороны, мы категорически протестуем, чтобы подобные типы, вроде г. Блюмкина, трепали славное имя Партии, с другой, крайне удивлены, что это делается при Вашем благосклонном содействии. Делая это заявление из глубокого подполья, мы тем более ожидаем от Вас, что Вы выполните элементарные правила, т.е. предупредите г. Блюмкина о нашем категорическом протесте...», — писали они в президиум Дома печати³. Смысл этой реплики очевиден, но очередное покушение на жизнь Блюмкина, к 1921 году красного командира и члена РКП(б), левые эсеры уже были не в силах осуществить (в 1919 году на него покушались трижды).

Как бы там ни было, свидетельства Блюмкина и Карелина, несомненно, заслуживают самого серьезного к себе отношения и должны быть введены в научный оборот.

29 марта 1921 года в Исторической Секции Дома Печати выступал с докладом на тему: «Из воспоминаний террориста» —

Блюмкин. В своем докладе он сообщил много любопытных деталей, оставшихся до сих пор неизвестными.

4 июля 1918 года Блюмкина вызвали на заседание Ц.К. партии Л.С.-Р. и потребовали от него сведений о германском посольстве. Из вопросов выяснилось, что Ц.К. намерен организовать покушение на Мирбаха. Выполнение его предположительно возложат на члена партии Шеварева⁴, талантливого юношу, историка и лингвиста, убитого впоследствии бандитами в Житомире, и еще на двух членов. Блюмкин предложил в качестве исполнителей акта себя и Н. Андреева.

Н. Андреев, по происхождению рабочий, был весьма даровитым человеком. Он изобрел походную радиостанцию для корректировки артиллерийской стрельбы; эта радиостанция отличалась чрезвычайной портативностью и помещалась в небольшой сумке. Впоследствии Андреев вел революционную деятельность на Украине. В конце 1918 года на него было возложено выполнение убийства Скоропадского⁵, но накануне дня, назначенного для покушения, он отказался. В разговоре с Блюмкиным он объяснял свой отказ тем, что ряд покушений на представителей германского империализма может создать впечатление, что террористическая борьба ведется лишь против одной из империалистических коалиций. Потом он поехал в отряд Махно, но не мог вынести хаотичности и беспринципности последнего. В 1919 году он умер на Украине от тифа.

Ц.К. согласился на предложение Блюмкина. Общее руководство покушением было возложено на Спиридонову, Майорова и Голубовского⁶. Спиридоновой была проведена репетиция террористического акта. Во время первого заседания 5-го Съезда Советов Спиридонова выразила готовность принять на себя выполнение убийства, воспользовавшись тем, что Мирбах присутствовал в одной из лож; но бомбы не были готовы.

Утром в день покушения Блюмкин посвятил в план покушения Александровича⁷, потребовав от него, чтобы тот поставил печать В.Ч.К. на подложном удостоверении Блюмкина, дал автомобиль для поездки в германское посольство и дежурил у телефона для того, чтобы подтвердить полномочия Блюмкина и Андреева на тот случай, если из германского посольства пожелают проверить мандат Блюмкина. Александрович, противник покушения, из соображений партийной дисциплины подчинился. Разговор происходил в кабинете председателя В.Ч.К. По окончании его Александрович и Блюмкин заметили, что за ширмами спит Держинский. Они испугались, что он слышал разговор; однако выяснилось, что он крепко спал и ничего не слышал.

По дороге в германское посольство Блюмкин и Андреев заехали в «Националь» и там у Прохьяна⁸ получили бомбы. Присутствовавшая при этом Биценко⁹ выразила им горячие пожелания удачи.

В рассказе Блюмкина о самом убийстве не было особенно интересных, не известных ранее деталей. Он усиленно подчеркивал полную растерянность чинов посольства после выстрела и счел необходимым опровергнуть рассказы о том, что Мирбах был убит не им, Блюмкиным, а Андреевым.

Спасшись из германского посольства, Блюмкин и Андреев совершили позавали, куда они должны были ехать. Решили отправиться в отряд Попова. Там они нашли весь Ц.К. партии Лев. С.-Р. Блюмкин считает большой ошибкой Ц.К. то, что он явился к Попову. Это создавало видимость выступления против Советской власти и дало возможность говорить о мятеже. Между тем никакого мятежа не было. Левые с.-р. и не думали выступать против коммунистов. То, что происходило 6—7 июля, было самообороной, а не нападением.

Телеграмма, посланная Лихобадным¹⁰, была отправлена по его собственной инициативе. Лихобадина до этого времени был никому не известен. В деле следственной комиссии Блюмкин видел черновик этой телеграммы; она написана на обороте с раздражением [так в документе. — Я.Л.] перечеркнутого распоряжения о неотправке никаких телеграмм, за исключением подписанных Лениным и Свердловым. Ц.К. С.-Р., напротив, отправил ненапе-

чатанную в «Красной книге В.Ч.К.» телеграмму, в которой говорилось, что убийство Мирбаха отнюдь не является выступлением против большевиков, и подчеркивалась необходимость соблюдения единства революционного фронта.

После доклада Блюмкина выступил с дополнениями бывший член Ц.К. левых с.-р. Карелин. Он рассказал, что еще во время 2-го съезда партии¹¹ состоялось закрытое заседание [Ц.К. — Я.Л.], в котором был поставлен вопрос о терроре в международном масштабе. Было решено направить террор против виднейших представителей обеих враждовавших между собою империалистических коалиций, а именно: против Вильсона, Ллойд-Джорджа, Клемансо и Вильгельма II. Это решение не осталось на словах. В Англию и в Германию были посланы члены партии для организации покушения¹²; им было поручено войти в сношения с соответствующими партийными группами этих стран. Встретив со стороны последних возражения, Ц.К. отказался от своего намерения. В Германию были отправлены Смолянский, Ирина Александровна [Константиновна. — Я.Л.] Каховская и (кажется) Донской¹³. Они вошли в сношения с К. Либкнехтом и Мерингом¹⁴. И тот, и другой высказались против покушения на Вильгельма, указывая, что оно может быть неправильно понято. В нем могут увидеть национальную месть побежденного русского народа победителю. Зато именно спартаковцы подали мысль об организации покушения на Мирбаха и Эйхгорна.

В заседании 4-го июля Ц.К. с.-р. решил перейти от подготовки к совершению убийства Мирбаха. Руководящая тройка была пополнена Камковым¹⁵ и Карелиным. Этой пятерке вручили диктаторские полномочия над партией.

Перед открытием первого заседания V-го Съезда Советов в ложе, соседней с той, в которой находился Мирбах, собрались Спиридонова, Карелин и Майоров. Спиридонова заявила, что она немедленно и самостоятельно желает застрелить Мирбаха. Карелин и Майоров не возражали против самого плана, но выдвинули каждый самого себя в качестве исполнителя. Они спорили несколько минут; в это время началось заседание, момент был упущен. Биценко также предлагала себя в качестве исполнительницы.

Нахождение 6 июля Ц.К. с.-р. в отряде Попова отнюдь не было следствием желания начать вооруженную борьбу против Советской власти или правящей партии. Если бы у Ц.К. был такой план, то, конечно, делегаты V Съезда, левые с.-р. не остались бы на съезде и [не] сели бы под арест, а отправились бы на места, чтобы руководить восстанием. Отправляясь в отряд Попова, Ц.К. имел в виду самооборону. Он ждал нападения, и притом не со стороны коммунистов, а со стороны немцев. У Ц.К. были сведения о том, что германское посольство вооружает немецких военнопленных в России, что оно производило подозрительные перегруппировки этих пленных. Недели за две до убийства Мирбаха в помещении Ц.К. левых с.-р. в Леонтьевском переулке, где потом помещался Моск. Ком. Р.К.П. были найдены две бомбы. За ответственными работниками партии производилась упорная слежка. Дошло до того, что они выходили на улицу не иначе как под охраной нескольких надежных членов партии.

После убийства Мирбаха Карелин у Смоленского рынка встретил мчащийся автомобиль. Сидевшие в нем 2 полугодных человека в упоении что-то кричали и махали шапками. Это были торжествующие победу Блюмкин и Андреев¹⁶.

ОР РГБ. Ф.520. Карт.36. Ед.хр.12. Л.1—2об.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Образована в начале 1921 года с целью изучения истории революционного движения в России. Исполнительное бюро секции состояло из хорошо подготовленных профессионалов — историков и архивистов (В.И.Невский (председатель), И.Н.Бороздин, В.В.Максаков, В.Н.Сторожев, Б.П.Козьмин). Секция объединяла людей самых разных убеждений: большевиков С.И.Мицкевича, М.С.Ольминского, Н.И.Подвойского, М.Н.Покровского; бывших левых эсеров, вступивших в РКП(б), Блюмкина и Ю.В.Саблина; соратника Бакунина М.П.Сажина; анархистов А.А.Бороваго и Г.Б.Сандомирского; народоволок В.Н.Фигнер и А.В.Якимову-Диковскую; меньшевика Б.И.Николаевского; бывшего председателя Кумуча эсера В.К.Вольского; левых эсеров В.А.Карелина и В.Е.Трутовского. Яков Блюмкин выступал здесь дважды: 29 марта 1921 года и 30 января 1922

года («Боевые предприятия левых с.-р. в зоне немецкой оккупации на Украине в 1918 г.») Деятельность секции до сего времени была практически вне поля зрения историков (этим и объясняется достаточно подробная справка о ней).

2. Одоевцева И. На берегах Невы. М., 1989. С.251.

3. ОР РГБ. Ф.520. Карт. 36. Ед.хр.18. Л.1.

4. Шеварев Владимир — член рязанской организации ПЛСР; позднее входил в состав Боевой организации, созданной левыми эсерами для работы на Украине. Расстрелян петлюровцами.

5. Скоропадский Павел Петрович (1873—1945) — генерал-лейтенант русской армии, участник первой мировой войны; глава марионеточной «Украинской державы», «гетман» всей Украины и войск козацких. Левые эсеры трижды (летом и осенью 1918 года) готовили на него покушения. Последнее было назначено на 26 ноября, когда Скоропадский должен был присутствовать на похоронах офицеров, убитых повстанцами. По словам Блюмкина, оно не состоялось «ввиду того, что заготовленные бомбы оказались совершенно негодными».

6. Спиридонова Мария Александровна (1884—1941) — одна из организаторов ПЛСР, член ЦК с ноября 1917 года; в 1918 году председатель Крестьянской секции ВЦИК и член его Президиума; Майоров Илья Андреевич (1890—1941), Голубовский Лазарь Борисович (ок.1884—1919) — члены ЦК ПЛСР (со II съезда) и ВЦИК. Арестованный в начале 1919 года, Голубовский умер в тюрьме от тифа. Спиридонова и Майоров постоянно преследовались в течение всей своей последующей жизни; расстреляны 11 октября 1941 года.

7. Александрович (наст. фамилия Дмитриевский) Вячеслав Александрович (1884—1918) — эсер-интернационалист, активный участник Февральской революции, член Петросовета. После вхождения левых эсеров в Совнарком назначен зам.председателя ВЧК (декабрь 1917 года). В ночь на 9 июля расстрелян вместе с 12 матросами из отряда Д.И.Попова.

8. Прохьян (Тер-Аракелян) Прох Перчевич (1883—1918) — один из организаторов ПЛСР, в двухпартийном СНК — нарком почт и телеграфов. По словам Спиридоновой, «инициатива акта с Мирбахом, первый почин в этом направлении принадлежит ему» («Каторга и ссылка». 1924. Кн.9. С.222). Как член ВЦИК, жил в первом Доме Советов (гост. «Националь»). Умер от тифа, находясь на нелегальном положении; похоронен на Ваганьковском кладбище.

9. Биценко Анастасия Алексеевна (1875—1937) — эска-террористка, политкаторжанка, одно время член ЦК ПЛСР. Выйдя из партии левых эсеров, стала членом ЦК партии революционных коммунистов, затем вступила в РКП(б). По некоторым сведениям, сотрудничала с ОГПУ. Репрессирована.

10. Лихобадин Василий Васильевич — левый эсер, член ЦИК Всероссийского почтового-телеграфного союза. Дальнейшая судьба неизвестна.

11. 17—25 апреля 1918 года.

12. По словам Карелина, в Англию был послан левый эсер, бывший политэмигрант и член Учредительного собрания А.В.Барышников. В Германии в мае 1918 года побывал Григорий Борисович Смолянский (1890—1937), секретарь ВЦИК (1918), один из организаторов Всероссийской Боевой организации ПЛСР. Принимал участие в подготовке покушений на Эйхгорна и Скоропадского. Позже член ЦК Украинской партии левых эсеров (борьбистов), потом вступил в РКП(б) и работал в Коминтерне.

13. Каховская Ирина Константиновна (1888—1960) — в 1918 году член ЦК ПЛСР и ВЦИК, организатор и руководитель Всероссийской Боевой организации; Донской Борис Михайлович (1894 или 1896—1918) — участник Всероссийской Боевой организации, кронштадтский матрос, 30 июля 1918 года убил германского фельдмаршала Г. фон Эйхгорна (подробнее см. «Родина». 1989. №12. С. 90—96). После ратификации Брестского мира Каховская и Донской совершили поездку в район Донецко-Криворожской республики (Таганрог, Макеевка, Юзовка) с целью организации там антиимпериалистического движения (см. там же. С. 92). Карелин вместе с Б.Д.Камковым и И.З.Штейнбергом в то время входил в состав Главного штаба левых эсеров в Таганроге. Вряд ли он мог перепутать отчество Каховской и географию ее поездок с Донским. Видимо, Козьмин неправильно понял докладчика.

14. Карл Либкнехт (1871—1919) и Франц Меринг (1846—1919) — в 1918 году руководили революционной организацией германских левых социал-демократов «Союз Спартака», на базе которой впоследствии сложилась КПГ.

15. Камков (Кат) Борис Давидович (1885—1938) — председатель ЦК ПЛСР, одно время зам.председателя ВЦИК. Расстрелян вместе с Карелиным.

16. При бегстве из германского посольства Блюмкин был ранен охраной в ногу. Вероятно, Андреев мог использовать для перевязки его раны свою одежду. Сведениями о роли самого Карелина в осуществлении убийства Мирбаха мы не располагаем.

Предисловие, публикация и комментарий

ЯРОСЛАВА ЛЕОНТЬЕВА

ВКУС К ЖЕСТОКОСТИ

«Я принадлежу к тем, кто смертельно ранен двумя великими бедствиями — мировыми войнами и единоличной тиранией, — писал узник Владимирской тюрьмы Даниил Андреев. — Никакие усилия разума, никакое воображение или интуиция не способны нарисовать опасностей грядущего, которые не были бы связаны, так или иначе, с одной из двух основных: с опасностью физического уничтожения человечества вследствие войны — и опасностью гибели духовной вследствие абсолютной всемирной тирании». Андреев еще не догадывался о третьей великой опасности: об экологическом кризисе. Но в своем чувстве рокового времени великий духовидец был прав.

Мы привыкли отсчитывать это время с 1917 года. На самом деле Новое время, начавшееся примерно на рубеже XV и XVI вв., окончилось в 1914 году. Во всех странах, кроме коммунистических, это азбучная школьная истина. С 1914 года мы живем в «посленовое время». В 1914 году возникло что-то, чего раньше не было. Из этого «чего-то» Ленин вылепил свое государство, Гитлер — свое, и мы до сих пор живем на той же самой почве. Меняются слова (коммунизм, нацизм, фундаментализм), а суть остается. Сумеет ли XXI век преодолеть кризис?

Муссолини называл себя учеником Ленина, а Гитлер многое взял у Муссолини. Но наивно объяснять сходные черты заимствованием. Влияние, пример только помогают оформить то, что просится к жизни. В Китае созрела новая революционная тирания, и русский пример подтолкнул роды. В Индии зрело что-то другое, и Ганди пошел за Толстым, а не за Лениным. Ленин и Сталин, Муссолини и Гитлер лепили из одного материала, созданного мировой войной. Из материала ненависти. От этого и сходство того, что они вылепили.

Прежние войны вели профессиональные армии, сохранявшие что-то от рыцарских правил игры. Народы в целом не воевали. Возвращаясь к родным очагам, солдаты всасывались мирной средой, растворялись в ней. Мир в эпоху Толстого сильнее войны. Мировая война все это перевернула. Она загнала в окопы слишком много мужчин — добрую половину во всех великих цивилизованных странах. И цивилизация начала расплзаться, как старая кожа змеи, и вылезла жестокость. Жестокость вошла в искусство, даже в религию (об этом хорошо написал Г. П. Федотов в эссе «Ессе homo»). Жестокость надула паруса идеологий классовой и расовой борьбы...

Само понятие борьбы изменилось. Когда Маркс говорит о диктатуре, он видит перед своими глазами римского диктатора времен республики. Диктатор может отдать приказ казнить каждого десятого в дрогнувшем войске, но он не станет поджигать свою столицу, как Нерон, топить новгородцев в Волхове, как Иван Грозный. У диктатора нет вкуса к жестокости. Он жесток по необходимости. Война развязала вкус к жестокости, и он окрасил XX век. Даже в искусстве стран, не знавших всех ужасов войны.

В воюющих государствах все газеты объединились в

травле врага. Первая мировая война — неслыханная прежде четырехлетка ненависти. Пастернак обронил замечательную фразу: 1913 год был последний, когда легче было любить, чем ненавидеть. Ненавидеть, ловить шпионов, искать измену. Осталось научиться поворачивать ненависть из стороны в сторону: с немца на буржуа, а потом, когда буржуев повыбили, — снова на немца. Или на американца. Это сумели сделать большевики.

Война создала и материальный костяк для государства, основанного на ненависти: управляемую экономику, подчиненную единой воле. Военная экономика Германии была образцом, на который несколько раз ссылался Ленин. По этому образцу он строил свой социализм. Нормальный, привычный, разумный мир был опрокинут. Непредвиденное грозило со всех сторон. В сознании массы людей, сбитых с толку, перекатывались волны злобы, страха и отчаяния. Я не буду разбирать причины, по которым в некоторых странах эти волны понемногу вошли в берега, а в других — перехлестнули через здравый смысл: национальные особенности — слишком большая тема, ее нельзя анализировать мимоходом. Там, где растерянность была особенно невыносимой, масса ухватила за вождя. Вождь знал, как надо. Он действительно знал что-то, чувствовал силу, которая его вела: к призраку величия — и к обрыву в пропасть.

Война открыла ящик Пандоры. С 1914 года и до сего дня идет лавинообразное нарастание проблем, неразрешимых без солидарности, — и нарастание страстей, рвущих солидарность на части, разрывающих на куски даже сложившиеся национальные государства. С 1914 по 1945 год казалось, что клин вышибают клином, что мировой порядок можно создать силой, на волне тех страстей, разбухших первой мировой войной, которые достигли своего пика во второй войне. Но вторая мировая война закончилась атомной бомбой.

Уже в 1914—1918 годах сила военных машин и масштабы разрушений вышли за рамки традиционных национальных войн. Национальный суверенитет, способный раскрыть ворота этого ада, встал под вопрос. Появились проекты пан-Европы, создана была Лига Наций. Но из проектов ничего не вышло, Лига оказалась бессильной. Реальнее показалась ставка на империю. И две империи столкнулись в борьбе за власть над миром.

«Внутренний пафос новейшей истории — в стихийном стремлении ко всемирному, — писал Андреев. — Интернациональностью своей доктрины и планетарным размахом отличалось самое мощное движение первой половины нашего столетия. Ахиллесовой пятой движений, ему противоположавшихся, — расизм, национал-социализм, — была их узкая националистичность, точнее — узко-расовые или национальные границы тех блаженных зон, химерой которых они прельщали и завораживали. Но к мировому владычеству стремились и они, и притом с колоссальной энергией...

На что указывает это знамение времени? Не на то ли, что всемирность, перестав быть абстрактной

идеи, сделалась всеобщей потребностью? Не на то ли, наконец, что мир стал поделен и тесен, как никогда? Не на то ли, наконец, что решение всех насущных проблем может быть коренным и прочным лишь при условии всемирных масштабов этого решения?»

Атомная бомба запретила имперское решение. Этого туго не понимал Сталин, стараясь усилить и расширить империю, потерявшую смысл. Этого не понимал Мао. Но простой, почти биологический, инстинктивный здравый смысл дал понять Хрущеву, что военного выхода нет, и карибский кризис кончился миром. Началось мирное соревнование. Империя, не приспособленная к миру, неизбежно должна была проиграть. Утопия, прикрывавшая собой советскую военную машину, была обречена. Она держалась по инерции и рухнула, как только кончился застой и начались попытки реформ. Нельзя починить слишком ветхое платье: оно рвется повсюду. Перестроить изжившую свой смысл империю на рациональных началах было невозможно. Г. П. Федотов это понял в конце сороковых, я — в шестидесятые. Некоторые этого до сих пор не понимают.

Империи кончились. Все империи. Следовательно, и наша. (Все люди смертны. Кай человек...) Однако глобальные задачи остались. И для решения их есть еще путь добровольной федерации. Для которого нужны не страсти, а разум и вера. Напряжение разума и веры, способное пересилить страсти.

Между тем война, начавшаяся в 1914 году, до сих пор не кончилась. Страсти, сдавленные в спорах ядерных держав, кипят в малых войнах и в уличном терроре. Вся мощь Америки не может уберечь ее граждан от взрывов обыкновенных, неядерных, бомб и от массового буйства. Характер террора изменился — в сторону еще большей жестокости. Каляев послал письмо супруге великого князя Сергея Александровича, чтобы она не садилась в коляску к мужу, приговоренному партией социалистов-революционеров к смерти. Великая княгиня его не послушалась и еще взяла с собой двух племянников. Увидев женщину и детей, «деликатный убийца» (как его назвал Камю) положил бомбу обратно в сумку и дождался следующего случая — когда великий князь ехал один. Это не было чудачеством: боевая группа действия Каляева одобрила. Какая пропасть между началом века и современными террористами!

Еще более жестокими стали малые войны. Садизм хорватов в годы второй мировой войны и садизм сербов в Боснии только во сне мог бы себе представить европеец «прекрасной эпохи». Где-то там, в Турции, это объяснялось средневековым варварством, азиатским варварством, мусульманским варварством. Но в Боснии царит христианское варварство. Все стереотипы культуры, к которым приучил нас «Дневник писателя» Достоевского, вывернуты наизнанку и брошены под ноги толпы.

После громких международных и немецких трибуналов, после всех обличений фашизма — новые взрывы расизма в благополучной Германии, зверство толпы в стране, где люди сыты, одеты, обуты и проводят

отпуск на море. Что же говорить о голодных двух третях человечества. Там экстремизм перестал быть уделом меньшинства, перестал вызывать массовые протесты. Он сам стал массовым, он захватывает всю массу, большую часть массы и заставляет пулливо отступать тех, кто не захвачен безумием.

Я принимал участие в конференции общества, созданного в 30-е годы для морального перевооружения человечества. Я встречал там прекрасных людей; но как их мало! Как неохотно прислушиваются народы к их призывам! Единственный крупный успех общества — франко-германское сближение в конце 40-х. Но этот процесс поддерживал общий страх перед сталинской империей. Что заменит этот страх?

Призывы прощать врагов слышны уже 2000 лет. Они входили в одно ухо и выходили из другого. Что сегодня может победить тугой эгоизм, остановить дух раздора?

Все прошлые века можно было прожить с племенной моралью, с конфессиональной моралью — и десять заповедей делались недействительны по ту сторону племени, вероисповедания, по ту сторону Суэцкого канала. А сейчас мы так не проживем. До среднего человека все еще не дошло, насколько серьезна угроза. Экологический кризис понимается как ряд частных проблем, которые надо решить на местах (изменить технологию, закрыть грязные производства и т. п. плюс заключить несколько международных соглашений...). Но есть еще задача, которая полностью выходит за рамки нашей цивилизации. Биосфера не резиновая, она не в состоянии вместить в себя рост экономики, хотя бы самой чистой, и рост населения. Или прекратится рост — или катастрофически деградирует биосфера (а с ней мы все). Только солидарное человечество способно перейти от цивилизации физического роста, разрушающей естественную среду, к цивилизации духовного роста, вписанной в природу и оберегающей природу, как саму себя. Это необходимо — и почти невозможно. Необходим гигантский духовный и нравственный скачок. Дух войны, сопровождавший всю историю человечества, должен уступить духу любви. Дело не только в разумных планах. Разумные планы не помогли ни в Карабахе, ни в Югославии, нигде, где господствуют страсти. Задачу нельзя решить одним умом, одними правительственными решениями. Нужен сдвиг в поведении миллиардов людей. Нужен духовный порыв. Помогут ли здесь одряхлевшие религии?

Сегодня они позволяют использовать себя как дубинку в национальных спорах — или вспыхивают коптящим пламенем фанатизма. Возникшие в древности, в изолированных империях, вселенские по духу религии слились с местными культурами и сегодня противостоят друг другу, как племя — племени. Сумеют ли они найти общий язык?

Даниил Андреев верил в Розу мира, в унию всех христианских церквей и тесный союз христианства со всеми этическими религиями. Такую организацию трудно себе представить. Но возможен диалог, прислушивание друг к другу и дружелюбное сотрудничество ради спасения жизни на Земле (не только че-

ловеческой жизни. Человек не способен создать жизнь, но разрушить — вполне способен).

До полосы катастроф остались считанные годы. Сумеет ли мы их использовать? Если цивилизация не сумеет преобразиться, она рухнет и погребет человечество под своими обломками. Солидарность в духе — условие, без которого уже сегодня рушатся попытки разумной политической, социальной и экономической солидарности. Сумеет ли мы подняться над своей духовной вялостью и разобщенностью?

Андреев рассчитывал на энергию отчаяния. Скорее всего, так думает и Провидение и станет подталкивать человечество к солидарности железной клюкой катастроф.

*Били вас палками, розгами, кнутьями,
Будете биты железными прутьями!..*
(Некрасов).

А между тем духовное единство так просто! Не надо отказываться от своих предпочтений, от своих священных символов. Только понять, что свет в окнах разных церквей — один и тот же свет... И внимание к этому свету дает больше радости, чем целые горы вещей, продающихся за деньги. Я это говорю не со слов, прочитанных в книгах. Я так жил несколько десятков лет, с тех пор как сложился. И я думаю, что это доступно каждому.

РОССИЯ, КОТОРУЮ МЫ НЕ ТЕРЯЛИ

ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ ГЛАЗАМИ КУЛЬТУРОЛОГА

За несколько последних лет сложился миф, который нашел свое идеальное выражение в фильме С. Говорухина «Россия, которую мы потеряли». Сторонникам этой версии отечественной истории не приходит в голову простая мысль: сегодня, с других политических позиций, но с той же степенью достоверности и убедительности, можно снять фильм «Советский Союз, который мы потеряли». Между тем — это мы знаем точно, мы очевидцы — Союз рассыпался, как карточный домик. И если мы хотим понять логику того, что произошло в России в 1914—1918 годах, то следует задуматься над парадоксальным, на первый взгляд, явлением: есть класс ситуаций, когда прекрасная динамика развития, внушительные экономические и социальные успехи свидетельствуют не о блистательных перспективах, а о предкатастрофическом состоянии. Ближайший к нам во времени и пространстве пример такого рода — исламская революция в Иране. Темпы экономического роста шахского Ирана были поразительны. В объемных показателях Иран догонял Францию. Казалось, еще немного... Но есть на свете нечто более важное и могущественное, чем технология и экономика. И это «нечто» следует искать в области культуры.

К 1914 году Российская империя — одно из крупнейших на евразийском пространстве государств, страна «второго эшелона развития». Понятия первого и второго эшелонов появились в отечественной литературе недавно. К началу XX века несколько стран Запада — Англия, Голландия, США и Франция — перешли в своем развитии в некоторое новое качество, которое можно определить как индустриальное общество рыночного типа. Оно формируется эволюционным путем изнутри и снизу.

К началу XX века рядом со странами, вошедшими в клуб избранных, появляются государства второго эшелона развития: Германия, Италия, Япония, Россия. Объединяет их то, что условия для создания индустриального общества рыночного типа складываются во всех этих странах в одно и то же время — 60—70-е годы XIX века. Естественным образом индустриальное общество в странах второго эшелона не возникло. Но они не чужды предпосылок для его создания.

Россия — страна второго эшелона, идущая по пути догоняющего развития или модернизации. На этот путь она встала еще за три века до начала первой мировой — после поражения в Ливонской войне и катастрофы «смутного времени», поставивших страну на грань распада. Следующий этап модернизации, связанный с именем Петра I, радикально отличается от первого не только мас-

штабами, но и расширением сферы заимствованного: помимо технологии в широком смысле, заимствуются бюрократические институты, формы образа жизни и культуры, создаются европейская наука, система образования.

Третий крупный этап модернизации связан с поражением в Крымской кампании. По завершении великих реформ Александра II, несмотря на их частичный характер, Россия входит во второй эшелон — иными словами, возникает принципиальная возможность развития страны по западному пути. Поражение в русско-японской войне и первая русская революция задали следующий этап модернизации. Главное содержание этого, предшествующего первой мировой войне, этапа — ограничение самодержавия введением элементов парламентаризма (Дума) и столыпинская реформа.

Реформы вынужденны, то есть заданы внешним геополитическим контекстом. Рассматривая величие империи и могущество государства как ценности высшего порядка, русская политическая элита вынуждена идти на болезненные изменения общества во имя приумножения мощи государства, приобретения новых территорий, расширения сфер влияния. Можно выделить два типа кризисов модернизации: внешние и внутренние. Первые определяются внешним функционированием общества и задают модернизацию извне. Это — поражения в Ливонской войне, Крымской кампании, русско-японской, «холодной» войнах или технологической гонке и афганской войне. Вторые обусловлены внутренним функционированием системы и детерминируют модернизацию изнутри.

С самого начала российская социокультурная общность ответила на модернизацию расколом, то есть расслоением общества на две части. Одна — которая принимает новые ценности; эта часть общества тяготеет к городам, к верхнему социальному слою. Новое (или «иное») концентрируется в узком слое города и поместья, откуда оно постепенно инфильтруется в сферу народной культуры. Со своей стороны, патриархальная народная «почва» всеми силами противостоит нововведениям. Сельская община постоянно стремится обособиться, натурализоваться, выключить себя из экономических, культурных, социальных связей, окупиться в идеальный мир уравнилельного мужицкого рая без начальства и мироедов.

Сущность, скрывающаяся за словами «либеральное общество», «рыночная экономика», «капитализм», есть антипод традиционного общества. Такая модель социальности требует и порождает отдельную авто-

номную личность, правовую систему как социальный регулятор, рынок как универсальный механизм всеобщей социальной связи и динамику, всеобщую, бесконечную, безграничную динамику. Традиционное же общество поконится на нерасчлененном, перасторжком единстве архаической культуры и архаического коллектива. Оно отрицает автономность отдельного человека, частную собственность как социальную базу и гарант личностной автономности. Отрицает и до последнего противостоит рынку как модели организации культуры, боится динамики и противостоит ей.

Отменив крепостное право, власть сохранила общину. За этим решением стояли и понимание того, что в огромной крестьянской стране трогать общину опасно, и идеология славянофильства, и прозаические соображения поддержки дворянства. Очередной внутренний кризис модернизации — первая русская революция — заставил правительство отказаться от консервирования общины. Такой поворот был исторически неизбежен. За 40 лет пореформенного развития экономика России прошла огромный путь. Страна в буквальном смысле преобразилась. Россия обгоняла европейские страны по темпам роста сети железных дорог, по темпам прироста промышленной продукции на душу населения и другим показателям. Все это легко объяснимо. В стране с огромными потенциальными ресурсами, где развитие рыночной экономики идет практически с нуля, естественно, демонстрируются поразительные успехи. Проблема, однако, заключается в следующем: упрется ли такое взрывное развитие в культурные ограничители или взломает, преодолеет их? Присмотрит ли культура частное предпринимательство и рыночную экономику как генеральный принцип развития общества? К 1906 году проблема стояла именно так. Власть пожертвовала общиной, чтобы создать широкую базу царизма, мощный класс частных собственников. Эта логически безупречная концепция политики П. А. Столыпина обладала одним недостатком: она была несостоятельна.

В своем исследовании «Россия: критика исторического опыта» А. Ахизер пишет, что государство мыслилось крестьянином «двухслойно» — Царь и народ. При этом в сознании народа одна из основных функций Царя — всех равнять. Реформа показала, что Царь отказался от этой функции. Массы начинают осознавать, что реальный царь не соответствует царю из мифа. Власть стала рассматриваться как сословная, отражающая чьи-то интересы. В этой ситуации идеи революционной интеллигенции легко проникали в народное сознание.

Между тем, помимо разбуженной деревни, правительство и существующий порядок вещей имели перед собой еще одного противника, который противостоял власти с иных позиций. Пойдя по пути модернизации, самодержавие сверху насаждало отсутствующие звенья экономики, прежде всего в тяжелой промышленности и оборонном секторе. Такое развитие несет в себе чрезвычайно важную по своим последствиям деформацию — нарушается нормальная последовательность фаз исторического развития. Ес-

тественная цепочка событий (подъем сельского хозяйства — расцвет легкой промышленности — рост машиностроения — подъем металлургии — следующий виток развития) нарушается, и возникает непоправимо разбалансированный экономический механизм, который может существовать только за счет принудительной циркуляции ресурсов, поддерживаемой государством. Такой «капитал» нуждается в породившем его государстве, не может существовать без его постоянной опеки и тяготеет к государственно-монополистическому капитализму. В результате возникает как бы рынок, как бы частный капитал и как бы экономика. Капитал и новые слои общества, с одной стороны, нуждаются в постоянном патронаже, с другой — задыхаются в мертвящих объятиях власти. Развиваясь и вырастая все более, они начинают претендовать на определенное место в обществе, не вполне отдавая отчет в своих реальных возможностях, в том, что вне рамок этого государства они — ничто. В том, наконец, что узкая полоска торговли и предпринимательства окружена безбрежным морем крестьянства, отторгающим и первое, и второе.

Такая картина складывается к началу первой мировой войны. Обращаясь к войне, мы еще раз сталкиваемся с темой модернизации. Дело в том, что сама мировая война была модернизирующим кризисом. Исторический опыт показал: страны, вошедшие в «клуб избранных» и создавшие динамичное индустриальное общество, между собой не воюют. Похоже, что, переходя в новое качество, человечество снимает войну как механизм разрешения межгосударственных конфликтов. Высокоиндустриальные государства консолидируются на основе общности интересов.

Геополитическая ситуация ввела Россию в блок индустриальных держав, противопоставив ее лидирующей догоняющей Германии и ее союзникам. И для России, и для Германии война стала крупнейшим модернизационным кризисом. Траектория войны как модернизационного кризиса, то есть формы снятия неразрешимых противоречий, позволяет осмысливать события по-новому. Так, говоря о причинах революции, часто указывают на бедствия войны, людские потери, общую усталость. Между тем Великая Северная война длилась не четыре года, а 21 год, причем по своим потерям и тяготам та эпоха далеко превосходит эпоху первой мировой войны. По оценкам историков, за время правления Петра I Россия потеряла до четверти своего населения. Тем не менее власть удержалась, а внутренние кризисы были подавлены силой оружия.

Все дело в том, что в устойчивой культурной ситуации Россия была способна на бесконечную борьбу и огромные жертвы. Но в 1913 году, когда устойчивый культуротип распадался и мир утрачивал стройные очертания, война оказалась тем последним толчком, который привел к переконструированию всего общества. Необратимый крах империи начался гораздо раньше февраля 1917 года. Уже в 1916 году насчитывалось полтора миллиона дезертиров.

Надо особо остановиться на отношении народа к войне. В. Г. Короленко упоминает о случайно усиленном им разговоре людей из простонародья во время русско-японской войны. Суть его сводилась к тому, что «война эта нам не нужна», поскольку земли в Корее для нашего хозяйства не приспособлены. Этот эпизод приоткрывает важный и малоисследованный пласт народного сознания — отношение народа к войнам. Начиная с эпохи Ивана Грозного, власть, покоряя один за другим соседние народы, непрерывно расширяет территорию государства. Так перед русским крестьянином открывалась возможность расселения. Вся история Московского царства и Российской империи — это история расселения покла, а иногда и перепродажи порядков государственных войск. Экстенсивное хозяйство, перенаселенность центральных районов, гнет властей в метрополии и помещичья эксплуатация постоянно выталкивали крестьян на вновь присоединенные окраины страны. С жизнью на новых территориях связывались народные надежды на волю и спокойную жизнь после от начальства. С точки зрения крестьянина, посягавшим на присоединение земли — первое дело православного царя. В этом было оправдание и речуны, и жертвам военного времени. Первая мировая война, победившая многих жертв и огромный напряжения сил, не несла никаких перспектив поправить дело с землей. Это сделало ее абсолютно бессмысленной в глазах народных масс.

И еще один социально-культурный процесс определил характер эпохи. С начала XX века в России начинается «городская революция», то есть резкий, взрывной рост городов. Особенно интенсивно растут крупнейшие центры — Петербург, Москва, Киев. Интенсивное промышленное развитие и избыток рабочих рук на селе (да он составлял 30 млн. человек) двинули массы людей в города. Миллионы выпавших из устойчивой сельской культуры людей попадали в худшие и несприятельные для них мир города. Мигрант утрачивал одни нормы, ориентиры, модели поведения и мучительно, за долгие годы, обретал новые. Но любой зрелый город имеет определенный резерв адаптации. Иными словами, за какое-то время общество может «переварить», превратить в горожан не более некоторого количества мигрантов. Если же объем миграции резко превышает этот порог, начинается распад урбанизированной культуры, город деградирует, сельская и домославская психология захлестывает его и как бы размывает. В первое десятилетие века крупнейшие города России находились на пределе своих адаптационных возможностей. Война привнесла к тому, что большая часть промышленных рабочих была вынуждена в армию. В городах хлынула новая порция мигрантов, и эта волна поглотила город. Между тем судьбы империи вершились в столице.

Грозная и непроницаемая народная масса — миллионы вышедших в невражеских крестьян, рабочие, мастеровые — путала непрогнозируемость своего по-

ведения. Она жила по неписаным законам традиционной культуры. Диалог с ней был почти невозможен. Ясно было одно — народ доведен до кипения. Народная «толща» отечала на происходящее массовым дезертирством, отказами выходить на позиции, новым отношением к офицерам, братанам с противником. Отвечала участвующими забастовками и разговорами в очередях. В низах шел напряженный процесс выработки новой парадигмы массового сознания, нового мировоззрения, которое, как только возобладает и утвердится, должно было определить выбор народа, а значит, и судьбы страны. Это понимали все.

Все это происходило на фоне обескураживающей, зашедшей в тупик войны. К 1916 году стало ясно, что правительство не в состоянии ее выиграть. Мало того, надвигалась перспектива поражения. Где бы то ни было на земле власть, проигравшая войну, имеет крайне мало шансов удержаться, и абсолютно никаких — в России. Приказ революции толкал буржуазные партии к требованиям радикальных реформ. Самодеятельность было поставлено в ситуацию, когда от него, во имя избежания революции, требовали самоуправления. Требования «ответственного министерства» практически означали отказ от авторитаризма и переход к конституционной монархии. Самодеятельность — давайте подчеркнем это: не лично Николай II, а самодеятельность как социальная сила и политическая традиция — отклонило отказом, иначе оно не было бы самим собой. И тогда «общество», Дума начинают борьбу с правительством на уничтожение...

Власть свалилась либералам как снег на голову. Очень скоро обнаружилась полная неспособность буржуазных партий управлять. Оказалось, что цели и идеалы, самый стиль реализации власти, предлагаемые Временным правительством, были еще дальше от народных устремлений, чем отринутый народом царизм. Общественные настроения на глазах радикализировались: от буржуазных партий — к эсерам — левым эсерам и меньшевикам — большевикам. Октябрьская революция поставила точку на восьми месяцах торжества русского либерализма.

Между 1905 и 1917 годами индустриальная культура в России сделала последний шаг вперед, распространившись на все общество, то есть поглотила уже и деревню. Стомилионная патриархальная масса, активно противостоявшая целям развития, приняла их. Но при этом, естественно, перетолковала, то есть привнесла в соответствие с системообразующими чертами собственной ментальности. Развитие и динамика были интерпретированы как проект построения Царства Божия на земле — соборного мира всеобщей гомогенности и распределительного равенства.

Историческая перспектива, заданная в октябре 1917 года, давно уже и окончательно исчерпала себя. Мы стоим перед очередным историческим выбором. И одна из составляющих верного выбора стратегии развития — точное, не мистифицированное понимание своей культуры и своей истории.

РОСТИСЛАВ ЗОЛОТАРЕВ

СОЖЖЕННАЯ КАРТА

Лет пять назад все в мире, казалось, налаживалось к лучшему, словно по рецептам Панглосса. Перестройка в СССР, «новое мышление», постепенное снижение уровня военного противостояния между Востоком и Западом, новые импульсы для экономического сотрудничества, человеческое измерение политики, амбициозный проект «Европа-92», «бархатные революции», наконец, «общероссийский дом» — словом, самые радужные перспективы.

Сейчас все выглядит не так многообещающе. События 1991 и 1992 годов заставили всех призадуматься. Дуги нестабильности от Балкан до Приднестровья, а также на Кавказе напомнили о пожаре, в котором сгорела Европа 1914 года.

Не позадишь и картографам: не успели они на своих полотнах отметить объединение Германии, как начался распад Югославии, вскоре совершили развал республик Советского Союза, а совсем недавно — и участников казавшейся вполне прочной чешско-словацкой федерации. Конфликты на южной стороне периметра европейских рубежей разбудили энэргию соседних европейских и неевропейских государств, указали еще раз на условности границ Старого Света и опять высветили призраки прежних столкновениях от «крестовых походов» до мировых, а в значительной мере все же европейских войн XX столетия.

И как бы там ни было, непредсказуемость ситуации на Балканах заставила в ожидании новых сюрпризов часто биться сердце не только у картографов. Это часть Европы снова оживает в памяти образ «порохового погребка Европы», взорвавшегося в 1914 году. По странному стечению обстоятельств «возрастная призраков» приходится как раз на 75-летнюю годовщину окончания войны 1914—1918 годов. Именно три четверти века назад замолчали «августовские пушки».

Кто-то из западных наблюдателей, комментируя выход в свет нового атласа «Таймс», заметил, что собирая по всей Центральной и Восточной Европе, а также в бывшем Советском Союзе делают обстановку в Старом Свете очень похожую на ту, что сложилась там после Версальского мира, когда эта часть континента распылилась новыми цветными радугами, отмеченными появлением новых национальных государств. Конечно, «Европа цезарей»: рухнула Австро-Венгерская и Османская империи, несколько сожилось пространство германского рейха, исчезла и Российская империя, на обломках которой после короткого периода самостоятельности целого ряда государств возникло новое образование под новым политико-идеологическим крылом с явными имперскими признаками.

Мирное урегулирование после войны завязало доста-

...Впервые за сто лет и на глазах моих
Меняется твоя истинная карта.
О. Мандельштам

точно долгое время. Если включить в него не только Версальский и сопряженные с ним договоры, но и Локарнскую конференцию и Рейнский пакт, то получится, что урегулирование длилось дольше, чем сама война. Мир, однако, оказался непрочным. Если Вестфальская система прожила около полутора столетий, а Венская — почти ровно сто лет, то этот мир выдержал всего лишь 21 год со времени окончания самой войны. И уже в 1938 году в Мюнхене прозвучал коло-

кол, который окончательно похоронил мир, скрошенный по версальскому рецепту.

Неспроста этого мира многие отмечали еще в ходе мирных переговоров — по мере того, как ясное становилось предостойный результат. Лорд Кейнс, в те времена еще являющийся экспертом британской делегации в Париже, разбирая в своей вышедшей в 1919 году книге «Экономические последствия мира» репарационные условия, названные Германией, отмечал, что создаваемая в Версале система международных хозяйственных связей ставит перспективы мирного развития на грань пропасти. «Существо, которое вынуты из этого яйца, будет ужасно», — сказал он тогда на одном из дипломатических раутов.

Противольствие границ государств Центральной и Восточной Европы и национализация политики этих молодых государств, как впоследствии писал немецкий историк и философ Вильгельм Дильтей, неизбежно должны были стать другим источником кризиса. Не говоря уже о таком хрестоматийном факторе, как борьба великих европейских держав за преобладание и за сферы влияния. И уж, конечно, нельзя забывать еще один.

Россия в результате войны совершенно выпала из европейского концерта. Империя перестала существовать, а возникший на ее месте Советский Союз, несмотря даже на последующее в 20—30-е годы дип-

доматическое признание и присягу Лиге Наций, оказался оппортунистом от центра тяжести европейской политики, став в этот период для Европы скорее политико-идеологическим и географическим, а не политическим фактором. И лишь в самый канун войны, с заключением пакта Молотова—Риббентроп, ложность ситуации стала для нас очевидной.

Но перенесем к итогам войны. Территориальные потери России были такты только внешней стороной пережитой трагедии. Ведь и она, и революция с гражданской войной были следствием первой мировой войны. Россия — отставшая от Запада в социально-экономическом и политическом отношении — не выдержала напряжения. Потребовалась модернизация — и болшевики предложили себя в качестве альтернативы. Но они же и поставили страну в положение «осажденной крепости». А соответствовавшее этой ситуации «оборонное сознание» деформировало весь модернизационный потенциал. Развитие страны пошло по пути протекционизма.

Вроде бы и отброшенный от Европы, и в то же время вроде бы включенный в нее, Советский Союз и вольно, и невольно играл роль разрушителя и без того неперелогом балана — а точнее, дисбаланса — сил, сложившегося после Версаля.

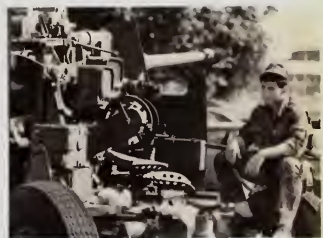
И в таких сложных условиях даже тот шок, который пережила уже Европа в первой мировой войне, не смог уберечь от новой катастрофы. Казалось бы, больше 10 миллионов убитых, 20 миллионов калек плюс ужас новых смертоносных средств уничтожения — и вдруг допустить еще больше жертв?

Размышления над нелогичным весом Версальской системы дали некоторым исследователям основание утверждать, что не было ни Первой, ни Второй мировых войн, а была лишь одна Мировая война, в которой Версаль стал лишь короткой мирной передышкой. Согласно данной гипотезе, первый акт этой большой Мировой войны, тот, который когда-то называли «империалистической войной», — был лишь началом ее, когда впервые пол вопрос был поставлен имперский принцип построения глобальных международных отношений. А после 1945 года осталось только одно запоздавшее в Европе (и даже несколько расширившееся в результате второй войны) имперское образование — СССР. Спиральствующее противостояние фактически прекратило свое существование в 1991 году с распадом СССР, а одновольный мир, очевидно, в прежних параметрах больше уже существовать не может. Это и был настоящий конец «холодной войны», той самой несбывшейся «третьей мировой войны», о которой писал философ Александр Зиновьев еще в «донатрийный» период своего творчества.

В каком-то смысле весь XX век уложился в промежуток от 1914 до 1991 года: от первых попыток применения «оружия массовой смерти» (пулеметов, сверхтяжелой артиллерии и авиационных газов) до полной возможности использовать современное, почти «абсолютное» оружие. До абсурда военных, XX век полностью исчерпал военное изобретение истории. И это, например, один из главных уроков прошедших 75 лет. После 1945 года уже никто не хотел умирать: ни так,

как умирали в двух предыдущих мировых войнах, ни так, как умирали бы в войне третьей. Эпоха мировых войн — хотя «малые войны», увы, не изжиты — закончилась. Произошли значительные перемены и в военно-политическом мышлении. А прежние каноны геополитики, которыми державы руководствовались до августа 1914-го и еще долго после Версаля и Ялты, похоже, уже утратили силу. Хотя реликты «мушкетерского сознания» порой дают еще себя знать в политических построениях.

Конечно, нельзя сбрасывать со счетов существующие опасности, тем более что конфликтные ситуации пока, увы, не редкость. Не забудем слова Карла Ясперса: «Тот, кто боится войны и готовится к ней, делает ее неизбежной. Тот, кто хочет мира, может стать бесценным и таким образом тоже способствует

ее началу. Тот же, кто не забывал о риске, заботился о безопасности, упрощает мир и спокойствие».

Самый важный философский вывод последнего десятилетия — отказ от понимания войны как «неизбежного зла», восходящий к тому шоку, который пережило человечество еще в «первую империалистическую». Самый важный практический вывод — это основание на накопленном опыте понимание возможности избежать конфликта. Правда, этого опыта пока не хватает, чтобы погасить все еще существующие пожары в Югославии, Карабахе, Абхазии.

В том, что эти конфликты продолжают, напоминающая о нерешенных спорах и накануне первой мировой, и после Версаля, повинно несколько обстоятельств. Во-первых, запущенность этих конфликтов — многим уже за 75 лет. А кроме того, их участниками прошло уже столько крон с каждой стороны, что она постоянно побуждает к возмездно и «окончательному решению». Огромный потенциал вражды накоплен еще за время короткого протекания конфликтов, а в явный период он переходит и на молодые поколения. Во-вторых, сознание участников конфликтов часто еще не выросло до того уровня, когда понятие патриотизма перестает быть связано с «кровью и почвой», с чисто пространственным, почвенным пониманием слова «Родина», а в конечном счете (если

стать — опять же условно — на точку зрения экономического детерминизма) — с пониманием экономики как экстенсивного, пространственного и политического обладания ресурсами. Это тот самый тип сознания, который доминировал в начале века и который вел к постепенному переделу мира.

Первая мировая война была, по сути, первой войной экономик. Экономик замкнутых, еще не вошедших в стадию полноты мирохозяйственных связей. Поиск «валентности» — способов соединения в единое целое, поиска хаотичных и несознанных — в политике неизбежно вел к агрессивному поведению. Война возникала, даже если ее никто как будто и не хотел. Спусти несколько лет после последнего — ялтинского — передела мира постепенно складываются предпосылки для нового миропорядка. И хотя еще остаются вопросы, каким ему быть, тесное взаимопереплетение экономических связей уже во многом делает невозможным мировой конфликт. И уже не пространственное им оказывается важнейшим экономическим ресурсом, а — прелесть. Электронная связь и компьютеризация задают новый профиль хозяйственных процессов, а скорость, экономия времени становится важнейшим фактором развития. Россия в этом плане отстала, как, кстати, отставала она и в 1914—1917 годах, и для нее тогдашний лозунг «ускорение», по сути, не является таким уж смешным и бессмысленным, каким он казался лет семь назад. И здесь переход от «экономики пространства» к «экономике времени» — важнейшая из задач.

Судя по всему, время национальных государств прошло, как прошло время верховенства «нацгоса» (имперских, религиозных, этнических и политико-идеологических) образований. И дело идет от прежних механических «жизненных пространств» к органическому их построению. На личном уровне такое «жизненное пространство» глубоко индивидуализировано, оно автономно организуется на региональном уровне и постепенно размывается на государственной ступени (становящейся лишь этапом новой организации более широкого пространства). В конце концов оно объединяет целый континент. Хорошо, если также же будущее жет и те «мгостаритивы», как говорили евангелисты, которые охватывают пространство Восточной Европы, и то, которое простирается по территории СНГ.

Видимо, реминисценции по поводу изменения, произошедших за 75 лет со времени окончания первой мировой войны, не случайно оказались сосредоточены на Европе. Не только потому, что та война была преимущественно европейской. А потому, что границы Европы ныне расширились до границ земного шара, и она в еще большей, чем раньше, степени стала перекрестком мировых процессов, культур, народов. Европа, частично объединенная в Сообщество, и Европа по всей ее иберийско-уральской целостности являются собой как примерную точку развития, так и поле гигантского эксперимента.

Пролыдающие сквозь новые реалии на европейской карте мши и пожарами 1914 и 1918—1919 годов напоминают о том, сколь нелегко был пройденный путь и сколь труден путь будущий. Отметочки стул-

ней Гаврилы Принципа на месте сараевского покушения и дымившиеся остатки здания после deliberate минометного обстрела в том же самом городе напоминают о том же.

Но не пей люлей, сторешных в горине прошедших и еще длыхших войн, не должен стучать в сердце, зная, к поземзнию. Этим пеплом следует посыпать голову неразумным, а разумным надо собрать силы и способности, чтобы найти выход из лабиринта, из которого не удалось выйти 75 лет назад. Карта Европы может — и будет — меняться, но она не должна больше гореть.

Фотостраница Григория Тавбулова

«НЕИЗВЕСТНАЯ ВОЙНА»

Страшно подсчитывать миллионы убитых. Горько видеть слом государства. Обидна наемщина судьбы, исключившей «в последний момент» Россию из числа стран-победительниц.

Еще страшней и горше, и обиднее глухая бесследность трагедии в нашей национальной памяти.

Кажется, ни одна война, разразившаяся над Россией в Новое время, не была оизошена и обогатана в народном сознании так, как эта, «империалистическая». Ни одна не оставила такого ликующего вакуума. Ни одна не оказалась так затерта в сознании потомков, как эта.

Война всегда обостряет национальное самосознание. Она уходит в легенды. Она выявляет свой смысл. Так было с Туркской, с Крымской, ее говоря уже об Отечественной 1812 года, которая под пером Толстого стала актом сотворения нации.

«Империалистическая» сразу была перескочена революцией. Она «переперела в гражданскую» и как бы перестала существовать. Европа вся покрыта памятниками бойцам 1914—1918 годов — у нас их нет. В мире пошли тысячи работ: мемуаров и исследований. У нас — нет. Вплоть до «Ангуста четырнадцатого» жил в русской литературе провал; разрозненные горьковские сны («Самгин») и искоренные эпизоды у Шолохова и Фелина лишь шокировали науку. Мы больше узнали об «августовских пушках» из Барбары Такман, чем из всей советской литературы. Да, Солженицын написал о ромовой силе кино, досконально став хрестоматийной, но, похоже, и сio кино а не была «дочитана», а выдвинула в бесконечное «Красное колесо», где и увидела все в той же бесконечности революции.

Из прославленных генералов той войны один Брусилов, кажется, удержался в синодике, остальные были уничтожены, запачканы, стерты. Из «военников» той войны едва ли не один Карбышев ре-

шался номинать в списке своих наград и наградные ордена, но о Карбышине это известно скорее всего потому, что он стал героем Великой Отечественной.

Миллионы жертв первой мировой были покрыты десятками миллионов жертв второй, Отечественной. Эта, последняя, действительно стала вехой национальной истории. Та, первая, — нет.

Герои той, первой, скрывали свои награды от новой власти. По этим наградам их «отдавливали». Студенты, пошедшие в армию в 1914-м и получившие «прапортичков» в 1915-м, были добиты в чехословацкой погромах в 1920 и 1921-м. Война добивала молодых интеллигентов — тех, кого не уничтожила в окопах первых сражений. Народ опускался в зверское состояние.

Кто свяжет в целое эти картины? Создал, искалеченный в Мазурских болотах, лежит под скальпелем, который подает хирургу великая книга, сестра милосердия. Другая сестра милосердия, в другой стоице, — стоит на коленях во дворе Чиндесенской мануфактуры и умоляет толпу не убивать ее отца, управляющего, а толпа добивает старика камнями, потому что он — Карпен. Деревенская баба поет вслеп поезде: «Распроклятая машина, куда много сташимыла!» А ее суженый в «легнине чести», красуясь русской отгагой перед австрийками и зуанами, идет в рукопашную где-нибудь «под Флориную», а осенью 1917-го разом оказывается «измиником» и мыкается в эмигрантской нищете, если судьба не прибрывает его в каторжном лагере в Марокко.

Где смысл этой бесконечной космопоки? Где итог этого беспростного подвига? Или прав будущий знаменитый философ, а осенью 1914 года — молоденький прапорщик Степун, написавший в письме к матери: «ничего не поить!» Конечно, «Бог судил иначе», но как судил — разве угадешь?

Фелор Августович Степун, сын

директора фабрики... Его отца, типичного русского «нема», могли бы побить камнями, как того несчастного Карпена. Самого Фелора Степуна могли бы пристрелить в какой-нибудь Губке как бывшего прапорщика. «Бог судил иначе»: на «корабле философов» Степуна выслали в Германию. Где он и получил возможность думать дальше над проклятым вопросом: если спасение Германии в России, а спасение России в Германии, то что за сила бесовская stalkивает в войнах два народа, созданных для сотрудничества?

У тогдашних политиков был на этот вопрос ясный ответ: Англия. Оправленное в известный манифест Петра Николаевича Дурново, это мнение вошло в заповедие нового Нострадамуса: именно Англия спровоцировала Германию и Россию, чтобы удержать свою империю.

И что же, удержала? Потеряла. Может, Америка, пошедшая в Старый Свет с доктриной Вудро Вильсона, осуществила свой замысел? Нет, и она втянулась в события против воли. Что же до таких участников войны, как Россия и Германия, то они заплатили страшные все: государственными катастрофами. И в обеих странах поколение спустя изжило «зубы дракона», и мировая война повторилась — девятерой страшнейшая.

Смысл? Темеп смысл Двадцатого века. Ясно только, что «коммунизм» и «фашизм» — лишь наркотические маски, а реальность под ними все та же: война. Две мировые войны и боевая передышка между ними.

Смысл этой драмы откроется в геополитических итогах Двадцатого века, если Двадцать первый окажется вдумчивым наследником. Мы — не ведем. Только начинаем догадываться.

Лет пятнадцать назад телесериал о Великой Отечественной войне русских шел на Западе под названием «Неизвестная война». Тогда нас кольнуло: это ИМ неизвестная, а НАМ, потерявшим на войне целые поколения, еще как известная.

Поколения, угробленные в 1914—1918 годах, зывают к нам из безвестности.

ЛЕВ АННИНСКИЙ

Губрику ведет кандидат исторических наук
ВЛАДИМИР АННИНСКИЙ

ГЕРОИ ЗАБЫТОЙ ВОЙНЫ

То, что России не повезло в XX веке, — это факт. История ее — сплошные несприятности.

Бесконечные жертвы, террор, потери, поражения и... победы. Были и они... А где твои герои, Россия? Понимашь ли ты о них? Посеребрёнными гипсовыми истуканами стоят по дорогам памятники «неизвестному солдату», да в парках Победы мокрым под дождями и выгорают на безжалостном солнце бронзовые бюсты героев Великой Отечественной... Память о них, как вода сквозь пальцы, уходит, и лишь десятилетия спустя, может быть, вспомнят русичи о героях русско-японской, гражданской войны, об участниках «физской кампании» и о тех, кому больше всех не повезло, — о героях первой мировой, империалистической. О тех, кто вынужден был прятать свои награды, добытые кровью. О тех, которым нет им памятников, ни монументов. Кто помнит распотрошенных в гражданскую, попрепанных в деревенских избах, проданных за краюху хлеба, увезенных на чужбину Георгиевских крестах? А ведь когда-то гордились ими больше, чем любячи другими наградами: полным Георгиевский кавалер был истинным русским богатырем. «Конечно, вам пуля и штык страшны, а мне нисколько не страшен штык. Удалому и смерть не страшна, в особенности мне, Георгиевскому кавалеру...»

(Из солдатских писем)

С началом первой мировой войны повысился общественный статус «солдатского Георгия». Был

создан «состоящий под Почетным Председательством Его Императорского Величества Государя Императора высочайше учрежденный Георгиевский комитет Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Александровича», и функции которого, помимо прочего, входила и забота о материальном положении Георгиевских кавалеров. Была учреждена «Комиссия по описанию боевых трофеев русского воинства и старых русских знамен», задача которой заключалась в пропаганде подвигов русских солдат и офицеров. Трофейная комиссия (так ее сокращенно называли) издавала различную литературу, распространяемую среди населения, в том числе и серию «Г. о. и. и трофеи великой народной войны», весь доход от которой поступал в фонд Георгиевского комитета. При Комиссии был создан специальный Военно-художественный отряд, в его состав вошли художники и фотографы, которые должны были запечатлеть наиболее удачные сражения, делать зарисовки сюжетов, за которые солдаты и офицеры награждались крестами. Предполагалось, что на основе этих набросков и эскизов со временем возникнет истинная летопись героических дел «русского воинства». Так возникла и эта фотогалерея Георгиевских кавалеров, чьи подвиги сегодня канули в Лету, и трудно не только подробно рассказать о них, но подчас и установить фамилии. Но все же хочется спустя десятилетия дать возможность читателям журнала взглянуть в лица русских солдат и офицеров — забытых героев неизвестной войны.

Сдано в набор 20.06.93. Подписано к печати 25.08.93. Формат 84х108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16. Усл. кр.-отт. 75,8. Уч.-изд. л. 25,21. Тираж 105000 экз. Заказ № 756. Цена в розницу — договорная 40 руб. по подглаго. Адрес редакции: 121877, Москва, проспект Новый Арбат, д. 19. Телефон: 203-60-25. Типография издательства «Пресса», 125085, ГСП, Москва, А-137, ул. «Грибоева», 24. Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ. Регистрационный № 291.

ТОРГОВЫЙ ДОМ

БУМАГА

└ Оптовая и розничная продажа со склада в Москве бумаги форматов А3 и А4.

- ☐ Широкий ассортимент бумаг различного назначения.
- ☐ Высокая белизна и пониженная пыльность.
- ☐ Оптовые цены на 25% ниже конкурентных.
- ☐ Контейнерная отправка в регионы России.
- ☐ Доставка оптовых партий по Москве.
- ☐ Комиссионное вознаграждение агентом и посредническим организациям до 20%.

Розничная продажа бумаги потребительских форматов осуществляется по адресам:

ул. Серпуховская, д. 8, - «Омега-2»,
ул. Проспект Мира д. 57,-
«Книжная лавка журналиста»
ул. Аргуновская, д. 4, - «Ректо»,
ул. Ботанический, д. 3,
ул. Кузнецкий мост, д. 20, - «Атлас»,
Ленинский пр., д.94а, - «Школьные»,
ул. Земляной вал, д. 12, - «Орион».

- ☐ Продает со складов в Москве полиграфические виды бумаги и картона.
- ☐ Поставляет высококачественные полиграфматериалы производства Финляндии

☐ Принимает заказы на изготовление самоклеящихся этикеток на бумажной основе.

☒ **Впервые в России** производит бумагу для акций с водяными знаками по эскизу заказчика (3 степени защиты). Только у нас минимальные партии 500 кг. Полиграфисполнение по заказу.

☐ **Проводит консультации** по подготовке издания к сдаче в печать, подбору и расчету полиграфических материалов.

- ☐ **Принимает на комиссию** бумагу, бумвинил, картон. Хранение на складе ТДБ в течение срока реализации - бесплатно.

Телефон: 128-27-94.

Почтовый адрес:

117218 г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 3, Торговый дом «Бумага».
Телефон: (095) 129-30-91, 332-79-86.